

СОЦИОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

4
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромынка Принт», Москва,
ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.06.2022
Цена свободная

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченков,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Кравченко А.И. Одежда горожанина: тело одетое и почти обнаженное 4

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Стоянов А.С. Ожидания в социально-воспитательной работе вуза: курсанты vs студенты (на примере АГЗ МЧС России)..... 24

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Заварзина Ю.В. Социология управления в фокусе социальной ответственности бизнеса и развития человеческих ресурсов 36

Москвитина Н.В. Стратегии управления человеческими ресурсами и методы подготовки персонала 50

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Багаева А.В., Терновая Л.О. Фигура чиновника-ученого: персональные связи государственного управления и науки 70

Давыдов В.В. Применение метанаучного знания в когнитивной науке 79

Косинов С.С., Планидин Е.С., Овсий В.В. Волонтерская деятельность в социальном институте физической культуры и спорта 89

Бесова М.И., Курилов С.Н., Родин А.Б. Методологические проблемы развития концепции трансдисциплинарности 96

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аргучинцев А.В., Малых С.В. Управление научно-исследовательской деятельностью студентов: социальный кейс 103

Калинич В.С., Верлатова О.Ю. Патриотическое воспитание в современном российском обществе: особенности и проблемы развития 110

Медведев А.В., Медведев Р.А. Ограничение использования личного автотранспорта в пользу общественного: мнение россиян..... 119

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ.
СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Осмоловская С.М. Проблемы и перспективы цифровизации в высшей школе: социологический аспект 128

Алиев З.Г. Эволюция института социального выбора 134

Черкасова И.К. Структура и механизмы управления мегаполисом 141

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Деточенко Л.С. Современные тенденции обеспечения инклюзивности в парадигме высшего образования..... 145

ФИЛОСОФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
КУЛЬТУРЫ

Кащеев С.И., Гусева С.В. Применение лингвистических методов для определения культурных кодов в семиотике культуры 153

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Добреньков В.И. Герменевтический метод Ф. Шлейермахера как основа развития либерального и радикального протестантизма 162

Макаренко Е.Д. Феномен человеческого потенциала в обществе эпохи индустрии 4.0 170

Чернышев В.П., Бородин П.В., Клименко В.А., Кондратюк И.В. Эволюция социальной роли спорта высших достижений в российском обществе..... 178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ермакова Э.В. Роль монарха в эпоху цифровых технологий (на примере Королевства Бельгии)..... 184

Гао Янь, Ло Шуан. Сравнительное исследование критической теории культуры Баумана и Хеллера..... 193

Одежда горожанина: тело одетое и почти обнаженное

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Одежда есть в любой культуре и в каждой исторической эпохе, у всех возрастов и религий. Ходить на публике голым – табу, а облачаться в нее – норма. При этом для каждого сословия, профессии или вероисповедания она регламентирована. Дресс-код, опознавательный норматив одежды, выполняет функцию социального распознавания и идентификации. У каждого вида культуры в рамках одной страны (не говоря уже о разных) – элитарной, народной, массовой, субкультуры и контркультуры – есть собственная одежда. Одежда – такой же социальный символ, как речь и поведение. У нее три основные функции: обеспечение комфорта, соблюдение приличий и демонстративное выражение. По количеству выполняемых функций и своему предназначению в жизни человека одежда превышает все то, с чем он сталкивается или что его окружает.

Ключевые слова: социология моды, функции одежды, циклы моды, эффект просачивания, уличная мода, социализация моды.

Функции и предназначение одежды

Одежда воздействует на все пять органов чувств человека, которые поставляют информацию нашему разуму. Он точно знает, что встречают по одежке, но провожают точно по уму. «Уменье одеваться более важно, нежели уменье входить в комнату или уменье кланяться. Ничто так не бросается в глаза, как одежда человека», – наставляли в старину. Не зря говорят, что о человеке вначале судят по его внешности, затем по разговору, а далее по интерьеру его кабинета. «Одежда составляет 90% всего того, что люди видят перед собой, когда смотрят на вас. Люди судят о нас – то есть определяют, кто мы, где мы живем и где мы были – на основе одного лишь взгляда на нашу одежду», – подчеркивал Дебра Гай Кокс, консультант по имиджу. Культуру человека подчеркивает его одежда, которая служит его визитной карточкой.

Еще до того, как мы заговорим с кем-то на собрании, вечеринке или на улице, наша одежда передает важную информацию (или дезинформацию) о нашей профессии, происхождении, личности, мнениях и вкусах. Мы также уделяем пристальное внимание тому, как одеваются другие; хотя мы, возможно, не в состоянии выразить наши наблюдения словами, мы бессознательно фиксируем информацию, так что, когда мы встречаемся и разговариваем, мы уже говорим на универсальном языке. С помощью моды мы можем притворяться, что мы те, кем мы не являемся, и это сойдет с рук. «Мы можем лгать языком одежды или пытаться говорить правду, но пока мы не наги и не лысы, молчать невозможно» [1].

Категории одежды: совершенно не ношенная (не одёваная), почти не ношенная (раз только одела), малоношенная, недоношенная, ношенная, обношенная, переносная, ношенная-переносная, заносная, ветхая. На одних людях одежда весит, на других сидит, на третьих лежит. Как считают И.В. Антонен-

ко и И.Н. Карицкий [2], стиль одежды включает в себя пять культурных слов – адаптационный, функциональный, символический, регуляционный и индивидуальный.

Функцию статусных символов выполняют также жилье, язык, жесты, манеры поведения. У каждого сословия, класс, народа они разные. Статусные символы выполняют самое разнообразное предназначение. В формальных организациях, например в армии, они служат показателем вознаграждения (повышение в звании), необходимости выполнения служебных обязанностей (отдание чести старшему по званию); кроме того, они маркируют род войск. Статусные символы, права, обязанности и роль создают статусный образ, или имидж.

Одежда, созданная только для того, чтобы согреть человека, предлагает целый спектр превращений в символ, знаковую систему. Бесчисленны образцы мантий, кафтанов, поясов, навлекаемых из древних могил, выставленных в музеях, изображенных на полотнах художниками. Их основное назначение – определять место человека в обществе, его роль и социальный статус. Одежда покрывалась шитьем, золотыми аппликациями, драгоценными камнями, чтобы символика стада еще выразительнее. Стоимость одеяния зачастую намного превышала цену человека. Стоимость платья придворного равнялась годовому бюджету большой семьи ткача или шахтера. То же самое и с жилищами – от лачуг до дворцов. Подчас символика едва ли не полностью поглощала их исходный смысл и функцию – *укрывать* людей от непогоды [3].

Джордж Мердок включил одежду в число 88 культурных универсалий наряду с жилищем, имуществом, праздниками, гостеприимством, системой родства, образованием, вероисповеданием и социальной стратификацией. По-разному они, конечно же, и одежда удовлетворяют важнейшие биологические потребности: сохранение жизни и поддержание здоровья, защита от холода, удобство при отдыхе, установление социальных связей и ранжирование,

построение карьеры, выделение своей индивидуальности, проявление творческого начала.

Одевание и раздевание – часть повседневной жизни. Возможно, что количество производимых с одеждой действий настолько велико, что превысит все прочие вещи, которыми владеет человек. Как любая иная вещь, одежда обладает собственным функционалом – выполняемыми по отношению к личности или обществу полезными функциями. Их меньше производимых с одеждой действий, но тоже значительное число – большее, чем у других необходимых человеку в повседневной жизни вещей. А потому и количество потребностей, которые можно удовлетворить, очень значительно. Одежда защищает нас от ветра, дождя, снега, палящего солнца и холода, но не от голода. Практически она закрывает всю таблицу потребностей Абрахама Маслоу. За исключением самых главных – ею не насытишься, не надышишься и не напешься.

Фраза «человека встречают по одежке» больше подходит для города, где никто никого не знает и приходится ориентироваться по четким внешним признакам, чем для деревни, где все хорошо знают друг друга по личным качествам.

Мы вошли в помещение и еще не успели раскрыть рот, как окружающие все прочитали о нас по нашей одежде. Наши слова могут только подтвердить их ожидание или прийти с ним в противоречие: Мы другого и не ожидали! Следовательно, глаза вступают в коммуникацию раньше рта.

Опознавательная функция одежды способствует наведению порядка и облегчает социальный контроль, например, военный мундир позволяет различать старших и младших по званию, своих и чужих солдат, а униформа полицейских сразу же ориентирует на них толпу как на субъектов правопорядка, подчинения и безопасности. Совсем разные чувства, ожидания и действия пробуждает у людей одежда пожарных, врачей и заключенных. Выражаясь несколько выпендренно, можно сказать: одежды вызывает у людей то гнев, то надежду.

Одежда скрывает и укрывает, возбуждает и успокаивает, восхищает и разочаровывает, привлекает и отвращает, успокаивает и гневит. Т. Готье писал: «В нынешнюю эпоху одежда сделалась для человека чем-то вроде кожи, с которой он ни при каких условиях не разлучается; одежда так же необходима человеку, как шерсть животному; в результате о том, как выглядит человеческое тело, никто уже не вспоминает» [4].

Одежда – форма *аргументации*. По одежде судят о человеке – марке его часов, фирме и качеству костюма, цвету галстука или носков. Искусная аргументация – как искусная одежда на человеке. Она может быть модной, качественной, сделанной лучшими дизайнерами и портными. Но она – всего лишь одежда. Под одеждой находится голый король. Он такой же человек как мы все. Королем его делает только соответствующая статусная одежда и статусная документация. Но то и другое – дело рук человека.

Одни одежду моделируют, другие ее изготавливают, третьи носят. Одни по каждому поводу и без повода покупают новую одежду, другие донашивают за старшими, третьи – за кем-то чужим, прибегая к практике секонд-хенда. Одежду можно найти в мусорном контейнере или на городской свалке, получить в подарок или по гуманитарной помощи, обменяться со знакомой семьей, ее можно украсть либо отнять, запачкать или сжечь. Блошинный рынок с теми же обновлениями этого не позволит. Там «гардеробятся» бедняки. В мусорных контейнерах может оказаться самая разная одежда, как из магазина, так и с рынка. Но там обновляют свой гардероб бомжи.

Секонд-хенд – рынки и магазинчики с ношенной, из вторых рук доставшейся одеждой – полезный и доступный своей дешевизной социальный институт для демократической молодежи. Не переплачивая в сотни раз за модную одежду, пришедшую от богачей или звезд, студент может выглядеть весьма «брендово».

Человек, лишенный одежды, вызывает удивление, оскорбление чувства

приличия, жалость, недоумение, отвращение. К сделавшему такое добровольно окружающие относятся совсем иначе, нежели к ставшему жертвой грабежа. Правда, среди нудистов первый испытывает понимание и комфорт. Иногда одежду снимают на спор или в знак протеста, вызывая публичный скандал и привлекая внимание к той либо иной социально важной теме. Человек, лишенный одежды, изолируется или самоизолируется от общества.

Временное лишение возможно только как стадия переодевания, принятия водной процедуры, посещения врача либо как акция интимной близости, доверия к партнеру. Неодетые детишки всегда вызывают восхищение и покровительственные улыбки взрослых. Одежда обозначает либо сопровождает практически все социальные практики – трудовую или праздничную деятельность, исповедь, клятву, покупки, свидание, роды, свадьбу, похороны и др. На одной персоне одежды может быть очень много – несколько слоев, а может быть сведено к минимуму – набедренной повязке или татуировке.

Мода играет особую роль в визуализации цифровой повседневной жизни в такой медиа-среде. Как социальная медиа-платформа, ориентированная на изображения, Instagram стал центром персонализированного вкуса и моды как повседневного образа жизни, обеспечивая игровое пространство и предоставляя обновления в режиме реального времени. Через модные изображения в Instagram процесс выражения повседневной жизни как своего рода праздника и произведения искусства, обретения своей идентичности посредством индивидуального стиля можно считать практикой культурной революции, отражающей цифровую повседневность. В цифровой среде роль моды следует рассматривать как культурную революцию в повседневной жизни, которая создает подлинную ценность за счет преобразования повседневных рутин в фестивали и произведения искусства. В Instagram такая фестивализация становится средством перезарядки, захватывая обычное

и однообразное и превращая их в особые моменты с помощью постов в модных блогах. Кроме того, эстетически-пространственная функция Instagram сделала возможной артификацию повседневной жизни [5].

Мужской костюм – еще и культурный код, свидетельствующий о вкусе владельца, его статусе и занятиях, склонности к респектабельности и успеху в делах. В бизнесе «встречают по одежке» как нигде еще, и лишь потом оценивают другие качества – пунктуальность, четкость, квалификацию, верность слову. Чем светлее костюм, тем лучшего качества он должен быть. Деловой костюм – визитная карточка бизнесмена. Нет делового костюма – нет членства в сообществе равных, нет перспектив для хороших контактов и минимум доверия. Будущий миллиардер Рокфеллер начал свой путь к успеху с вложений не в бизнес, а в самого себя: он истратил буквально последние деньги на два важных приобретения – дорогой деловой костюм и членская карточка в престижный гольф-клуб.

Известно, что некоторые вещи, изначально призванные выполнять одну функцию, со временем начинают выполнять совсем иную, иногда противоположную. Одежда была изобретена человеком не только для спасения от холода, но и для прикрытия наготы, т.е. ради ограничения сексуальных возбуждений у представителей противоположного пола. Однако в современном обществе одежда молодых женщин, например, мини-юбки и платье с глубоким декольте не смиряют, а возбуждают страсти. Они стали выполнять совсем иные функции.

Утилитарная функция защищать, укрывать, согревать – низшие два уровня пирамиды Маслоу, а также служить статусным маркером, т.е. третья потребность, часто уступает место потребности как-то выделиться и выпендриваться. Молодые люди одеваются так пестро и нелепо, что их называют клоунами. мода здесь ни причем, ибо настоящая мода эстетична и разумна. Четвертая надстроечная потребность доминирует и вредит первым трем, мобилизуя для

себя пятую – творчество ради придумывания новых прикрас.

Социальные маркёры одежды

Одежда должна не только согревать и защищать от холода, но еще демонстрировать богатство, статус, привилегии, вкус, личные пристрастия и даже причуды. Функцию политического маркера выполняют идеология, классовая позиция, пол, возраст, язык, одежда, жилище и ряд других статусных символов. Человек создает границы при помощи символов и знаков, значение которых определено в его культуре. У каждого возраста, социального слоя, пола, культуры, религии, профессии и субкультуры есть собственная одежда, отличающая, украшающая защищающая и выделяющая их. Крестьяне одевались иначе, чем жители городов. Ремесленники носили одежду, которая отличалась от купеческой. Образ Эрнеста Хемингуэя, небритого, в свитере крупной вязки, стал для многих своеобразной иконой стиля суровой романтики. Примерно также одевались в СССР любители походной романтики – туристы, тусовщики 1970–1980-х годов, представители андерграундной субкультуры. Революционеры предпочитали кожаные куртки, излюбленная одежда современных байкеров – кожаная мото-куртка и такие же штаны. Хипповый прикид – яркая повязка из лент или бисерная нить, удерживающая волосы, фенечка (фенька) – украшение: бусы, браслеты, которые носят и девушки, и парни.

Культура народа – это его образ жизни, его одежда, жилище, кухня, фольклор, духовные представления, верования, язык и многое другое. В культуру входят также социально-бытовые установки, принятые в обществе жесты вежливости и приветствия, походка, этикет, гигиенические привычки. Домашняя утварь, одежда, орнамент, фольклор – все это имеет этническую тональность и передается из поколения в поколение, образуя этнический стиль. Надписи в подьезде и на заборах, далеко не всегда соответствующие нормам литературного языка, также выражают определенную

культуру, а точнее сказать, молодежную субкультуру.

Галстук – показатель принадлежности человека к определенному социальному слою или классу, в частности к высшему или среднему, но никак не к низшему. Преподаватель или инженер носит галстук даже на работу, не говоря о том, чтобы пойти в гости или в ресторан. Но рабочие этого, как правило, не делают. Одежда, стиль прически, украшения, язык, жесты, значки – символы, которые устанавливают границы между социальными группами.

В Англии цилиндр считался престижным и статусным головным убором. Котелок обозначал кого-то, кто жил и работал в городе (городской джентльмен!) – определенно средний класс. Владелец трилби или федоры попадал в низший средний класс.

В прошлом одежда жестко регламентировалась. В Англии XIV века костюм определялся не вкусом или стилем, а законом. Парламент принимал правила, регулировавшие одевание для каждого социального слоя. Если человек надевал костюм, который полагался людям, стоящим выше на социальной лестнице, он подвергался штрафу. Похожие правила существовали и в американских колониях, где женщине запрещалось носить шелковый шарф, если ее муж «стоил» меньше тысячи долларов. Однако люди постоянно стремились завязать свое положение в обществе, надевая «не свой» костюм. А наказывали их, по сути, не за костюм, а за попытку с его помощью завязать свое положение.

В XVIII веке демонстрацией высокого положения стал спорт. Так, при верховой езде английские сельские джентльмены для удобства надевали фраки и цилиндры – именно это одевание позже стало ассоциироваться с досугом и возможностью не работать. Постепенно «джентльменский» спортивный костюм превратился в повседневную одежду высшего света, а затем, изменившись, стал обычным костюмом большей части общества.

Для дорогостоящих развлечений – ружейной охоты, рыбалки и гольфа – использовались клетчатый костюм и ко-

телок. Вначале подобная одежда считалась неофициальной, но затем она вытеснила черный фрак, оставив ему место в свадебных церемониях и официальных торжествах. В последнее время на западе стало немодным подчеркивать принадлежность к элите. На смену клубному пиджаку яхтсмена пришла более простая и будничная одежда.

Статус, особенно высокий, накладывает на его носителя определённые обязательства – совокупность ограничений, которые касаются, прежде всего, поведения. Почему именно поведения? Разве высокий статус не выражает себя в особых знаках отличия, привилегиях, форме одежды или размерах недвижимого имущества? Конечно, дорогая, изысканная одежда служит показателем более высокого ранга. Но хорошую одежду можно купить. Именно ценностно-рациональное поведение – самый верный признак статуса.

Одежда, знаки, привилегии, имущество – все это можно передать от одного человека к другому, но изысканные манеры поведения нельзя снять или одеть. Они воспитываются всю жизнь и характеризуют внутреннее благородство человека. Даже скромно одетый, но изысканный в манерах человек, обладает более высоким статусом, чем богатый и грубый. В США и Европе высший класс одевается даже скромнее, нежели средний. Чем выше статус, тем жестче ограничения накладываются на поведение человека. Не случайно говорят: положение обязывает.

Выбирая одевание, человек как бы объявляет другим: «Вот к какому сорту людей я принадлежу, и будьте любезны обращаться со мной соответствующим образом». Следовательно, выбирая одежду, я могу давать любую информацию о себе, в том числе ложную. Замаскировавшись, я могу выдать себя за кого-то другого. Стало быть, одежда дает не только истинную, но и ложную информацию о человеке.

Строгий и элегантный вид дресс-кода можно встретить в банках, сфере страхования и на высших постах в менеджменте. Здесь установлены очень жесткие

рамки в выборе одежды. Длина галстука – до середины ремня. Сантиметр выше, сантиметр ниже – расстрел. Норматив делового мужчины – темный костюм с белой рубашкой, начищенная обувь, строгий галстук. Расцветка галстука «дружит» с цветом рубашки, а его фактура – с материалом костюма. Толщина галстука зависит от плотности костюма. Чем толще его ткань, тем шире галстук, и наоборот. Туфли не могут быть светлее брюк и носков. Никаких джинсов и даже брюк-чинос¹. Сегодня и принцы, и нищие носят джинсы.

Обуваться человек начал примерно 30–35 тысяч лет назад. С тех пор обувь, первоначально изготовленная из одного куска кожи или коры, приобрела довольно сложную конструкцию. Настоящий склад из 300 пар плетенных из травы сандалий обнаружили археологи на стоянке человека каменного века. В Древнем Египте обувь, изготавливавшуюся из папируса, носили лишь фараон и его ближайшее окружение. Даже супруга владыки Египта ходила босиком. У греков и римлян носить обувь запрещалось только юношам и рабам. А вот знатные римлянки надевали на ноги что-то вроде перчаток, их натягивали на каждый палец. Первоначально обувь была одинаковой для обеих ног, греки первыми стали изготавливать разную – для левой и правой ноги – обувь.

В XII–XIII веках, эпоху готики, в Европе входят в моду так называемые «пулены» – туфли с длинными заостренными носами, доходившими у знати до 60–70 см. Аристократам тогда нравилось все, чир напоминало им готические соборы, в том числе шлейфы, остроконечные головные уборы, фестоны на одежде. Чтобы носы обуви не теряли форму и не мешали при ходьбе, в них клали китовый ус, забивали носок паклей и подтягивали к браслету под коленом специальными тесемками, которые украшались колокольчиками, зеркалами, кистями. Чтобы носы туфель не мешали при ходьбе, их пристегивали к браслету у колена. Неудобную обувь в моду ввели рыцари. С помощью пулен они хотели под-

черкнуть свою полную непричастность к обычному труду. Длина носов была строго регламентирована для каждого сословия. Принцы могли носить пулены с носками в 2,5 ступни, аристократы в 2 ступни, рыцари в 1,5 ступни, богатые горожане в 1 ступню, а простолюдины – в половину ступни. Именно эта странная мода подарила миру выражение «жить на широкую ногу»².

На Руси в сельской местности основным видом обуви были лапти. Различали лапти будничные и парадные. Плели их из лыка липы, вяза, ракиты и вереска. Обувь эта была непрочной, и недаром существовала поговорка: «В дорожку идти – пять пар лаптей плести». Иногда как материал использовалась простая веревка. Такие лапти назывались чуни. Их носили дома.

В западноевропейских странах в XV веке появились башмаки с вытянутыми и загнутыми носами, но, их имели право носить только богатые горожане. В эпоху Возрождения на смену длинноносым башмакам пришла обувь с широкими носами. Именно с этой модой связано выражение «жить на широкую ногу». Венецианским красавицам пришли по душе высокие деревянные «цоколи». Правда, передвигаться в них можно было только с посторонней помощью. XVII веке основное внимание уделяется мужским сапогам – ленты, банты, кружева, гигантские шпоры придают кавалерам экстравагантный вид. Фабричное изготовление обуви начинается с XIX века.

Долгое время большинство городского населения носило кожаную обувь. Простейшей кожаной обувью были мягкие туфли, которые делали из целого прямоугольного куска кожи, собирали по краю на ремешок и стягивали вокруг ноги. Получался просторный туфель. Однако больше всего были распространены сапоги. Их носили все: и мужчины, и женщины, и дети. У сапог в древности была одна особенность – правый сапог не отличался от левого. Они кроились одинаково и форму ноги приобретали

¹ ДРЕСС-КОД в офисе. [www.sostav.ru]

² Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/180721/50342/>

в носке. Так были обуты и солдаты в русской армии. В западноевропейских странах в XV веке появились башмаки с вытянутыми и загнутыми носами, но, их имели право носить только богатые горожане.

Другим распространенным вариантом обуви в нашей стране были *калоши*. В Советском Союзе их обожали за практичность. Учитывая отсутствие нормальных дорог и постоянную грязь, калоши оказались настоящим спасением для горожан. Сейчас они считаются скорее модным аксессуаром: блогеры, инфлюенсеры, модели на дизайнерских показах гордо демонстрируют калоши публике.

Поскольку люди имеют различный приобретенный опыт, вторичные потребности людей различаются в большей степени, чем первичные. Деление это в известной степени условно: роскошная одежда «нового русского» не обязательно связана с удовлетворением первичных потребностей, а, скорее, с представительскими функциями или так называемым престижным потреблением.

Не всякую униформу люди носят с удовольствием. К примеру, гусарскую одежду мужчины носили с огромной гордостью. Но можно ли то же самое сказать об оранжевой униформе дорожного рабочего? Гордится ли он своей одеждой, которая выделяет его среди массы людей? А, может быть, вам самим удастся поговорить с кем-нибудь из них и выяснить вопрос на месте? Думается, что заключенные носят свою одежду безо всякого удовольствия.

Некоторые виды одеяния придуманы нарочно только для того, чтобы оскорбить человека, подчеркнуть его униженное положение. К ним относятся, например, кандалы, которые носили каторжане и рабы. Во время второй мировой войны фашисты заставляли евреев надевать желтые звезды. В различные эпохи правила приличия не совпадали, но главный принцип оставался неизменным: чем более пуританским являлось общество, тем тщательнее пряталось тело. В арабских странах одеяние женщин скрывало не только тело, но и его

очертания. Когда-то в Англии считалось непристойным произносить даже слово «нога», а ножки рояля закрывали чехлами [6].

В XIX в. считалось неприличным обнажать щиколотки, надевать легкие платья на голое тело, выглядеть на манер кафешантанной певички с открытой спиной и высокими разрезами. А глубокий вырез на платье во многих странах считался признаком распутницы. Выходить в помятой одежде и сегодня считается моветоном. В XX в. джентльмены, мужчины, которые носят женскую одежду, если они не являются настоящими транссексуалами, похоже, имитируют самую вульгарную и непривлекательную форму женской одежды, как будто в духе преднамеренной и враждебной пародии» [7].

В романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (1932) жители «Мирового Государства» носили костюмы, цвет которых зависел от их социального статуса. Например, альфы ходили в сером, гаммы – в зелёном, а эпсилонеры – в чёрном.

В СССР в 1970–1980-х годах все члены Политбюро ЦК КПСС носили зимой пыхиковые шапки. Соответственно, в обществе обладание такой шапкой повышало социальный статус. В Китае во времена всеобщей унификации, в том числе и в одежде, статус чиновника определялся по количеству карандашей в нагрудном кармане.

Молодежная мода

Социология моды (Sociology of Fashion) – изучение распространения гламурных форм и креативных стилей одежды, прежде всего верхней, среди молодежи, колебания, увлечения и мутации принципов моды. Это преимущественно или исключительно городской нарратив. Только с середины 1990-х годов мода стала привлекать внимание социологов. Простое социологическое определение моды – «появиться первым на людях в обнове» [8]. Мода существует повсюду, хотя большая часть исследований посвящена одежде.

Английский термин «fashion» происходит от латинского *facere*, во многих

европейских языках мода происходит от *modus*, обозначающем «что-то измерять». У моды существует тесная связь с «модерном», первоначальный смысл которого «сейчас» или «сегодня». В социальных науках она означает одежду, в первую очередь, высокую моду, а во вторую такие сферы, как живопись, музыка, драма, архитектура, предметы домашнего обихода, развлечения, литература, медицинская практика, управление бизнесом, политические доктрины, философия, психология и даже математика.

Модой интересовались Г. Гегель, Г. Спенсер, К. Маркс, Ж.-Ж. Руссо, Г. Тардт, Г. Зиммель. Латинское «*modus*» используется философией XVII–XVIII вв. и обозначает переходящее свойство материи. Б. Спиноза называл модусом переходящие состояния субстанций, имеющих причину не в себе, а в чем-то внешнем. Англичане в XV в. употребляли слово «*fashion*» для обозначения моды как меры и образа, а термин «*mode*» – в значении «обычай». В XVII в. французы и итальянцы уже пользуются термином «*mode*», «*moda*», «*modo*» для обозначения меры и образа в сфере повседневного поведения и быта – одежде, обуви, мебели, причёске и поведении. В Россию «мода» пришла при Петре I.

Современная городская молодежь разбивается на множество направлений, групп и толков по самым разным критериям, в том числе социальным (протестные и экологические движения), политическим (антиправительственные, террористические, антивоенные, дисидентские группы), музыкальным (металлисты, рэперы и др.), религиозным, экономическим и т.п. В Интернете можно встретить киноманов, аλισоманов, рейверов, блэзеров, трешеров, думеров, толкиенистов, гранжиров, рэпперов, гопники и т.п.

Мода – непродолжительное господство определенного вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры. В зависимости от своих вкусов и предпочтений, а они в молодежной среде удивительно разнообразны, молодые люди в каждом виде деятельности выбирают свой стиль,

направление, пристрастие. Одним нравятся реп и фристайл, другие предпочитают серфинг и рок-музыку.

Молодежь активно участвует в общественной жизни, но не всегда так, как взрослые или как бы хотелось взрослым. Ей претят спокойные виды деятельности – заседание в парламенте или однообразные деловые встречи. Молодежь импульсивна, критична и категорична в своих суждениях. В революциях последних лет – в Грузии, Египте, Тунисе, Ливии – решающую роль сыграла молодежь. Молодые люди организуют протестные акции, массовые демонстрации, выступления на площадях, международные форумы. Им хочется немедленных и видимых результатов. Опережая ход событий, молодежь жаждет воплощения своих идеалов здесь и сейчас. Но общество развивается не так быстро, чаще благодаря реформам, а не революциям, поскольку в нем, кроме молодежи, есть и другие группы населения, которым нужен совсем другой ход социального развития.

С ускорением технического прогресса значительно сократились циклы смены технической моды. Два-три года, и появляются другие технологические новшества (компьютеры, mp3-плееры и т.д.). Зародившись в центре – передовых странах – новое веяние, благодаря современным средствам коммуникации, моментально достигает периферийных стран мира. Через короткий промежуток времени на смену приходит новое увлечение, а за подобной гонкой способна угнаться только молодежь.

Адресат современной индустрии моды – молодежь и обеспеченные люди всех возрастов. В развитых странах, особенно в тех, которые считаются законодателями моды (например, Франция), ее оборот достигает фантастических размеров. У французов он равен 25 млрд долл. в год. Согласно McKinsey Global Fashion Index, в 2021 г. стоимость мировой индустрии моды оценивалась в 2,5 трлн долл. В течение многих лет его рост стабильно составлял 5,5% в год.

Молодежная мода включает в себя все атрибуты взрослой моды: сменяе-

мость, разнообразие вариантов, нелогичность при замене одного увлечения другим. Такие ее черты как демократичность, комфортность и удобство во всем, находят приверженцев по всему миру.

Агенты социализации моды. *Лидеры моды* – это люди, которые первыми надевают новые фасоны, после чего мода принимается широкой публикой. Лидеры моды включают в себя новаторов моды и лидеров общественного мнения. Телевизионные знаменитости, кинозвезды и эстрадные звезды – беспрецедентные пропагандисты новой моды. *Модные новаторы* – это, по сути, дизайнеры, которые привносят новые образы и тенденции в моду. *Модели для подражания* или знаменитости демонстрируют или демонстрируют модные тенденции, созданные новаторами моды. *Массы* – это люди, которые черпают вдохновение у знаменитостей и являются поздними последователями модных тенденций.

Лидеров еще называют инфлюенсерами, а поклонников моды – фоловерами. **Инфлюенсер** (от англ. influence – «влиять») – лидер мнений, вокруг которого собирается лояльная аудитория. В социальных сетях – контентмейкер, который своими постами, публикациями или сторис оказывает влияние на других, извлекая из своей популярности выгоду. Выделяют пять типов инфлюенсеров: *Networker* (сетевик) – обладает большим набором контактов, связей если угодно. *Opinion Leader* (лидер мнений) – как видите, лидеры мнений сюда тоже входят, они обладают авторитетом в сфере своей деятельности, знают, что делают, о чем говорят и знают, как это объяснить другим. *Discoverer* (первооткрыватель) – находит новые платформы для работы, ниши, которые можно занять, в курсе новинок или по-простому человек в тренде. *Sharer* (распространитель) – звучит, криминально, но он распространяет информацию, через имеющиеся каналы. *User* (пользователь) – представляет среднестатистические бренды. *Микро-инфлюенсеры* – от 5 тысяч до 100 тысяч подписчиков (средние) – от 100 тыс. до миллиона. И макроинфлюенсеры – свыше миллиона. **Фол-**

ловер (от англ. «to follow» – следовать за кем-то) – единомышленник, человек, подписанный на аккаунт в социальной сети. Первоначально слово обозначало подписчиков в Instagram и Twitter, но сегодня охватывает субъектов соцсетей. Наиболее близкие по смыслу слова – «последователь», «поклонник».

Каждое новое поколение техники открывает перед человечеством новые возможности, а значит, пробуждает к жизни новые цели, идеалы, ожидания, стили моды и ориентиры. Электрогитара, потеснившая деревянную гитару, явилась не только технологическим изменением. С ней наступила новая эпоха в молодежной субкультуре. Только в сфере компьютеров за последние 20 лет насчитывается несколько поколений молодых фанатов, разговаривающих на разных языках, верящих в разные цели и жизненные приоритеты, обладающие разными профессиональными и жизненными навыками. Между ними колоссальный разрыв. Поколение ЭВМщиков совершенно не понимает нынешнее поколение поклонников виртуальной компьютерной реальности. И так везде.

Модные вещи стоят дороже обычной одежды, а их приобретение расценивается как успех. Модные веяния присущи скорее городской среде, где статус и престиж человека зависят не только от профессии или характера, но в значительной степени от стиля жизни, уровня благосостояния, манеры одеваться и др.

Молодежная мода – это своеобразный вызов, брошенный окружающим людям и обществу в целом. Она возникла в период невиданных студенческих волнений в 1960-х гг. Именно тогда молодежь боролась за свои права и достойное существование, против ханжества и родительского конформизма. Молодежь отличает от взрослых людей желание быть уникальным и неординарным, несгибаемая вера в будущее, динамичность и экстрим.

В начале 1930-х годов в моду входит «кожанка» – часть униформы летчиков и шоферов. Теперь она олицетворяет социальный стандарт периода военного коммунизма, принадлежность

«пролетарской культуре» [9]. Для комсомольцев вводится юнштурмовская форма – гимнастерка, брюки полугалифе, портупей – призванная дисциплинировать комсомольцев. Военизированный внешний вид закрепляется и среди элиты – френч, фуражка, сапоги [10]. В декоре школьной формы для мальчиков модными становятся элементы милитари: металлические пуговицы, накладные карманы, шевроны на рукавах.

Мода и красота «по-советски» в большей мере приближалась к нормам рациональности, нежели западная, приближаясь к очертаниям профессионального костюма. В советском идеале красоты не популяризировались такие предрассудки буржуазной повседневности, как, например, «припудривание носика». «Мы, коммунисты и комсомольцы, стоим за красоту, за красивое тело, за изящную человеческую фигуру. За естественную красоту, а не подмалеванную» [11].

Официальной пропагандой приветствовался культ физически подтянутого тела, гармонически развитая личность, приобщающая себя не только к духовным ценностям, но еще к гигиене и санитарии, домашней чистоте и бесконфликтным отношениям с соседями. В конце 1920-х годов формируется устойчивый образ «строителя коммунизма» с таким набором качеств, как сила, здоровье, оптимизм. Популярный лозунг «Жить стало лучше, жить стало веселее» реабилитировал желание хорошо одеваться. Пресса высмеивала производство некачественной, невыразительной по расцветке, стандартной одежды [12].

Но затем многое в этих установках изменилось. В послевоенные десятилетия молодые модники в СССР, предпочитавшие заграничные вещи и американский джаз, носили пальто с нарочито широкими плечами, зауженные брюки, ботинки на высокой подошве из белого каучука («на манной каше»), галстук с ярким рисунком («пожар в джунглях»).

Группы племен, такие как байкеры, битники и плюшевые мальчики в 1950-х годах; моды, хиппи и скинхеды в 1960-х

годах; хэдбэнгеры, панки и би-бойсы в 1970-х годах; и готы, путешественники нью-эйдж и рейверы в 1980-х годах, – одевались и необычно украшали тело как выражение «создайте чувство идентичности» [13].

В 1960-е гг. писксом молодежной моды служила одежда хиппи – неопрятная, часто потерявшая свой вид, цвет и название. Независимость молодых людей от мира взрослых символизировали, к примеру, бусы, цветы и головные повязки, кожаная одежда с бахромой, куртки в «индейском» стиле, длинные платья «под старину», мокасины или сандалии, бороды или длинные нечесанные волосы.

Мода «панк-рок» стала для студентов 1980-х гг. выражением того же бунта против мещанского общества и проявлением солидарности со сверстниками. Молодежь 1990-х годов, которая носила мешковатую свободную одежду, тоже хотела заявить о своей независимости. Одежда для молодых остается главным средством выражения личности, стиля жизни и политической философии.

Легендарный малиновый пиджак вошел в моду у нас в лихие 1990-е. Его носили бандиты и знаменитости, интеллигенция и андеграунд, новоявленные коммерсанты, звезды эстрады и Сергей Мавроди – известный создатель финансовой пирамиды MMM. Он преподносился как символ роскоши и достатка. Образ дополняли массивные золотые перстни и цепочка. Всех их называли «новыми русскими». Малиновый цвет устарел в 1998 г. в результате дефолта. Когда криминальный период сошел на нет, малиновые пиджаки носить стало некому.

Через одежду, вызывающую или, напротив, неброскую внешность подростки стремятся управлять впечатлением, которое они производят на окружающих. С помощью одежды можно сообщить окружающим о том, какую роль он хочет играть в жизни. Фанаты «Спартак» носят совсем иные эмблемы и шарфы, чем болельщики ЦСКА или «Динамо». Если юноша одевается «круто», то скорее всего к нему будут относиться соответствующим образом.

Молодые люди составляют значительную долю сегодняшних потребителей. Продукция многих компаний нацелена именно на них: одежда, косметика, автомобили, компакт-диски, аудио- и видеокассеты, лыжи, мотоциклы, журналы, спортивное снаряжение, сигареты и еще тысячи и тысячи наименований товаров, которые предлагаются молодежи.

Одежда может выражать неприятие взрослого мира. Подростки, которые враждебно относятся к своим родителям или бунтуют против них, могут продемонстрировать свое неуважение тем, что носят одежду или прически, которые заведомо не нравятся старшим. Чем больше возмущаются родители, тем упорнее подростки придерживаются собственного стиля.

Однако главным мотивом при выборе образа является либо желание получить признание своего превосходства над другими, либо желание зависеть от кого-то и быть похожим на других. Подростки, покупающие одежду, чтобы проявить свою независимость (особенно от родителей), выбирают такие вещи, которые позволяют им получить признание или быть принятыми в компаниях сверстников.

Если в мире взрослых показателем воспитанности человека выступает опрятный вид, чистота и гигиена, а молодежь не приемлет этот мир, то положительные ценности у нее моментально превращаются в отрицательные. Она считает опрятность признаком мещанства, аккуратность – занудства, деловитость – карьеризма, порядок и ухоженность – буржуазности. И, следуя логике своей культуре, молодежь должна придерживаться противоположных идеалов.

Для подростка одежда выполняет часто не те же самые функции, что для взрослых. Старушка может надеть совершенно немодное пальто, лишь бы оно согревало ее больные косточки. Взрослые надевают главным образом практичную – немаркую и теплую – одежду, которая, разумеется, должна отвечать также эстетическим критериям, принятым в обществе. Но у подростков другая эстетика. Новые джинсы он может из-

резать, покрасить, смять или как-либо еще обезобразить, если это сейчас модно или очень «круто». Да и соображения тепла не стоят у них на первом месте. Если они зимой могут ходить без шапок и нараспашку, доводя до инфаркта своих «мамашек», то к одежде они станут применять явно иные критерии.

Уличная мода

Моду понимают как быстро преходящую популярность чего-либо или кого-либо. Эти «чего-либо» обычно обозначают какие-то нормы в одежде, питании, поведении и т.п. Если вкус может сохраняться у человека на протяжении всей жизни, то увлечения постоянно меняются. Когда увлечения овладевают массами, они перерастают в моду.

Уличная мода (Street Fashion) – это мода, которая, как считается, возникла не из студий, а из низовой уличной одежды. Уличная мода обычно ассоциируется с молодежной культурой и чаще всего встречается в крупных городских центрах³ Журналы и газеты, такие как New York Times и Elle, обычно публикуют откровенные фотографии людей, одетых в городскую стильную одежду⁴ [14]. Японская уличная мода поддерживает несколько одновременных очень разнообразных движений моды в любой момент времени. Мейнстримная мода часто присваивает тенденции уличной моды как влияния. В настоящее время уличная мода становится все более популярной.

«Уличная одежда» (Street Wear) появилась в 1950-е годы в Англии и Японии. Продвинутые парни и девушки не желали носить изысканные туалеты, предназначенные больше для салонов, и предпочитали свободный крой, больше подходящий пыльным улицам и шумным тол-

³ “Urban Style and Tips”. UrbFash.

⁴ Cindy Hinant, a visual artist whose daily trek through Soho makes her a regular target for amateur blogarazzi stalking women for photo copy, remarks, “Street fashion has made me both paranoid and vain. Last week I had my photo taken twice in one day by two different magazines for their street fashion whatever. Now when I’m wearing something that I think is awesome I’m disappointed not to be stopped to have my picture taken.”

пам мегаполиса. Молодежь выступила против показной роскоши и элгантности. Задача уличного образа – быть комфортным и в меру расслабленным, а не рекламировать гламур и беззубый шик. Некоторые авторы считают ее побочным продукт американских субкультур 1960–1970-х годов: сёрфинга, скейт-бординга и хип-хопа – растянутые футболки, широкие джинсы, безразмерные бомберы, спортивные шорты.

В последние годы слово *streetwear* прочно укрепились в лексиконе стилистов и модников по всему миру. На русский понятие переводится как «уличная одежда», но в обиходе оно прижилось как «стритвир» или «стритстайл» и означает околоспортивный стиль, вдохновлённый субкультурами скейтеров и ранних поклонников хип-хопа. Вещи скейтеров и сёрфингистов становятся самыми скупаемыми в масс-маркетах. Кроме того, в «стритвире» можно видеть элементы байкерской и рокерской субкультуры – куртки-косухи и грубые ботинки на шнуровке, джинсы.

Уличный стиль (*Street style*) – направление модной одежды, ориентированное на раскованность и свободу самовыражения, сочетающее в себе элементы хип-хоп, высокой моды и японской уличной одежды. Хип-хоп мода чаще других называется уличной, хотя это отдельный самостоятельный стиль. Многие «заморочки» – худи, джогеры, кепки, олимпийки, панамы, кроссовки – были позаимствованы от рэперов. В возрастном промежутке от 20 до 35 лет «стритстайл» выглядит гармонично, а после 40 ему место в гардеробе. «Стритвир» стал неотделимой частью поколения зумеров.

В нулевые, с появлением в нашей стране нового музыкального направления *hip-hop*, возник стиль свэг, а с формированием готической субкультуры – одежда в стиле дарк-авангард. В последнее время в России появилась тенденция вытеснение клубной моды уличной. Произошло это в связи с введением хип-хоп культуры в массы. Стиль одежды в хип-хоп культуре (свободные, мешковатые балахоны и штаны) предположительно произошёл от униформы,

выпускаемой для тюремных обитателей. В наше время хип-хоп одежда – это в первую очередь роскошь. Это очень дорогие вещи, как правило, с большим количеством драгоценностей и камушков. Хип-хоп рожден на улицах, поэтому претендует на звание короля уличной моды. За последнее десятилетие хип-хоп привнес в мировую моду более сотни стилей и дал возможность выбирать из огромного количества материала, что-то свое, неповторимое.

Уличному стилю присуще отсутствие зацикленности на брендах, раскомплексованной молодёжи совершенно без разницы, чьего производства вещь – это может быть и дорогой бренд и *no name* вещь. Часто экспериментируют, сочетая дорогое и дешёвое, *expensive and cheap* – футболку от *Balenciaga* и брюки из поселкового магазина.

Уличный стиль – это невероятно вирусный, мгновенный, захватывающий аспект моды, который изменил многие способы создания и потребления моды. Его быстрая характеристика связывает его также с термином потребительство [15]. Учитывая, как стили меняются с течением времени, он также бросает вызов использованию «быстрой моды» в отношении покупки и ношения одежды, поскольку это скрывает сложности практики [16]. В Британии молодые люди тратят уйму времени и сил на то, чтобы не быть «заурядными» («*mainstream*») – уже ругательное слово), не впадая в экцентричные крайности.

Помимо традиционных джинсов (здесь отдают предпочтение лейблу *Machine*) темно-синих оттенков, среди голландских футбольных фанатов очень модны полосатые брюки крепкого покроя фирмы *Decant*. Джемпера *Burbergy* вне конкуренции у представителей околфутбольной субкультуры Голландии. В качестве верхней одежды фанаты этой страны используют черные бомберы различных марок, которые можно вывернуть изнаночной стороной, выполненной из ярко-оранжевой ткани. Бомберами (*bomber jacket*) называют легкие куртки, изначально изготавливаемые для пилотов ВВС США.

«Мода – это не полезность. Аксессуар – это просто часть иконографии, используемая для выражения индивидуальной идентичности» (цитата из фильма «Devil wears prada»). Имидж и идентичность – очень полезные инструменты для навигации по миру одежды. Мода – это самовыражение, которое основано на вызове взрослым, стремлении отличаться от них. Также присутствует желание быть не хуже, чем другие, чувствовать себя взрослым (право выбора), а особенно желание понравиться противоположному полу. Если взрослый человек способен привлечь к себе внимание образованностью, культурным багажом, опытом общения, то подросток еще не может этого сделать в силу возрастных особенностей. И внешний вид становится единственным выходом из данной ситуации.

Важнейшей функцией одежды для подростков выступает маркировка принадлежности определенной группе, «команде», городской или уличной «тусовке». Например, помимо традиционных кепок и бейсболок, российские фанаты носят маленькие вязаные шапки спортивного стиля, которые плотно облегают голову. В качестве низа используются джинсы черного, синего или голубого цвета. Нацепил белую рубашечку и бабочку на шею, значит ты – «батан» или «маменькин сыночек». Чем более модно и «круто» ты одеваешься, тем выше твое положение среди сверстников. Конечно, и взрослых судят по одежде. Профессор не может завалиться в студенческую аудиторию в рабочем комбинизоне или в валенках, если не хочет подмочить свою репутацию. Тем не менее одежда для взрослых не самоцель и не самое главное. Им не обязательно выглядеть модно или крикливо, чтобы быть принятым в своей группе. Великий физик Альберт Эйнштейн приходил на лекции в Принстоне в кожаной куртке на голое тело и помятых брюках. Но это был великий Эйнштейн. Аудитория благоговела перед чудным профессором. И сегодня многие профессора в МГУ одеваются много скромнее, если не сказать беднее, чем их студенты. Но статус профессора

определяется его знаниями и профессиональным мастерством.

Ничего подобного нет у подростков. Они еще не научились судить друг о друге по духовным интересам. По одежке они встречаются и по одежке провожают. Одежда – единственный способ показать, кто ты таков. Особенно в незнакомой компании. Для подростков одежда – это способ повысить самооценку, способ понравиться самому себе и окружающим. Особенно для девушек. Исследования показали, что девушки больше, чем юноши, заботятся об одежде и ходят по магазинам. Это отражается и на воспитании. Женщин учат обращать на одежду больше внимания, чем мужчин.

В 2010-е гг. появился новый тренд нормкор⁵ – современная унисекс, тенденция в моде, характеризующаяся выбором непритязательной одежды, стремление выглядеть «обычно», «как все», не выделяться. В основе стиля лежит отказ от экстравагантности и попытки выделиться, согласие принять банальность простоты, не стремясь выразить свою индивидуальность и оригинальность. Позже одежда, возникшая на улицах и для улиц, перебралась в миланские и парижские ателье, на мировые подиумы и в люксовые магазины. В конечном счете, грань между уличной и любой другой одеждой среди покупателей стёрлась, а толстовок стало так много в гардеробе каждого человека, что даже известные дизайнеры стали добавлять их в свои коллекции (из интернета).

Раствориться в толпе, а не выделяться из нее для многих становится новым модным трендом. С полным правом его называют антимоной.

Большинство россиян (61%) не следуют велениям моды, признавшись, что стараются одеваться так, чтобы не отличаться от окружающих, а 67% настаивают на том, что одеваться необходимо строго в соответствии с возрастом [17].

Уличная мода – это «причудливый сплав последних тенденций со страниц журналов и подиумов, ассортимента ря-

⁵ Термин – гибрид слов «нормальный» и «хардкор».

довых магазинов одежды и вещей, которые внезапно становятся ажиотажно популярными» [18].

Мода, что на улице погода, непредсказуемая и капризная. Частые смены циклов заставляют модниц то и дело обновлять и расширять свой гардероб – отсюда перепроизводство швейников и захламление городских свалок, рост числа секунд-хендов и пунктов обмена одеждой.

Мода требует взгляда посторонних людей как театрального действия – зрителей. Человеку в модном одеянии важно, чтобы все взоры были обращены на него. Для слепых мода не нужна. Мода как выставка достижений народного хозяйства демонстрирует богатство, успех, дородность, вкус и стиль. Удивить людей модной штучкой в деревне несложно, куда труднее в мегаполисе, переполненном разнообразием и индивидуальности. Приходится прыгать выше головы. Отсюда интерес модников к экстравагантности и капризам в своей внешности, стиле одежде [19].

Эффект просачивания моды

Классический дискурс о моде представлен главным образом Г. Спенсером, Ф. Теннисом, Т. Вебленом и Г. Зиммелем, которые предприняли попытку теоретизировать и концептуализировать моду (считая ее абстрактной идеей) как социальную и культурную универсалию, воплощенную в визуально осязаемый артефакт, не обязательно связанный с одеждой. В основе лежит процесс подражания, поскольку социальные отношения по своей сути являются подражательными отношениями. Мода, с ее подражательной природой, является важнейшим явлением для понимания социальной иерархии общества, которая подразумевает, что имитаторы (*imitators*) – это те, кто находится в нижней части социального спектра, а имитируемые (*imitated ones*) – в верхней. Это фундаментальный принцип «нисходящей» теории моды, позже названной Г. Блюмером теорией «классовой дифференциации», а Б. Барбером и Л. Лобелем – эффектом «просачивания».

По мнению Г. Спенсера, мода – это символ проявления отношений между высшими и низшими, маркер социального ранга и статуса. Знаки уважения и почтения – подарки, визиты, приветствия, титулы и костюмы – выражают господство и подчинение. Одежду превращает в моду не ее стиль и покрой, а высокий статус ее владельца. Низшие, подражая высшим, стремятся уравниваться с ними через одежду. Разумеется, это квази-равенство.

Т. Веблен выделяет три свойства моды:

- Мода – это выражение богатства владельца. Расходы на одежду – яркий пример «демонстративного потребления».
- Чем менее практично и функционально платье, тем в большей степени оно является символом высокого класса, так как свидетельствует о том, что человек не нуждается в заработке и не занимается физическим трудом.
- Мода актуальна. Быть «в моде» означает «быть в тренде».

Вслед за престижной модой праздничного класса в XIX веке появляется феномен «демонстративного потребления», индустрия досуга и товары для отдыха.

Г. Зиммель предложил так называемую элитарную теорию возникновения моды, или концепцию «эффекта просачивания». Согласно его концепции, социальная элита общества использует новые моды для обозначения своего статуса. Зиммель добавляет: мода – форма подражания и социального уравнивания – постоянно меняясь, отличает одно время от другого и один социальный слой от другого. Элита инициирует моду, и когда масса подражает ей, пытаясь стереть или ослабить социальные различия классов, и отказывается от нее в пользу нового стиля, этот процесс ускоряется с увеличением богатства. Представители смежных перенимают стиль одежды как средство удовлетворения своего стремления к идентификации с высшим статусом. Мода объясняет, что акт подражания возникает из стремления к классовым различиям – их подчеркиванию и стиранию. Мода представляет

большую угрозу для буржуазного класса, поскольку заимствование позволяет рабочему классу пересечь классовую границу, стимулируя к новшествам дизайн одежды. А вот смешение классов и уравнительный эффект демократии почти не имеют встречного движения. Вектор распространения настроен так, что низшие заимствуют образцы у высших, местные – у иностранцев. Тамошнего как экзотическое всегда притягательнее тутошнего как неэкзотического. Мотив чужеродности, полагал Зиммель, выступает важным фактором городской социализации, символизируя для молодежи приобщение к более высокой цивилизации.

У Ф. Тённиса мода выступает признаком перехода от *Gemeinschaft* к *Gesellschaft*, от традиционности к модерности. Первую воплощают низы общества, отставшие в своем развитии, а вторую – элита, всегда убегающая вперед. Постепенно манеры начальствующих спускаются в повседневную жизнь подчиненных. Однако элиты делают все возможное, чтобы отличать свои манеры от обычаев простых людей. Для Тённиса мода заключается в том, чтобы выделяться. Одна из характеристик моды – эксклюзивность.

Интерпретация одежды и моды у П. Бурдьё лежит в рамках культурного вкуса и классовой борьбы. Вкус является одним из ключевых признаков и элементов социальной идентичности. Он создает и поддерживает социальные границы как между господствующими и угнетаемыми классами, так и внутри этих групп [20]. Высший класс подчеркивает эстетическую ценность одежды, а рабочий класс ценит ее функциональность, покупая одежду по «соотношению цены и качества». Первый ориентирован на быструю смену образцов одежды, второй – на ее долговечность.

Считается, что эффект просачивания первым зафиксировал Рудольф фон Иеринг в XIX веке. Он изучал тенденции моды от высших до низших классов, пока она не стала доступной и популярной среди всех. Он выяснил, что модные тенденции, принятые знаменитостями,

становятся популярными среди их поклонников, которые постепенно распространяют их в широкие массы. Мода исчерпывает себя и угасает, как только новомодный стиль принят значительной частью общества. Затем верхние слои придумывают нечто новое, и цикл повторяется.

Со временем выяснилось, что одежда, как и люди, совершает два трека социальной мобильности – восходящая снизу вверх и нисходящая сверху вниз. Верхние могут заимствовать стиль и элементы одежды у низов (как это произошло с джинсами), а низы стараются подражать верхам, надевая строгий костюм даже там, где этого не надо. Нисходяще-восходящий процесс распространения моды описывается *моделью просачивания* (*trickle-down model*) [21]. Промежуточной ступенью на пути в обоих направлениях выступает средний класс, который активно взаимодействует как с верхами, так и с низами общества. Одежда, смена ее стиля и моды выполняет роль социального маркера.

Эффект просачивания относится к представлению о том, что модные тенденции «просачиваются» от граждан высшего класса к гражданам низшего класса. По мере того, как продукт становится широко распространенным, цена падает. Эффект просачивания описывает не только вертикальное, но и горизонтальное перемещение между группами, стоящих на сходных социальных уровнях. В вертикальном движении просачивания модные тенденции начинаются с групп с низким доходом, или «улицы», а затем прокладывают себе путь вверх по иерархии общества. Пройдя свой путь от зарождения до затухания, мода оставляет после себя наследство в виде модных стилей.

Низшие классы стремятся подражать моде высших классов, чтобы претендовать на более высокий статус, в то время как высшие классы стремятся выделиться, перенимая упрощенные модные тенденции. Подобное поведение приводит к большему количеству инноваций и творческих решений. Таким образом, высшие классы вынуждены находить

и перенимать новые модные тенденции, которые в конечном итоге перенимают и низшие классы. Массовое распространение моды приводит к эффекту обнуления ее ценности.

Эффект просачивания связан с теорией демонстративного потребления Торстейна Веблена в его книге «Теория праздного класса», которая гласит, что люди покупают предметы роскоши и услуги, чтобы продемонстрировать свое богатство другим. В более современном контексте, Гранд Маккракен в работе «Культура и потребление» [22] применяет эффект просачивания не к классам, а к возрасту, этнической принадлежности и полу.

Утверждение о том, что создателями моды являются представители высшего класса (так полагал Т. Веблен, говоря о праздном классе), а распространителями выступают снобы и позеры, не совсем верное. Нередко мода поднимается снизу вверх, как это произошло с джинсами, некогда одеждой американских ковбоев и золотодобытчиков. И мужская одежда в западном стиле, которая дошла до нас из девятнадцатого века, происходит от одежды квакеров, а не от придворной аристократии, что означает, что она произошла от моды часто высмеиваемой религиозной группы. Большая часть сленга, на котором говорят социальные маргинальные группы, становится модной. Классическое французское арго было языком преступного мира. Сноб заимствует культурную особенность не у тех, кто находится в самом низу социальной иерархии, а у тех, кто вообще оказывается вне иерархии; снобы, подражая тем, кто находится вне их класса, заявляют о своем особом отношении к социальной пирамиде, вершину которой они занимают (или стремятся). Главные агенты моды – художники, женщины и молодежь. Важная функция моды – ресоциализация асоциального. Мода основана на подражании тем, кто отличается от других в лучшую сторону, подтягивая и социализируя тех, кто отклоняется в худшую. Мода – это процесс, посредством которого общество консолидируется, реинтегрируя то, что его разрушает [23].

Если в традиционном обществе нормы одежды и поведения передавались по вертикали – от старших к младшим, то в современном они чаще курсируют по вертикали – от одной группы подростков к другой. Одежда – единственный способ для подростка показать, кто он таков. Особенно в незнакомой компании. Для них одежда – это способ повысить самооценку, способ понравиться самому себе и окружающим. Особенно для девушек. Исследования показали, что девушки значительно больше, чем юноши, заботятся об одежде и ходят по магазинам. Это отражается и на воспитании девочек – их с детства учат обращать на одежду больше внимания, чем мальчиков.

Функция одежды как *символа статуса* известная с древних времен. Во второй половине XIX в. жителей уральских городов-заводов, которые осознавали себя представителями городской культуры, оставаясь по статусу крестьянами, рядились в косovorотку с брюками европейского покроя [24]. Одежда – последнее, чего желает лишиться каждый из нас. Дом может сгореть, имущество могут отобрать за долги, вещи – украсть. Но одежду, пусть это только трусы, обычно оставляют даже отчаянные грабители («раздели до трусов»).

В мире моды просачивание описывает ситуацию, когда определенные тенденции сначала принимаются людьми из высшего социального класса. Со временем модные тенденции постепенно принимаются представителями низших классов. Сегодня многие состоятельные люди предпочитают одеваться достаточно скромно и неброско. Но опытный взгляд модника все равно разглядит роскошные часы на запястье, высококачественный ремень из натуральной кожи на талии или небрежно покачивающуюся в руках брендовую сумочку. Состоятельные люди в наше время не носят в повседневной жизни роскошных бриллиантов и норковых манто, они одеваются просто и стильно. Однако эта простота и становится тем самым социальным маркером, который отличает их от всех окружающих, носящих одежду, выпу-

ценную под более дешевыми торговыми марками.

Эффект просачивания описывает то, как стиль моды сначала создается и принимается высшими эшелонами общества (лидерами моды), а затем постепенно усваивается низшими эшелонами. Это происходит потому, что мода воспринимается как средство для демонстративного потребления и социальной мобильности. Меняющиеся тенденции моды или стиля позволяют людям проявлять свою индивидуальность, сохраняя при этом сходство с другими членами общества. Когда низший класс принимает высокий стиль одежды, он начинает отвергаться высшим классом как еще более нежелательный, чем прежде, и отграничивается от себя созданием новой моды. Теория просачивания – это простой подход к прогнозированию того, как быстро мода распространится вниз по иерархии. Если низшая социальная группа начинает копировать моду вышестоящей группы, принимая менее дорогие или менее стильные вещи, то вышестоящая группа, скорее всего, выделит себя, приняв новую тенденцию, что приведет к еще большему распространению высокой моды среди низов общества.

Сразу после революции 1917 г. носить красивую одежду расценивалось как низкопоклонство перед мелкобуржуазной культурой. С середины 1930-х гг. красиво одеваться захотели не только представители элиты, но и широкие массы. В прессе появляются статьи о демонстрациях одежды, выставках тканей, качестве представленных к продаже предметов быта. Тексты сообщают о магазинах, которые «завалены» потребительскими товарами, о доступных образцах тканей, «способных удовлетворить самые взыскательные вкусы» [25]. Пролетарское государство вдруг стало поддерживать некоторые тенденции буржуазной моды.

Новинки моды рождаются наверху иерархии, опускаются вниз, затем поднимаются вверх и снова опускаются, всякий раз принимая новый вид. Арафатки, угги, лосины и ситцевые сарафаны

в пол то берет на вооружение весь город, то уже через пару месяцев эти вещи исчезают с улиц. Когда какая-либо мода находится на пике популярности, ее называют *пиком популярности*. На данном этапе спрос на определенный стиль настолько высок, что производители выпускают различные варианты одного и того же стиля во многих ценовых диапазонах.

Цикл моды – это отражение принятия или отклонения моды. Таким образом, это принятие и неприятие моды создает продолжительность циклов моды. Каждая мода движется по одному и тому же волновому маршруту, но время меняется. Какая-то мода приходит и уходит за очень короткое время, а какая-то остается надолго.

Цикл моды обычно изображается в виде колоколообразной кривой, охватывающей пять этапов: первое появление (вступление, введение), подъем (популяризация, распространение), достижение пика (триумф), снижение интереса (угасание), смерть моды (уход со сцены). Таков шаблон жизненного цикла для любого товара, организации, идеи, инновации.

Стиль, который входит в моду, остается надолго и никогда не устаревает полностью, называется *классической модой*. Пример: индийские сари, джинсы. Джинсы вошли в моду в 1960-х годов и остались навсегда, но вариации стиля в джинсах всегда видны. Классика отличается простотой, которая поддерживает постоянный интерес к себе.

Некоторые стили внезапно приобретают популярность и также внезапно исчезают. Эти стили известны как *причуды*. Это недолговечная мода. Они приходят и уходят за один сезон. Они, как мухи, быстро умирают. Моды, как и мухи, приходят и уходят, но мода остается навсегда.

Секрет долговечности моды кроется в том, что все силуэты, элементы кроя и декора, цветовые сочетания были давно придуманы. Новыми являются их комбинации и поколения почтителей. «Ничто не ново под Луной» – это про нее. Но «дважды нельзя войти

в одну и ту же реку» – это тоже про нее. Полет фантазии и «всплеск креатива» модельеров подобен бурному потоку горной реки. Его не остановить. А для рынка главное в том, что они не ставят копирайт на свою продукцию и не запрещают, как в литературе или науке, списывать оригинал. Воруйте, копируйте, распространяйте! Для современной молодежи бесплатный продукт – главная приманка.

Таким образом, теория просачивания (циклов моды) предполагает: мода принимается низшими классами, только после того, как она принята высшими классами, а высшие классы отвергают прежнюю моду, как только она утверждается в низших слоях общества. Теория предполагает существование социальной иерархии, в которой люди с низким доходом стремятся идентифицировать себя с более состоятельными верхами. В то же время те, кто наверху, стремятся отделиться от тех, кого они считают социально неполноценными. Модные стили перемещаются горизонтально между сходными по социальным признакам группами.

Литература

1. Lurie A. The language of clothes. New York: Random House, 1981.
2. Антоненко И.В., Карицкий И.Н. Социальная психология одежды и моды // Вестник Университета Российской академии образования, no. 3, 2015, pp. 44–50.
3. Черных Е.Н. Символы древних культур // Знание-сила. 1989. № 9. С. 38–44.
4. Готье Т. Мода как искусство / пер. с франц. В. Мильчиной // Иностранная литература. 2000. № 3. С. 307.
5. Suh S.E. Digital fashion image aura represented in the Burberry Instagram // J. Korean Soc. Costume 2017, 67, 115–132.
6. Моррис Д. Одежда и социология // Ровесник. 90. № 7. С. 12–13.
7. Lurie A. The language of clothes. New York: Random House, 1981.
8. Sellenberg A.-M., Patrik A. Fashion, Sociology of // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Vol.8. New York: Elsevier, 2001.
9. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920-х – 1930-х годов. СПб., 1999.
10. Бобрихин А.А., Егорова С.И. Одежда и мода как средство формирования советской идентичности // Концепт. 2015. Спецвыпуск № 18. с. 21–25.
11. Лиин И. В чем красота? // Работница. 1926. № 27. С. 15.
12. Шепель О.Н. Зарождение советского костюма в условиях массовизации общества // Ярославский педагогический вестник, vol. 1, no. 4, 2011, pp. 292–295.
13. Bovone, L. (2006). Urban Style Cultures and Urban Cultural Production in Milan: Postmodern Identity and the Transformation of Fashion. Journal of Empirical Research of Culture, the Media and the Arts, 34(6), 370–382.
14. Cercone, Katie (2012). "Today's Fashion". Vol. 1, no. 1. Public Art Squad Project. Revolt Magazine. Retrieved 20 November 2014.
15. "Has Street Style Jumped The Shark?". Retrieved February 22, 2017.
16. Woodward, S. (2015). The Myth of Street Style, Fashion Theory, 13(1), 83–101.
17. Шмерлина И.А. Плывущий мир моды // Социальная реальность. 2006. № 12. С. 7–25.
18. JustLady. Что такое уличная мода. – <http://www.justlady.ru/articles-152920-что-такое-уличная-мода>
19. Simmel G. The Metropolis and Mental Life // K. Wolff (ed.), The Sociology of Georg Simmel, New York: Free Press, 1950, pp. 409–424.
20. Kawamura Y. Fashion and Sociology // <https://www.bloomsburyfashioncentral.com/article>
21. Barber B., Lobel L.S., Fashion in women's clothes and the American social system // Bendix, R., Lipset, S.M. (Eds.), Class, Status and Power. Glencoe, IL: Free Press, 1953, p.124–131.
22. McCracken G. Culture and Consumption: A Theoretical Account of the Structure and Movement of the Cultural Meaning of Consumer Goods // Journal of

- Consumer Research, February 1986 13(1):71–84.
23. Benvenuto S. Fashion: Georg Simmel // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation* vol. 3, no. 2, March 2000.
24. Капкан М.В. Культура повседневности: [учеб. пособие]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 69.
25. Ашанина А. Выставка тканей [Текст] / А. Ашанина // *Работница*. – 1935. – № 11. – С. 13.

CITIZEN'S CLOTHES: THE BODY IS DRESSED AND ALMOST NAKED

Kravchenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

There are clothes in every culture and in every historical era, for all ages and religions. Walking naked in public is taboo, but wearing it is the norm. At the same time, it is regulated for each estate, profession or religion. The dress code, the identification standard of clothing, performs the function of social recognition and identification. Each type of culture within one country (not to mention different ones) – elitist, folk, mass, subculture and counterculture – has its own clothes. Clothing is as much a social symbol as speech and behavior. She has three main functions: providing comfort, maintaining decorum and demonstrative expression. In terms of the number of functions performed and its purpose in a person's life, clothing exceeds everything that he encounters or that surrounds him.

Keywords: sociology of fashion, functions of clothing, fashion cycles, seepage effect, street fashion, socialization of fashion.

References

- Lurie A. *The language of clothes*. New York: Random House, 1981.
- Antonenko I.V., Karitsky I.N. Social psychology of clothing and fashion // *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, no. 3, 2015, pp. 44–50.
- Chernykh E.N. Symbols of ancient cultures // *Knowledge is power*. 1989. No. 9. S. 38–44.
- Gauthier T. Fashion as an art / per. from French V. Milchin // *Foreign Literature*. 2000. No. 3. S. 307.
- Suh S.E. Digital fashion image aura represented in the Burberry Instagram // *J. Korean Soc. Costume* 2017, 67, 115–132.
- Morris D. *Clothing and sociology* // *Coeval*. 90. No. 7. S.12–13.
- Lurie A. *The language of clothes*. New York: Random House, 1981.
- Sellerberg A.-M., Patrik A. *Fashion, Sociology of* // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol.8. New York: Elsevier, 2001.
- Lebina N.B. *Everyday life of a Soviet city: norms and anomalies of the 1920s-1930s*. SPb., 1999.
- Bobrikhin A.A., Egorova S.I. Clothes and fashion as a means of forming the Soviet identity // *Concept*. 2015. Special issue No. 18. pp. 21–25.
- Lin I. What is beauty? // *Worker*. 1926. No. 27. P. 15.
- Shepel O.N. The origin of the Soviet costume in the conditions of the massization of society // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, vol. 1, no. 4, 2011, pp. 292–295.
- Bovone, L. (2006). Urban Style Cultures and Urban Cultural Production in Milan: Post-modern Identity and the Transformation of Fashion. *Journal of Empirical Research of Culture, the Media and the Arts*, 34(6), 370–382.
- Cercone, Katie (2012). "Today's Fashion". Vol. 1, no. 1. Public Art Squad Project. *Revolt Magazine*. Retrieved November 20, 2014.
- Has Street Style Jumped The Shark? Retrieved February 22, 2017.
- Woodward, S. (2015). The Myth of Street Style, *Fashion Theory*, 13(1), 83–101.
- Shmerlina I.A. The floating world of fashion // *Social reality*. 2006. No. 12. S. 7–25.
- Just Lady. What is street fashion // <http://www.justlady.ru/articles-152920-chto-takoe-ulichnaya-moda>
- Simmel G. *The Metropolis and Mental Life* // K. Wolff (ed.), *The Sociology of Georg Simmel*, New York: Free Press, 1950, pp. 409–424.
- Kawamura Y. *Fashion and Sociology* // <https://www.bloomsburyfashioncentral.com/article>
- Barber B., Lobel L.S., *Fashion in women's clothes and the American social system* // Bendix, R., Lipset, S.M. (Eds.), *Class, Status and Power*. Glencoe, IL: Free Press, 1953, pp. 124–131.
- Mccracken G. *Culture and Consumption: A Theoretical Account of the Structure and Movement of the Cultural Meaning of Consumer Goods* // *Journal*

- of Consumer Research, February 1986
13(1):71–84.
23. Benvenuto S. Fashion: Georg Simmel // Journal of Artificial Societies and Social Simulation vol. 3, no. 2, March 2000.
24. Kapkan M.V. Culture of everyday life: [proc. allowance]. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2016. P. 69.
25. Ashanina A. Exhibition of fabrics [Text] / A. Ashanina // Worker. – 1935. – No. 11. – P. 13.

Ожидания в социально-воспитательной работе вуза: курсанты vs студенты (на примере АГЗ МЧС России)

Стоянов Александр Сергеевич,

кандидат социологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России»
E-mail: stoianoff@mail.ru

У абитуриентов при поступлении складываются определённые ожидания касательно вуза и его социально-воспитательной работы. Но становясь студентами, их сформированные извне ожидания могут не соответствовать внутренней реальности вуза, что вызывает их неудовлетворённость и стресс, и, как следствие этого, незаинтересованность, игнорирование участия в социально-воспитательной работе. В военных вузах данное обстоятельство нивелировано жёсткой иерархией и дисциплиной. АГЗ МЧС России сочетает подготовку военных и гражданских специалистов, что обуславливает дифференцированное исследование ожиданий студентов и курсантов от социально-воспитательной работы. На основе анализа научной литературы и данных опроса определены взаимосвязи ожиданий и вновь формируемых ожиданий студентов и курсантов от социально-воспитательной работы со степенью инициативности, удовлетворённости и заинтересованности в проводимых мероприятиях. Выявленные различия в ожиданиях связаны с характерной последовательной сменой ожиданий от социально-воспитательной работы, начиная с кадетов и первокурсников и заканчивая старшими курсами будущих военных и гражданских специалистов. Это обусловлено процессом синхронизации взаимных ожиданий, носящим постоянный характер независимо от направления синхронизации.

Ключевые слова: ожидания, синхронизация ожиданий, взаимные ожидания, социально-воспитательная работа, социальные ожидания.

Введение

Социально-воспитательная среда вуза – это система общественных, материальных и духовных факторов, окружающих субъект образовательного пространства [1, с. 104]. Что предполагает наличие определённой структуры вуза, где социально-воспитательная работа – это органическая часть учебно-воспитательного процесса, направленная на формирование и развитие личности будущих специалистов [2, с. 22], задающая систему координат восприятия окружающего мира [3, с. 53].

Специалисты выделяют следующие виды социально-воспитательной работы: 1) духовно-нравственное воспитание базовых моральных качеств; 2) гражданско-патриотическое воспитание; 3) физическое воспитание и формирование здорового образа жизни студентов [4, с. 145]. Но они далеко не всегда воспринимаются студентами и даже курсантами военных вузов.

Актуальность проблемы исследования определяется незаинтересованностью, игнорированием обучающимися участия в социально-воспитательной работе вуза, истоки которого кроются в несоответствии сформированных извне ожиданий абитуриента с реальностью военного вуза, где уже, будучи курсантами и студентами последние по-разному реагируют на несовпадения ожиданий с реальностью, определяемые эффектом «обманутого ожидания, связанного с нарушением стереотипов, представлений о «нормальном» положении дел. Оно строится на контрасте между психическим состоянием, вызванным ожиданием, и тем, что оно не оправдалось. Чем неожиданнее ситуация для получателя, тем сильнее эмоциональное потрясение, переживаемое им» [5, с. 118].

Таким образом, ожидания играют роль посредника в социально-воспитательном процессе, а также «взаимные ожидания» [6, с. 13–14], как лич-

ные, так и социальные, имеющие свою специфику в военных вузах, совмещающих в себе гражданские направления. Частично военная специфика воспитания отражена в работах по исследованию отношения к службе в армии [7].

Дифференцированный подход к изучаемым категориям (курсанты, студенты) в ожиданиях продиктован тем, что «в отличие от гражданских сверстников, ориентированных на рыночные модели жизненного пути, рискогенной интеграции в общество, курсанты рассчитывают на предсказуемую социальную карьеру и достижение социальной зрелости, которые связаны с поступлением в военный вуз» [8, с. 70]. Поэтому *необходимо сравнительное исследование ожиданий курсантов и студентов от социально-воспитательной работы для согласования последних с реальным процессом работы внутри вуза.*

Вышеуказанные противоречия осмыслены и отражены в основных положениях теории «Общества ожиданий» [6], заключающиеся в:

- большой инерционности социальных ожиданий;
- взаимной синхронизации ожиданий элементов любой социальной системы;
- наличие в социальной (кибернетической, биологической, механической и любой иной) системе взаимных ожиданий – наиболее вероятного будущего состояния объекта или среды взаимодействия;
- взаимные ожидания, сформированные извне можно синхронизировать посредством социально-воспитательной работы;
- определённый тип поведения индивида соответствует определённому ожиданию – его будущему состоянию;
- комфорт в обществе определяется предсказуемостью, отражающей совпадение ожиданий с реальностью, обеспечивающей удовлетворённость индивида.

Таким образом, с одной стороны, вуз принимает на себя обязанность сформировать не только грамотного специалиста, но и высококультурного челове-

ка с активной жизненной позицией [9, с. 86]. С другой стороны, необходимо учитывать, что ожидания являются важнейшим компонентом социальной реальности, напрямую влияющим на формирование личности.

Так Р. Дарендорф выделяет три их основных типа:

- ожидания строгого должностования – должностные предписания, сформулированные в категоричной форме (законы, указы и т.д.);
- ожидания нестрогого должностования – правила поведения внутри социальной группы, принимаемые всеми членами данной группы;
- ожидания возможного поведения – формы поведения, степень обязательности которых определяется каждым индивидуально [10, с. 42–47]. Данную классификацию можно также экстраполировать на социально-ролевые ожидания [11, с. 84], т.к. *«ожидания являются функцией культурных и социологических норм и предпочтений, вытекающих из культурных ценностей и общественных стандартов или идеалов для компетентного общения»* [12, р. 199].

Ожидания анализируются как в работах отечественных социологов, так и учёными других научных направлений [13–16], подтверждая, что ожидания позволяют оценить то, что происходит со студентами во время обучения [14, с. 26]. Теоретическое и практическое осмысление ожиданий выражено в концепции «Общество ожиданий» [6]. Эмпирический опыт представлен в изучении ожиданий молодёжи [17], родителей [18], курсантов [19], потребителей фармпрепаратов [20]. Отметим и эксперименты по эффекту «обманутых ожиданий» [21].

Зарубежный опыт эмпирических исследований ожиданий в области *социально-воспитательной работы и мотивации* студентов подтверждает прямую взаимосвязь между прилагаемыми усилиями и сформированными ожиданиями [22]. Также проанализировано соответствие ожиданий окончательному результату в процессе получения образования [23]. Доход семьи, образование

родителей, раса, этническая принадлежность и пол практически не влияют на предвзятость в ожиданиях, но неосознанность ожиданий способствует их завышению [24]. Последние исследования показали, что положительные ожидания успеха и субъективные значения задач прогнозируют положительное отношение учащихся к точным наукам [25].

В итоге, выбор варианта разрешения ожидания остаётся за каждым индивидом в зависимости от его намерений. С другой стороны, например, у курсантов «диффузия завышенных ожиданий может стимулировать уход из военной службы или стремление к получению дополнительных доходов, что не лучшим образом сказывается на уровне боевой подготовки» [8, с. 71]. Но социологический анализ явно показывает, что чем выше уровень оправдания ожиданий студентов, тем выше их уровень доверия к сотрудникам вуза [14, с. 22].

Таким образом, основной категорией в нашем исследовании является ожидание, т.к. оно указывает на наиболее вероятное поведение участников социальных взаимодействий, ориентированных на «*ожидание – наиболее вероятное будущее состояние среды (объекта) возможного взаимодействия*» [6, с. 216]. Также отмечается, что именно опыт приводит к формированию устойчивых благоприятных или неблагоприятных ожиданий [26]. При этом само явление ожидания, его сущность и механизмы его действия не часто становятся предметом исследования.

Опираясь на вышеуказанные теоретические предпосылки, наше исследование призвано восполнить указанный пробел, что предполагает дальнейшие разработки данной тематики, как в теоретической, так и эмпирической плоскостях.

Материалы и методы

Количественно-качественное сравнительное социологическое исследование проводилось в 2019–2021 гг. в стенах Академии Гражданской Защиты МЧС России (далее АГЗ) методом анкетирования с ограничениями, характерными

для военных вузов. Респонденты заполняли анкету, как на бумаге, так и в режиме онлайн доступа на специальном веб-сайте – «Google Формы». При ответах сохранялся принцип анонимности. Выборка случайная гнездовая при 95% доверительной вероятности (ДВ) и 3,32% доверительном интервале (ДИ) составила (N=675) человек. Были опрошены по несколько групп каждого курса обучающихся гражданских и военных направлений, отобранных в случайном порядке. Среди них 356 студентов (ДВ – 95%, ДИ – 4,58%) и 319 обучающихся военных направлений (ДВ – 95%, ДИ – 4,82%).

Объект исследования – обучающиеся АГЗ в категориях: студенты, курсанты и кадеты в возрасте от 15 до 23 лет очной формы обучения. **Предмет** исследования – ожидания обучающихся АГЗ от социально-воспитательной работы вуза. **Цель** – исследовать ожидания обучающихся АГЗ от социально-воспитательной работы и дать сравнительные характеристики ожиданий в зависимости от категории обучающихся.

Результаты исследования

72% обучающихся осведомлены о том, что в АГЗ проводится множество культурно-массовых, спортивно-оздоровительных, научных и других мероприятий. 48% опрошенных подтвердили, что мероприятия проводятся «от одного до нескольких раз в месяц». Затруднились с ответом 22%, что характеризует долю пассивных респондентов как незначительную.

36% опрошенных помогли в организации вышеуказанных мероприятий. Ещё 30% выразили желание поучаствовать в их организации в ближайшем будущем. На вопрос «Принимаете ли Вы участие в данных мероприятиях?» большинство респондентов (54,4%) выбрали ответ «Иногда участвую». 27,3% – «Да». Итого 81,7% респондентов принимает участие в почти каждом мероприятии, что говорит о высокой вовлечённости обучающихся в процесс социально-воспитательной работы АГЗ.

Анализируя причины неучастия, большинство респондентов (42,2%) вы-

брали вариант «Нехватка времени», вследствие большой нагрузки во время учёбы и после неё (например, подработка). Только 25% отметили незаинтересованность. Другими словами, проводимые мероприятия неоднократно подтверждали ожидания увлекательности и расширения кругозора у 75% обучающихся.

По полученным данным (Табл. 1) у студентов 1 курса при поступлении в АГЗ от социально-воспитательной работы были ожидания расширения кругозора (39,7%) и атмосферы увлечённости (30,2%), 21,6% пассивны – ни-

чего не ждут. Однако уже на 2 курсе доля пассивных студентов снижается до 4,4%, что свидетельствует о синхронизации ожиданий [6, с. 134] с основной частью студентов. Эффект синхронизации проявляется через «Мы-ожидания» [6, с. 191] в процессе ориентации на ожидания близких людей, с целью соответствия им. Уже на 2 курсе ожидания студентов от социально-воспитательной работы становятся более сформированными и концентрируются вокруг ожиданий атмосферы увлечённости и хорошего настроения (47,4%), а также расширения кругозора (35,1%).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Что Вы ожидали при поступлении в АГЗ от социально-воспитательной работы вуза?»

Категория / курс	Ответ / кол-во	Расширение кругозора		Атмосфера увлечённости, хорошее настроение		Ничего не жду		Приятное времяпровождение	
	N	N	%	N	%	N	%	N	%
Студенты	356	121	34,0	118	33,1	84	23,6	33	9,3
1	116	46	39,7	35	30,2	25	21,6	10	8,6
2	114	40	35,1	54	47,4	5	4,4	15	13,2
3	65	30	46,2	14	21,5	17	26,2	4	6,2
4	61	5	8,2	15	24,6	37	60,7	4	6,6
Курсанты + кадеты	319	130	40,8	81	25,4	16	5,0	92	28,8
Курсанты	213	84	39,4	42	19,7	16	7,5	71	33,3
1	51	22	43,1	18	35,3	0	0,0	11	21,6
2	49	27	55,1	14	28,6	2	4,1	6	12,2
3	58	20	34,5	6	10,3	8	13,8	24	41,4
4	55	15	27,3	4	7,3	6	10,9	30	54,5
Кадеты	106	46	43,4	39	36,8	0	0,0	21	19,8
1	52	28	53,8	19	36,5	0	0,0	5	9,6
2	54	18	33,3	20	37,0	0	0,0	16	29,6
ВСЕГО	675	251	37,2	199	29,5	100	14,8	125	18,5

У студентов 3 курса можно увидеть, что лидирующее место в ожиданиях по-прежнему занимает расширение кругозора (46,2%). Но возрастает доля пассивных – 26,2% ничего не ждёт! Их уже более занимает собственное развитие, нежели взаимодействие в общей массе (социальная ступень пирамиды Мас-

лоу), т.к. они перешли уже на уровень формирования «Я-ожиданий» посредством реализации потребностей духовных и престижа (перевернутая пирамида) [27]. На 3 курсе наступает переломный момент и уже идёт дифференциация студентов по совпадению ожиданий – кто-то успешно синхронизировал

свои ожидания с массовой социально-воспитательной работой (Мы-ожидания), а кто-то отдал предпочтение научной деятельности (Я-ожидания), что особенно заметно на 4 курсе.

У студентов 4 курса, можно увидеть, что основная часть (60,7%) ничего не ждёт. Такое равнодушие связано с тем, что им просто не хватает времени на участие во внеучебной деятельности, они усиленно занимаются наукой и подработкой. Другие же (атмосфера увлечённости – 24,6%), первоначально вовлечённые в культурно-массовый сектор работы вуза, далее продолжают уже эксплуатировать эти достижения и конвертировать их в итоговые оценки посредством демонстрации этой активности в социальной сфере.

У курсантов на 1 курсе преобладают ожидания расширения кругозора (43,1%) и атмосферы увлечённости (35,3%). На 2 курсе преобладают эти же ожидания – 55,1% и 28,6% соответственно. На 3 курсе растёт доля тех, кто ожидает от социально-воспитательной работы АГЗ приятного времяпровождения (41,4%) и расширения кругозора (34,5%). 13,8% курсантов становятся пассивными, хотя, скорее всего, ранее они проявляли незаурядную активность. Но т.к. их деятельность максимально зарегулирована, они не могут проявить свою творческую инициативу, которая далее заметно угасает. Лояльность к социально-воспитательной работе вследствие достигнутой синхронности взаимных ожиданий обусловлена спецификой военного образования и высокой загруженностью (всё расплано по минутам), где курсант должен не столько осознавать то, что выбранный им тип поведения действительно приведёт к удовлетворению или приобретению ожидаемого, сколько иметь уверенность в 100% реализации ожидаемого состояния. То есть определённый тип поведения соответствует определённому будущему состоянию индивида (ожиданию). Работает жёсткая взаимосвязь возможного варианта поведения с возможным вариантом его результата [6, с. 134].

Другими словами, к 3 курсу синхронизированность курсантов с Уставом намного упрощает им жизнь посредством синхронизации взаимных ожиданий, но также сужает многообразие реакций на один и тот же социальный раздражитель. Очевидно, *3 курс является переломным не только для студентов, но и для курсантов*, что подтверждено анализом ожиданий студентов в других исследованиях [14, с. 24].

На 4 курсе основная часть курсантов ожидает от социально-воспитательной работы приятного времяпровождения (54,5%), расширения кругозора (27,3%). Даёт о себе знать окончательное формирование синхронных ожиданий и их направленность уже «во вне» стен АГЗ – выпуск и дальнейшая воинская служба. Предсказуемость карьеры сформирована, остаётся соответствовать Уставу для совпадения ожиданий с будущей реальностью. Т.е. развлекаться в пределах Устава, и расширять кругозор в пределах учебной программы, не рискуя нарушить «взаимные ожидания» [19] вышестоящего начальства.

На 1 курсе *кадеты* ожидают от социально-воспитательной работы расширения кругозора (53,8%), и атмосферы увлечённости, хорошего настроения (36,5%). На 2 курсе – атмосферы увлечённости, хорошего настроения (37,0%), приятного времяпровождения (29,6%) и расширения кругозора (33,3%). В данной категории отсутствует пассивность, т.к. социально-воспитательная работа расплана по минутам. Насыщенность и интенсивность её высока. Возраст ещё не позволяет критично относиться к массовым мероприятиям. Многое воспринимается как «истина в последней инстанции». Это же подтверждают данные, полученные в категории *курсанты*.

В общем распределении ответов (N=675) респонденты ожидают: «расширения кругозора» (37,2%) и «атмосферы увлечённости, хорошего настроения» (29,5%). Это важный показатель состоявшейся синхронизации ожиданий большинства респондентов, т.к. даже увлечённость каким-либо занятием, а тем

более расширением кругозора, предполагает личностный рост и развитие. Пассивную позицию выбрали всего 14,8% – «Ничего не жду», что свидетельствует о качественном контингенте абитуриентов, сделавших достаточно осознанный

выбор вуза. В дальнейшем для них необходима лишь коррекция сформированных извне ожиданий.

Для того чтобы выявить совпали ли ожидания обучающихся с реальностью, обратимся к ответам в Табл. 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Совпали ли Ваши ожидания при поступлении в АГЗ МЧС с реальностью?»

Категория / курс	Ответ / кол-во		Да		Скорее да, чем нет		Скорее нет, чем да		Не в полной мере		Нет		Затрудняюсь ответить	
	N		N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
Студенты	356		36	10,1	131	36,8	75	21,1	44	12,4	47	13,2	23	6,5
1	116		26	22,4	11	9,5	21	18,1	22	19,0	23	19,8	13	11,2
2	114		10	8,8	61	53,5	17	14,9	9	7,9	11	9,6	6	5,3
3	65		0	0,0	23	35,4	19	29,2	12	18,5	9	13,8	2	3,1
4	61		0	0,0	36	59,0	18	29,5	1	1,6	4	6,6	2	3,3
Курсанты + кадеты	319		79	24,8	130	40,8	59	18,5	23	7,2	21	6,6	7	2,2
Курсанты	213		41	19,2	101	47,4	39	18,3	13	6,1	15	7,0	4	1,9
1	51		18	35,3	16	31,4	4	7,8	7	13,7	4	7,8	2	3,9
2	49		12	24,5	18	36,7	9	18,4	6	12,2	3	6,1	1	2,0
3	58		11	19,0	27	46,6	16	27,6	0	0,0	4	6,9	0	0,0
4	55		0	0,0	40	72,7	10	18,2	0	0,0	4	7,3	1	1,8
Кадеты	106		38	35,8	29	27,4	20	18,9	10	9,4	6	5,7	3	2,8
1	52		25	48,1	15	28,8	5	9,6	5	9,6	1	1,9	1	1,9
2	54		13	24,1	14	25,9	15	27,8	5	9,3	5	9,3	2	3,7
ВСЕГО	675		115	17,0	261	38,7	134	19,9	67	9,9	68	10,1	30	4,4

Вариант ответа (Табл. 2) «Да» и «Скорее да, чем нет» выбрали 31,9% студентов 1 курса, на 2 (62,68%), на 3 (35,38%) и 4 (59,02%). На 3 и 4 курсе вовсе отсутствуют те студенты, которые с уверенностью могут сказать «Да», что их ожидания при поступлении совпали с реальностью, но положительно («Скорее да, чем нет») о совпадении ожиданий на 4 курсе высказалось наибольшее количество респондентов (59,02%), по отношению к младшим курсам. Вариант несовпадения ожиданий («Скорее нет, чем да», «Не в полной мере», «Нет») выбрала основная часть студентов 1 курса (68%).

На 2 курсе доля этих ответов заметно снижается (35%). Это связано, по нашему мнению, с инерционностью вовлечения в социально-воспитательную работу вчерашних школьников и со значительной раскачкой, которая необходима многим первокурсникам, не ожидавшим такой высокой зарегулированности социально-воспитательных мероприятий, связанных со спецификой военного вуза.

Несовпадение ожиданий к 3 курсу заметно возрастает в 2 раза (69%) и к 4 снова падает в 2 раза (33%). Вероятнее всего такие скачки в ожиданиях

в социально-воспитательной работе связаны с нереализованной активностью 3-курсников, которые пересекли «экватор», повзрослели и ожидают большего расширения для них полномочий и учёта их мнений, чего не происходит, и их ожидания остаются нереализованными.

Вышеуказанное распределение ответов студентов 1–4 курсов связано с инерционностью погружения в социально-воспитательную работу АГЗ и идеалистичными ожиданиями у младших курсов, присутствие надежды на их исполнение на более старших курсах. Более того, на старших курсах приходит понимание внутренних взаимосвязей и процессов в АГЗ, что обеспечивает предсказуемую среду для старшекурсников, которые хоть и получили не совсем то, что ожидали на младших курсах, но и этого вполне достаточно для дальнейшей синхронизации их ожиданий в карьере и внешней, по отношению к АГЗ, среде. Таким образом, мы можем предположить, что на 1 и 3 курсах по разным указанным ранее причинам возникает эффект «обманутого ожидания». Сначала у абитуриентов при поступлении были сформированы извне одни ожидания, затем у студентов 2 курса складывались другие ожидания вследствие их синхронизации, но уже к 3 курсу такие ожидания или не оправдались, что подтверждено в других работах [14, с. 21], или значительно поменялись, вследствие опять же взаимной синхронизации ожиданий.

У 66,67% курсантов 1 курса совпали ожидания («Да» и «Скорее да...»), у 2–61,2%. У 3–65,62%. У 4 курса отсутствуют те, кто ответил «Да», но положительно о совпадении ожиданий на 4-м курсе высказалось наибольшее количество респондентов (72,73%). Такое распределение ответов связано с процессом синхронизации ожиданий, т.е. с появлением к выпускному курсу «общего знаменателя», обеспечивающего понимание складывающейся ситуации в АГЗ, хотя и несовпадающей с первоначальными ожиданиями, но имеющей для этого свои внутренние, но уже понятные респондентам причины.

Среди курсантов 3 и 4 курса вариант ответа «Не в полной мере» никто не выбрал (Табл. 2). Это говорит о том, что ожидания курсантов более сформированы, чем у студентов, в силу военной специфики. Поливариантность ситуации их тяготит.

Вариант «Не в полной мере», выбрали как *кадеты* 1 курса – 9,6%, так и 2–9,3%, и, скорее всего, по причине их возраста. Они ещё не настолько пропитаны Уставом и однозначностью трактовки социальной реальности, необходимой в воинской службе. Однако среди ответов кадетов, на 2 курсе присутствуют те, кто выбрал вариант ответа «Да» (24,07%), но в сравнении с 1 курсом (48,08%) это очень низкий показатель. Положительно («Да» и «Скорее да...») о совпадении ожиданий на 1 курсе высказалось (76,9%) наибольшее количество респондентов, по сравнению со 2 (50%). Мы наблюдаем обратную тенденцию по отношению к курсантам и студентам! По нашему мнению это связано с некоей неуверенностью второкурсников в завтрашнем дне по причине рассинхронизации ожиданий и, как следствие, далеко не все кадеты идут дальше учиться в АГЗ, а некоторые идут служить срочную службу в армии.

В общем распределении ответов (N=675) о совпадении ожиданий («Да» и «Скорее да...») высказалось 55,7% респондентов, что говорит о высокой синхронизации ожиданий и активной работе за пределами АГЗ по имиджевой составляющей (формирование ожиданий через общественное мнение, СМИ, сайт, соцсети и т.п.), ответственной за формирование ожиданий абитуриентов.

Чтобы выяснить причину несовпадения ожиданий при поступлении в АГЗ обратимся к результатам распределения ответов на следующий вопрос: «Что бы вы хотели внести нового в социально-воспитательный процесс, чтобы оправдать ваши ожидания?». Обучающиеся, чьи ожидания при поступлении не совсем совпали с реальностью, отметили необходимость внести изменения в социально-воспитательную работу (87,7%). Они считают, что для синхро-

низации взаимных ожиданий необходимы: больше интересных общекультурных мероприятий (23,9%); повышение общекультурного уровня (8,6%); освоение организаторских навыков (13,2%), а также вовлечение в научную работу на кафедрах своего факультета (7,6%). Большая часть (34,4%) выбрала вариант ответа «Всё вышеперечисленное». Затруднились ответить 12,3%.

65% респондентов высоко (4 и 5 баллов) оценили совпадение своих ожиданий с реальностью от научной работы. На 3 балла – 28%. Что положительно (93%) характеризует научную деятельность АГЗ. Коэффициент корреляции (r -Pearson = +0,29; $p \leq 0,05$) между категорией обучающихся (студент, курсант, кадет) и оценкой совпадения ожиданий (1–5) от научной работы в АГЗ показывает слабую взаимосвязь между ними.

61% респондентов высоко оценили (4 и 5 баллов) уровень совпадения ожиданий от социально-воспитательной работы. Ещё 25% удовлетворительно отозвались об этом. (r -Pearson = +0,29; $p \leq 0,05$) между категорией обучающихся (студент, курсант, кадет) и удовлетворённостью (1–5) организацией социально-воспитательного процесса в АГЗ показывает слабую взаимосвязь с ними. Обучающиеся в целом высоко оценили (86%) уровень совпадения ожиданий от социально-воспитательной работы, что положительно характеризует работу АГЗ в данном направлении.

71% респондентов высоко (4 и 5 баллов) оценили уровень совпадения своих ожиданий от преподавания. Ещё 22% удовлетворительно отозвались о них. Что не только положительно (93%) характеризует преподавательскую деятельность в АГЗ, но и отражает высокие требования к преподавателям в целом. (r -Pearson = +0,37; $p \leq 0,05$) между категорией обучающихся (студент, курсант, кадет) и оценкой уровня совпадения ожиданий (1–5) от преподавательской деятельности показывает умеренную корреляционную взаимосвязь между ними.

Другими словами, у *кадетов* ожидания по отношению к преподавателю выше, чем у *курсантов* и *студентов*, они

более относятся к получаемым знаниям, преподаватель для них более авторитетен и является носителем «непреклонной истины» в большей степени, чем у последних. То же самое можно сказать и по отношению к *военным* направлениям обучения. В силу их специфики, авторитет преподавателя выше и ожидания более высоки, нежели у гражданских направлений. У *гражданских* направлений самые низкие ожидания от преподавания, соответственно и уверенность, что получаемые знания пригодятся, относительно *кадетов* и *курсантов* низкая.

Можно также предположить, что на младших курсах многое воспринимается на веру, на старших – отношение к получаемым знаниям более критично. Это подтверждает взаимосвязь ожиданий с будущей предсказуемостью в жизни, которая более проявлена у *курсантов* и *кадетов*. У этих категорий ожидания наиболее сформированы и стабильны, что обусловлено их военной спецификой. Карьера военного и успех в силовых структурах, которые не претерпели больших изменений в новейшей истории, и совпадение в будущем уже сформированных ожиданий с реальностью при соблюдении Устава в их случае наиболее вероятны. Другими словами, реализация ожиданий и вероятность их совпадения с реальностью существенно влияет на дальнейшую жизнь обучающихся и направление их усилий.

Остальные исследуемые показатели (пол, возраст, курс обучения) не дали значимой корреляции с ожиданиями.

Заключение

В результате исследования была выявлена относительно низкая пассивность обучающихся (14,8%), у которых, вероятно, максимальны несовпадения с реальностью ожиданий от социально-воспитательной работы. Посредством последней происходит синхронизация взаимных ожиданий, и её успешность зависит от реализации обучающимися очередной ступени иерархии потребностей. По нашим предположениям процесс синхронизации успешен для большинства обучающихся, находящихся на первых

трёх ступенях пирамиды Маслоу [См. 6, с. 63–92]. Это обуславливает появление к выпускному курсу «общего знаменателя» у обучающихся, обеспечивающего предсказуемость для них ситуации в АГЗ, хотя и несовпадающей с первоначальными ожиданиями. Последнее связано с инерционностью погружения в социально-воспитательную работу и идеалистичными ожиданиями у младших курсов, что подтверждается исследованием в области ожиданий студентов [14, с. 24].

Курсанты и кадеты, в отличие от студентов, более лояльны к социально-воспитательной работе вследствие достигнутой синхронности взаимных ожиданий, обусловленной спецификой военного образования, обеспечивающей уверенность в 100% исполнении ожидаемого состояния (карьера). То есть определённый тип поведения соответствует определённому ожиданию (будущему состоянию среды взаимодействия). Для *военных* социально-воспитательная работа расценивается как приятное времяпровождение – 28,8%, сглаживающее «тяготы и лишения воинской службы», в отличие от более пассивных *студентов*, которые от процесса «ничего не ожидают» – 23,6%, что необходимо учитывать в работе вуза.

Таким образом, эмпирические данные проведённого исследования подтверждают как напрямую, так и косвенно основные положения теории «Общества ожиданий». Общество предоставляет индивиду удовлетворённость и комфорт через синхронность ожиданий (предсказуемость). Взамен индивид, синхронизировавшись с обществом, частично теряет свой творческий потенциал.

Литература

1. Сенашенко В.С., Конькова Е.А., Комбарова М.Н. Социально-воспитательная среда вуза как основа воспитания и социализации студенчества // Высшее образование в России. 2011. № 6. С. 103–113.
2. Борлакова Б.М. Социально-воспитательная работа в высшей школе: проблемы и перспективы //

Известия Чеченского государственного педагогического института. 2012. № 1. С. 18–30.

3. Завершинский К.Ф. Структуры «социальных ожиданий» как предмет исследования цивилизационных процессов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 50–59.
4. Ломакина О.В. Организация социально-воспитательной работы в вузе (на примере Кемеровского государственного университета) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2 (58). С. 145–149.
5. Ленец А.В., Петрова Е.И. Эффект обманутого ожидания с позиции прагматингвистики (на примере журнальных заголовков) // Научная мысль Кавказа. 2009. № 2 (58). С. 114–118.
6. Стоянов А.С. Общество ожиданий: введение в концептуальные основы теории. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 336 с. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25905782_18991982.pdf (дата обращения: 19.01.2022).
7. Стоянов А.С., Филькова В.Н. Факторы негативного отношения к службе в армии (на примере призывников г.о. Химки) // Социология. 2020. № 2. С. 173–180. URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=25409 (дата обращения: 19.01.2022).
8. Дегтярев А.К., Литвиненко Е.Ю. Курсанты ввузов: жизненные стратегии и инновационный потенциал // Социологические исследования. 2003. № 12. С. 69–75.
9. Богданович Г.А. Социально-воспитательная работа // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 86–90.
10. Dahrendorf R. Homo Sociologicus: Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2006. 126 s.
11. Фирсова Е.В. Прагматингвистические основания классификации социальных ожиданий // Известия Южного федерального университета. 2013. № 2. С. 81–87.

12. Burgoon M., Miller G.R. An Expectancy Interpretation of Language and Persuasion // *Recent Advances in Language, Communication and Social Psychology*. L: Routledge, 2018. P. 199–229.
13. Здравомыслов А.Г. Ожидание будущего и его прогноз (социологические аспекты) // *Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. Вып.6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 40–54.*
14. Кузнецов И.С. Детерминанты доверия в высшем образовании // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 12. С. 9–31. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-12-9-31
15. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Жизненные планы российских студентов: ожидания и опасения в профессиональной сфере // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2014. № 2. С. 90–107.
16. Романова Г.М., Макарова И.Н., Шашков А.В. Теоретико-методологические основы исследования ожиданий и мотивации волонтеров // *Известия Сочинского государственного университета*. 2012. № 3. С. 151–161.
17. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодёжи: реализация ожиданий и социальные настроения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 13–41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602
18. Стоянов А.С., Гущина Л.М. Ожидания как фактор ретрансляции ответственности в дошкольном образовании: родители vs профессионалы // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2020. № 5. С. 193–204. DOI: 10.26105/SSPU.2020.68.5.022
19. Стоянов А.С., Пеканова Е.А. Гастрономические ожидания курсантов Академии Гражданской Защиты МЧС России // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. № 2. С. 135–148. DOI: 10.26105/SSPU.2021.71.2.012
20. Стоянов А.С., Адаева Е.С. Ожидания как фактор потребительской лояльности к фармацевтическому препарату: бренд vs дженерик (на примере ибупрофена) // *Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]*. 2021. № 67(4). С. 14. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-14
21. Умеренкова А.В. Лингво-когнитивное моделирование эффекта обманутого ожидания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск. 2009. 19 с.
22. Wu F., Fan W. Academic Procrastination in Linking Motivation and Achievement-Related Behaviours: a Perspective of Expectancy-Value Theory. *Educational Psychology*. 2017. Vol. 37. No. 6. P. 695–711. DOI: 10.1080/01443410.2016.1202901
23. Mahatmya D., Smith A. Family and Neighborhood Influences on Meeting College Expectations in Emerging Adulthood. *Emerging Adulthood*. 2017. Vol. 5. No. 3. P. 164–176. DOI: 10.1177/2167696816663833
24. Cowan B.W. Sources of Bias in Teenagers' College Expectations. *Social Science Quarterly*. 2018. Vol. 99. No. 1. P. 136–153. DOI: 10.1111/ssqu.12354
25. Ball C. The Emotional Costs of Computers: An Expectancy-Value Theory Analysis of Predominantly Low-Socioeconomic Status Minority Students' STEM attitudes. *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 105–128. DOI: 10.1080/1369118X.2017.1355403
26. Smith C.A., Lazarus R.S. Emotion and Adaptation // *Handbook of Personality: Theory and research/ Ed. by Pervin L.A.* New York: Guilford, 1990. P. 609–637.
27. Стоянов А.С. Структура ожиданий в диалектике потребностей: к устойчивости общества // *Социология*. 2020. № 5. С. 195–221. URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=27186 (дата обращения: 19.01.2022).

EXPECTATIONS IN THE SOCIAL-UPBRINGING WORK OF THE UNIVERSITY: CADETS VS STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF THE EMERCOM ACADEMY OF CIVIL DEFENSE)

Stoyanov A.S.
EMERCOM Academy of Civil Defense

Applicants, upon entering higher educational institutions, have certain expectations regarding the university and its social-upbringing work. But becoming students, their externally formed expectations may not correspond to the internal reality characteristic of the university. Which causes their dissatisfaction and stress, and, as a result of this, disinterest, ignoring participation in social-upbringing work. In purely military universities, this circumstance is leveled by a more rigid hierarchy and discipline. The Academy EMERCOM of Russia is a unique combination of the simultaneous training of military and civilian specialists in one university. This article is devoted to a differentiated study of the expectations of students and cadets from social-upbringing work. Based on the analysis of scientific literature, student surveys and their own research, the authors of this article draw relevant conclusions about the relationship between the expectations and newly formed expectations of students and cadets from social-upbringing work with the degree of initiative, satisfaction and interest of students in the events. This allowed the authors to identify differences in the expectations of students and cadets. The authors conclude that there is a characteristic successive change in expectations from social-upbringing work, from freshmen to senior courses of future military and civilian specialists. This is due to the process of synchronization of mutual expectations, which is constant in nature regardless of the direction of synchronization.

Keywords: expectations, synchronization of expectations, mutual expectations, social-upbringing work, social expectations.

References

1. Senashenko, V.S, Konkova, E.A, Kombarova, M.N. (2011). Social-Upbringing Environment of Higher School as a Foundation of Upbringing and Socialization of Students. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia.* no. 6, pp. 103–113. (In Russ., abstract in Eng.).
2. Borlakova, B.M. (2012). Socio-Educational Work at the Higher School: Problems and Prospects. *Izvestiya Chechenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = News of the Chechen State Pedagogical University.* no.1, pp. 18–30. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Zavershinskiy, K.F. (2012). Structure of the 'Social Expectations' as a Subject of Civilization Processes Study. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of*

- Sociology and Social Anthropology.* no. 6, pp. 50–59. (In Russ., abstract in Eng.).
4. Lomakina, O. V. (2014). Organization of Social and Educational Work in Higherschool. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta.*Vol. 1. no. 2, pp. 145–149. (In Russ., abstract in Eng.).
5. Lenets A.V., Petrova E.I. (2009). The Effect of Deceived Expectation from a Position of Pragmalinguistics. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific thought of Caucasus.* no. 2(58), pp. 114–118. (In Russ., abstract in Eng.).
6. Stoyanov, A.S. (2016). The Society of Expectations: An Introduction to the Conceptual Basis of Theory. Moscow: FLINTA: Science, 336 p. (In Russ., abstract in Eng.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25905782_18991982.pdf (accessed: 19.01.2022).
7. Stoyanov, A.S., Filkova, V.N. (2020). Factors of a negative attitude to military service (on the example of conscripts from Khimki urban district). *Sotsiologiya = Sociology,* no. 2, pp 173–180 (in Russ., abstract in Eng.). URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=25409 (accessed: 19.01.2022).
8. Degtyarev, A.K., Litvinenko, E. Yu. (2003). Cadets: Life Strategy and the Innovative Potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies.* no. 12, pp. 69–75. (In Russ., abstract in Eng.).
9. Bogdanovich, G. A. (2009). Socializing Activities. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia.* no.6, pp. 86–90. (In Russ., abstract in Eng.).
10. Dahrendorf, R. (2006). *Homo Sociologicus: Ein Versuch zur Geschichte, Bedeutung und Kritik der Kategorie der sozialen Rolle.* Wiesbaden: Springer Fachmedien, 126 s.
11. Firsova, E. V. (2013). Pragmalinguistic Grounds for Classifying Social Expectations. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Proceedings of Southern Federal University.* no. 2, pp. 81–87. (In Russ., abstract in Eng.).
12. Burgoon, M., Miller, G. R. (2018). An Expectancy Interpretation of Language and Persuasion. In: *Recent Advances in Language, Communication and Social Psychology.* Routledge, pp. 199–229.
13. Zdravomyslov, A.G. (2007). Expectation of the Future and its Forecast (sociological aspects). In: Gorshkov M.K. (Ed.). *Rossiya reformiruyushchayasya. Ezhegodnik [Russia in reform. Yearbook].* Moscow: FCTAS

- RAS, Issue 6, pp. 40–54. (In Russ., abstract in Eng.).
14. Kuznetsov, I.S. (2021). Determinants of Trust in Higher Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 30, no. 12, pp. 9–31, doi: 10.31992/0869–3617–2021–30–12–9–31 (In Russ., abstract in Eng.).
 15. Narbut, N.P., Trotsuk, I.V. (2014). Russian Students Life Plans: Expectations and Concerns in the Professional Field. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. no. 2, pp. 90–107. (In Russ., abstract in Eng.).
 16. Romanova, G.M., Makarova, I.N., Shashkov, A.V. (2012). Theoretical and Methodological Background to Research of Expectations and Motivations of Volunteers. *Izvestiya Sochinskogo gosudarstvennogo universiteta = Sochi Journal of Economy*. no. 3, pp. 151–161. (In Russ., abstract in Eng.).
 17. Zubok, J., Chuprov, V. I. (2020). Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. no. 3, pp. 13–41, doi:10.14515/monitoring.2020.3.1602 (In Russ., abstract in Eng.).
 18. Stoyanov, A.S., Gushchina, L.M. (2020). Expectations as a factor of relaying responsibility in preschool education: parents vs professionals. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. no. 5, pp. 193–204, doi:10.26105/SSPU.2020.68.5.022 (In Russ., abstract in Eng.).
 19. Stoyanov, A.S., Pekanova, E.A. (2021). Gastronomic expectations of cadets of the Academy of Civil Defense EMERCOM of Russia. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. no. 2, pp. 135–148, doi:10.26105/SSPU.2021.71.2.012 (In Russ., abstract in Eng.).
 20. Stoyanov, A.S., Adaeva, E.S. (2021). Expectations as a factor of consumer loyalty to a pharmaceutical product: brand vs generic (exemplified by ibuprofen). *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social aspects of population health [serial online]*. no. 67(4), pp. 14, doi:10.21045/2071–5021–2021–67–4–14. (In Russ., abstract in Eng.).
 21. Umerenkova, A.V. (2009). *Lingvo-kognitivnoye modelirovaniye effekta obmanutogo ozhidaniya: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Linguistic-cognitive modeling of the effect of deceived expectation: author. dis. ... Cand. Sci. Thesis (Sociology)] Kursk*, 19 p. (In Russ.)
 22. Wu, F., Fan, W. (2017). Academic Procrastination in Linking Motivation and Achievement-Related Behaviours: a Perspective of Expectancy-Value Theory. *Educational Psychology*. Vol. 37. no. 6, pp. 695–711, doi:10.1080/01443410.2016.1202901
 23. Mahatmya, D., Smith, A. (2017). Family and Neighborhood Influences on Meeting College Expectations in Emerging Adulthood. *Emerging Adulthood*. Vol. 5. no. 3 pp. 164–176, doi:10.1177/2167696816663833
 24. Cowan, B. W. (2018). Sources of Bias in Teenagers' College Expectations. *Social Science Quarterly*. Vol. 99. no. 1, pp. 136–153, doi: 10.1111/ssqu.12354
 25. Ball, C. (2019) The Emotional Costs of Computers: An Expectancy-Value Theory Analysis of Predominantly Low-Socioeconomic Status Minority Students' STEM attitudes. *Information, Communication & Society*. Vol. 22. no. 1, pp. 105–128, doi:10.1080/1369118X.2017.1355403
 26. Smith, C.A., Lazarus, R. S. (1990). Emotion and Adaptation. In: Pervin, L. A. (Ed.) *Handbook of Personality: Theory and research*. New York: Guilford, pp. 609–637.
 27. Stoyanov, A.S. (2020). The Structure of Expectations in the Dialectic of Needs: To the Sustainability of Society. *Sotsiologiya [Sociology]*. no. 5, pp. 195–221. (In Russ., abstract in Eng.). URL: http://soziologi.ru/archive/?ELEMENT_ID=27186 (accessed: 19.01.2022).

Социология управления в фокусе социальной ответственности бизнеса и развития человеческих ресурсов

Заварзина Юлия Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье проводится анализ вторичных данных раскрывающих вопросы изменения контекста социальной ответственности компаний в аспекте развития человеческих ресурсов. Делаются выводы с позиции социологии управления о социальной динамике менеджмента как теории и как практического опыта моделирования человеческого капитала компаний.

Ключевые слова: социология управления, социальная ответственность, человеческие ресурсы, человеческий капитал, социальное моделирование.

Радикальная перестройка системы социальной ответственности бизнеса – одна из важнейших проблем в нашей стране. Особое значение эта проблема имеет на уровне предприятия, положение которого в глобализированной экономике коренным образом изменяется. Будучи объектом товарно-денежных отношений, обладающим экономической самостоятельностью и полностью отвечающим за результаты хозяйственной деятельности, предприятие обязано сформировать систему управления, обеспечивающую ему высокую эффективность работы, конкурентоспособность и устойчивость положения на рынке.

В этом ключе стоит обратить внимание на управление персоналом, поскольку социальная ответственность главным образом сосредоточена на сотрудниках. С одной стороны, управление персоналом призывает к тому, чтобы все больше использовать КСО, поддерживая при этом социальную ответственность во всех основных практиках управления персоналом, с другой стороны, считается, что успешная практика КСО по большей части зависит от управления персоналом. Например, КСО может использовать набор и удержание персонала для поощрения социально более ответственного поведения организации. Социальная ответственность потенциально может повлиять практически на все процессы управления персоналом, начиная с оплаты труда и компенсации за управление карьерой и талантами, на описание должностных обязанностей или виды стимулов. Сила КСО для УЧР заключается в том, что она включает в себя то, что уже делает УЧР, но интегрирует это с бизнесом и другими ключевыми функциями компании и связывает весь пакет со стратегией и бизнес-обоснованием. Управление персоналом обладает возможностями, специально предназначен-

ными для сотрудников и обучения, это означает, что оно способно поддерживать эффективность КСО организации и влиять на создание ценностей. Кроме того, политика и практика управления персоналом обеспечивают основу для культуры организации и идеально подходят для внедрения ценностей корпоративной гражданской ответственности в корпоративную культуру [1].

Многие теории управления, которые влияют на то, как мы сегодня определяем менеджмент, берут свое начало в девятнадцатом веке, где зародилась американская традиция рационализации и повышения эффективности управления. Этот исторический период характеризовался растущей индустриализацией, где компании росли и становились все более могущественными. Фредерик Уинслоу Тейлор (1856–1915 годы) является одним из основателей движения за эффективное управление и считается отцом-основателем концепции научного менеджмента, также называемой тейлоризмом. Тейлоризм представляет собой теорию лидерства, которая анализирует эффективные рабочие процедуры.

Научный менеджмент Тейлора на самом деле является системой повышения эффективности и работает на основе следующих четырех принципов: 1) замена эмпирического правила методами, основанными на научном изучении задач; 2) отбор, обучение и развитие каждого сотрудника компанией, а не самостоятельное его обучение; 3) разработка подробных инструкций о том, как сотрудник должен выполнять свою работу; 4) разделение работы поровну между менеджерами и работниками, чтобы менеджеры могли применять принципы научного менеджмента для планирования работы, а работники могли выполнять свои задачи. Другим выдающимся теоретиком менеджмента, повлиявшим на наше восприятие концепции менеджмента, является Анри Файоль (1841–1925 годы). Его практический опыт работы горным и геологическим инженером, а затем директором заложил основу для развития его общей

теории делового администрирования. Файоль выделил пять основных функций управления, которые должны были выполняться в рамках эффективного управления: 1) планирование; 2) организация; 3) команды; 4) координация; 5) контроль. Если посмотреть на эти функции, можно отметить значительную часть концепций и понимания управления, преобладающих как в теории, так и на практике сегодня. К иному мнению пришел Честер Барнард, чье влияние также можно увидеть в управлении персоналом, коммуникациях и разработке системы вознаграждения. «Функции руководителя» основаны на опыте Барнарда и сосредоточены вокруг функций менеджера, включая коммуникацию с руководством и взаимодействие с органами власти. В своей работе он обобщает наиболее важные функции лидера: 1) разработка и обслуживание системы связи; 2) защита основных услуг от других участников; 3) формулирование организационных целей и задач. Барнард получил особое признание за внедрение системного подхода к организационным исследованиям, в котором он подчеркивает, что для выживания организации во внешней среде и достижения успеха в долгосрочной перспективе, необходимо поддерживать сотрудничество с работниками, чтобы соответствовать условиям эффективности. Он определяет эту эффективность как «удовлетворение индивидуальных мотивов», и подчеркивает, что компании должны создавать избыток удовлетворения, если они хотят быть эффективными [1].

Вопросами развития корпоративной социальной ответственности занимались такие ученые как Ю.В. Борисова [1], О.А. Полюшкевич [5,6], Ю.В. Заварзиной и А.В. Фешкина [13], роль развития человеческого капитала в программах социальной ответственности бизнеса раскрыта в работах Г.В. Дружинина [2,3], А.Н. Пружинина [7–12], управление персоналом в крупных компаниях изложено Н.В. Москвитиной [4].

В настоящее время, в условиях усиления глобальной конкуренции, быстро меняющегося мирового рынка и расту-

щего технологического прогресса, организации делают акцент на потребности в высококвалифицированной и компетентной рабочей силе, а инвестирование в обучение становится их стратегической целью. Система обучения и развития персонала организации является ключевым механизмом обеспечения знаний, навыков и умений, необходимых для достижения целей организации и создания конкурентных преимуществ. Предприятиям необходимо увязывать КСО с персоналом, если они хотят привлечь и сохранить нужных людей, которые способны усердно и эффективно работать с подотчетностью и социальной ответственностью для достижения устойчивых результатов. С приходом на рынок труда поколения миллениалов организациям был брошен дополнительный вызов, поскольку поколение Y характеризуется более короткими сроками работы в каждой компании и более высокими требованиями к развитию компетенций и большим возможностям для карьерного роста, и, если их требования не удовлетворяются, они быстро уходят. Это требует новых методов удержания сотрудников.

Практика УЧР может быть разнообразной, а цели могут меняться в соответствии с потребностями конкурентной борьбы, с развитием технологий, с личными качествами работников и с состоянием рынка труда: воспитание культуры эффективного труда; интеграция человеческих ресурсов с бизнес-стратегией компании; подготовка для организации талантливых и компетентных кадров; создание в компании доверительного климата; увеличение степени вовлеченности сотрудников в деятельность организации и преданности ей. Одним из основных компонентов УЧР является управление человеческим капиталом, которое подразумевает кадровую политику по обучению и развитию сотрудников. Человеческий капитал состоит из знаний, навыков и способностей людей, работающих в организации, при взаимодействии коллег друг с другом возникает новое знание, которым владеет организация – организационный

капитал. Наиболее важными особенностями человеческого капитала для эффективности фирмы представляются гибкость и креативность сотрудников, а также их навыки, способности и желание работать. Данная теория рассматривает сотрудников как ценный актив, инвестиции в него генерируют доходы, стоящие ранее затраченных средств (таблица 1).

Таблица 1. Составляющие человеческого капитала

Интеллектуальный	Социальный	Организационный
<ul style="list-style-type: none"> – запас и прирост знаний, доступных организации – нематериальные ресурсы (люди), которые в совокупности с материальными составляют стоимость бизнеса 	<ul style="list-style-type: none"> – знания, полученные благодаря сети взаимоотношений как внутри организации, так и за ее пределами – корпоративная культура, нормы и доверие 	<ul style="list-style-type: none"> – знания, которыми обладает организация, хранящиеся в виде баз данных, инструкций и т.п.

Выделяют несколько основных моделей, определяющих, как работает УЧР: согласно модели соответствия, управлять системой УЧР и структурой организации следует в соответствии со стратегией этой организации. Гарвардская схема включает в себя предположение, что необходимо иметь ввиду долгосрочные перспективы в управлении и рассматривать людей как потенциальный актив организации. В рамках контекстуальной модели УЧР делается упор на важности факторов среды, в которой действует организация. Жесткий вариант опирается на рациональные подходы к количественным, измеримым, связанным с бизнес-стратегией аспектам УЧР, мягкая же версия восходит к школе человеческих отношений. Также, можно выделить четыре типа УЧР с точки зрения экономики общего блага. Ученые предполагают, что новый тип устойчивого управления человеческими ресурсами (общего блага), может сыграть важную роль в достижении целей устойчивого развития (ЦУР) – см. таблицу 2.

Таблица 2. Типы устойчивого управления персоналом

Тип УЧР	Описание
УЧР, ориентированное на сохранение человеческого капитала (социальное)	ориентация на долгосрочную перспективу, концептуальные подходы и мероприятия, направленные на социально ответственный и экономически целесообразный набор и отбор, развитие, развертывание и увольнение сотрудников, кадровую деятельность в области управления разнообразием, обучения и развития, а также в области охраны труда и техники безопасности.
Зеленое УЧР, связанное с экологической устойчивостью (социальное + экологическое)	разработано для того, чтобы улучшить экологическую осведомленность сотрудников, предложить им внести свой вклад в экологическую репутацию компании. Отличается от предыдущего типа тем, что на уровне сотрудников он направлен на поощрение практики и действий по улучшению экологических показателей компании. Например, «зеленые» методы управления персоналом, такие как «зеленый» найм: набор сотрудников на работу, включающую природоохранные задачи), «зеленое» обучение: курсы, которые передают знания об окружающей среде), «зеленое» вознаграждение: связь бонусов с достижением экологической цели.
УЧР с тройным итоговым показателем (социальное + экологическое + экономическое)	модель тройной прибыли основана на общепринятом предположении, что ее три измерения неразрывно переплетены. УЧР рассматривается как общий подход к управлению персоналом, который фокусируется как на практике, ориентированной на сотрудников (например, на благополучие или вовлеченность сотрудников), так и на воздействии УЧР на социальную и экологическую среду.
УЧР общего блага (экономическое + социальное + экологическое + человеческое благо)	подход предполагает, что основная ответственность бизнеса заключается в том, чтобы сделать эффективный вклад в решение проблем устойчивого развития, с которыми сталкивается весь мир, и что долгосрочные личные интересы компаний заключаются в поддержании коллективных средств к существованию. Таким образом, управление персоналом для общего блага ставит коллективные интересы выше или более реалистично равными индивидуальным. Главный принцип – это взгляд извне с целью внести свой вклад в решение одной из главных задач или ЦУР, таких как изменение климата, коррупция, миграция, бедность или безработица среди молодежи. Второй принцип относится к пониманию того, что равные и справедливые трудовые отношения необходимы для общего блага и достижения доверительных отношений и успеха организации. Третий принцип отражает идею о том, что управление персоналом общего блага предоставляет всем заинтересованным сторонам возможности для участия и демократического представительства на рабочем месте для достижения адаптированных к местным условиям кадровых решений сложных глобальных задач. В-четвертых, предполагается, что психологический контракт будет соблюдаться с точки зрения защиты потребностей человека в трудоустройстве, что включает в себя безопасность и значимость работы.

Особенности деятельности организации на различных этапах ее становления и развития оказывают непосредственное влияние на стратегию организации, и, следовательно, на выбор адекватной ей стратегии УЧР. В процессе становления компании выделяют стадии становления, роста, зрелости, сокращения и реорганизации производства либо прекращения деятельности. На стадии становления организации обучение сотрудников играет второстепенную роль, упор компания делает на формирование команды талантливых менеджеров и организаторов производства. На стадии роста организации делают серверные финансовые вложения в развитие производства, в том числе в обучение и развитие персонала с целью обеспечить значительные преимущества по сравнению с конкурентами. На стадии зрелости в компании складывается орга-

низационная культура, обеспечивающая эффективную работу, однако, возникает опасность ослабления мотивации труда, и если организация не придерживается концепции постоянного обновления и развития, она может стукнуться с серьезными проблемами экономического и социального характера [8]. Для интеграции системы УЧР в бизнес-стратегию организации, а также для получения максимального результата в достижении целей бизнеса применяется особый метод – стратегическое управление человеческими ресурсами (СУЧР), простыми словами, СУЧР – это система связи людей с фирмой. Она учитывает внутренние особенности компании, условия внешней среды и включает в себя общее направление деятельности кадровой службы, а также конкретные методы по профессиональному совершенствованию сотрудников. Как правило, выделяют

три подхода взаимодополняющих практик УЧР, которые службы кадров берут на вооружение: а) ориентация на эффективность работы (качество обслуживания, рост прибыли) – повышение мотивации сотрудников, поощрения за вовлеченность и качество работы, профессиональное обучение и развитие; б) достижение высокого уровня обязательств, принимаемых сотрудниками – работники сами контролируют свое поведение, оно не регулируется внешними санкциями и принуждением; в организации достигается высокий уровень доверия; в) ориентир на сопричастность, высокий уровень вовлеченности – руководство доверяет сотрудникам самостоятельное принятие решений, делегирует полномочия и допускает к информации для обеспечения возможности продвижения и развития.

Проведение политики является задачей линейных менеджеров, именно они воплощают стратегию УЧР в жизнь, при этом, успех реализации зависит от имеющихся ресурсов фирмы, в том числе от уровня компетенции вышеуказанных менеджеров. Новые стратегии могут потребовать использования новых навыков или развития уже существующих. Это применимо как к рядовым сотрудникам, так и к линейным менеджерам, которых следует обучать тому, что они должны делать для реализации стратегии. Обучение и развитие сотрудников являются неотъемлемой частью политики УЧР, поскольку это основное социальное обязательство организации перед сотрудниками, которое заключается в убежденности руководства в необходимости и важности развития всех членов организации. В настоящей работе нас интересует два конкретных направления политики УЧР: а) повышение квалификации сотрудников, заключающееся в постоянном развитии их навыков и способностей с целью максимизации вклада, в возможности повышения квалификации, беспрепятственном продвижении по карьерной лестнице, реализации потенциала независимо от возраста и стажа, а также в повышении профессиональной востребованности на рынке труда; б) карьерный рост – политика про-

движения по службе не только своих сотрудников и не в случае необходимости, а с упором на будущие перспективные потребности организации: прием на работу и продвижение новых сотрудников; продвижение и обучение сотрудников старшего возраста. Доминирующий критерий для отбора – способность выполнять работу [6].

Отдельного внимания заслуживает управление человеческими ресурсами в международном масштабе, оно занимается управлением людьми во многонациональных компаниях, в которых штатные сотрудники могут быть как гражданами страны, где базируется штаб-квартира, так и гражданами стран, где расположены филиалы компании, помимо этого, существуют экспатрианты, работающие в иностранном филиале и являющиеся гражданами той страны, где базируется головное предприятие. Интернационализация открыла возможность использования взаимосвязей между различными сегментами деятельности и географическими регионами с целью получения новых знаний при работе на международных рынках.

В этих условиях сформировалось четыре типа бизнес-стратегий, влияющих на УЧР: 1) многонациональная стратегия достигает надежного и серьезного присутствия на местных рынках благодаря восприимчивости и чувствительности к локальным потребностям; 2) глобальная связана с созданием преимуществ по издержкам благодаря контролируемым операциям в мировом масштабе; 3) интернациональная бизнес-компания использует знания и возможности материнской компании посредством всемирного проникновения и адаптации; 4) компании с транснациональной стратегией создают новые организационные модели при одновременном развитии глобальной конкурентоспособности, многонациональной гибкости и использовании возможностей получения новых знаний со всего мира. На все виды деятельности в сфере УЧР влияет контекст, в котором они осуществляются, например, из-за культурных отличий могут возникнуть разногласия в видении методов

по управлению эффективностью, в понимании социальной справедливости, в системе оплаты труда или в подходе к организационной культуре. Международное УЧР призвано принимать решение относительно того, должна ли, с одной стороны, организация применять похожие политику и практические методики УЧР во всех странах своего присутствия (конвергенция) или, с другой стороны, она должна позволить зарубежным филиалам взять на вооружение свои собственные методы или хотя бы модифицировать политику и практику УЧР материнской компании, чтобы соответствовать местным требованиям (дивергенция).

Международные фирмы могут быть с этноцентрической ориентацией, при которой фундаментальные решения принимаются в штаб-квартире, а иностранные филиалы обладают малой автономией; полицентрической ориентацией, когда филиалы независимы и автономны; региональной ориентацией – филиалы взаимосвязаны и управляются региональным центром, а также геоцентрической ориентацией, при которой штаб-квартиры и иностранные филиалы интегрированы во всем мире и сильно зависят друг от друга. На любые виды практической деятельности в сфере УЧР, осуществляемые в филиалах гражданами той страны, в которой базируется этот филиал, могут влиять местное трудовое законодательство, практика производственных отношений, обычаи и культура и, возможно, директивы «политического» характера, присылаемые из центра. Обеспечение организации трудовыми ресурсами в международном масштабе базируется на процессах кадрового планирования, цель которых – оценка количества людей, требующихся всей МНК, определение доступных источников трудовых ресурсов и подготовка плана действий в сфере подбора, отбора и распределения персонала. Осуществление международного управления талантами включает в себя практически те же методы, которые используют для этих целей в стране базирования штаб-квартиры, а именно: планирование

талантов; определение кадрового резерва; выявление талантов внутри своей организации; наем талантов; управление производительностью; повышение квалификации руководящего состава и планирование карьеры, и назначение на работу или продвижение по службе. Для экспатриантов менеджерами УЧР разрабатываются дополнительные программы подготовки – подготовка к заграничному назначению должна включать в себя знакомство со страной назначения, необходимое знание: культуры той страны, в которой данный человек будет работать, предпочтительных методов руководства интернациональными командами и работы в них, а также проводимых политик в сфере бизнеса и УЧР. Особое внимание необходимо уделить вопросам карьеры экспатриантов либо с точки зрения приобретения ими опыта работы за рубежом, либо когда они возвращаются в родную страну окончательно или на какой-то период. Считается, что процессы управления карьерой нужно начинать до отъезда за рубеж и регулярно приводить их в соответствие с реалиями. Зарубежное назначение должно быть частью общего плана фирмы, чтобы репатрианты возвращались на те позиции, где могли бы использовать приобретенные знания и опыт [5].

Анализ отечественной практики обучения и развития персонала

Для достижения позиции современного социально ответственного бизнеса, способствующего этической корпоративной культуре, компаниям было необходимо разработать и внедрить поддерживающую организационную архитектуру, которая поощряла бы активное выражение моральных принципов. Старые привычки и модели поведения, возможно, многим потребовалось демонтировать и заменить новыми и более сильными этическими опорами. Этические устремления и цели, предложенные высшим руководством, должны быть облечены в осязаемую, оперативную форму, легко понятную и реализуемую сотрудниками более низкого уровня. Если мотивы, вознаграждения и наказания, не указа-

ны четко, желаемое поведение вряд ли произойдет. Типичное разнообразие ценностей, этническая лояльность, религиозная принадлежность, возрастной уровень и гендерная ориентация, присутствующие в рабочей силе компании, настоятельно требуют обнародования всеобъемлющих принципов, которые могут объединить и продвинуть поведение к общим этическим целям. Заявления о миссии в широком смысле определяют основную цель компании, смысл ее существования, как организационного образования, стремления ее руководителей к тому, чего она может достичь для акционеров, сотрудников и общества в целом.

С миссией компании тесно связано то, что часто называют ее видением, которое представляет собой образ того, чем компания надеется стать по мере того, как ее сотрудники реализуют цели, заложенные в заявлении о миссии фирмы. Более осязаемыми являются основные ценности, которые определены в качестве общих ориентиров, преподаются в программах ориентации и обучения и символизируют виды желательного поведения, предпочитаемые компанией и представляющие ее. Еще более конкретным является Кодекс этики или Кодекс поведения, в котором указаны формы конкретных видов деятельности на рабочем месте, которые запрещены, описаны степени наказания за несоблюдение правил, определены каналы для сообщения о нарушениях кодекса, он может также устанавливать квазисудебные процедуры для рассмотрения дел внутри коллектива. Организационная ответственность за этическую деятельность компании в конечном счете юридически лежит на совете директоров. Крупнейшие корпорации, как правило, назначают комитет по этике и поведению, задачей которого является надзор и отчетность о качестве этической деятельности или особых проблемах, которые могут возникнуть в результате операций. Одновременно с усложнением рынков и технологий появился главный специалист по этике (часто носящий звание вице-президента с членством в со-

вете директоров), который занимается кризисами в области этики, реагирует на запросы по горячей линии по вопросам этики и сообщения о нарушениях, а также готовит отчеты совету директоров или комитету по этике. Другими инструментами политики, которые иногда используются, являются общекорпоративные проверки этики, семинары по этике для менеджеров и сотрудников, награды за выдающиеся этические показатели, а также проекты по обучению персонала, и работа с общественными группами.

Согласно исследованию «Из России с любовью. Национальный вклад в глобальный контекст КСО», проведенному британским агентством The Economist Intelligence Unit при поддержке PwC в России, уже в 2008 году 61% российских компаний придерживались политики корпоративной социальной ответственности и занимались достижением целей устойчивого развития на своей территории присутствия (79% для европейских стран). Несмотря на общее отставание в реализации стратегии КСО, есть показатели, по которым отечественные организации опережают зарубежные, например, 75% наших компаний уделяют особое внимание разработке регламентов охраны труда и безопасности производства, и только 70% иностранных компаний заинтересованы этим вопросом. Небольшое отставание России в первую очередь связано со слабым интересом граждан и СМИ к проблемам, возникающим в процессе деятельности компаний (загрязнение окружающей среды, нарушение прав человека, коррупция и т.д.).

Стимулом к развитию стратегии КСО стала экспансия российских компаний за рубеж и выход на IPO, поскольку выход на мировые рынки подразумевает необходимость соответствовать международным стандартам. При этом, только 8% руководителей российских компаний считают, что активная работа по улучшению состояния дел в области гендерного разнообразия и этнического равенства будет являться приоритетной для их компаний в ближайшие три года, почти каждый четвертый (24%) заявил,

что эти темы вовсе не являются приоритетными. Для сравнения: каждая пятая компания в мире заявляет, что эти темы будут в числе высокоприоритетных для нее в ближайшие три года, и только 6% компаний считают, что это неприоритетные темы. Во всем остальном мире участие в добровольческих проектах является важным компонентом социальной активности компаний. В компаниях различных отраслей о волонтерстве написано в кодексах КСО и устойчивого развития, но среди российских компаний участие в волонтерских проектах не так распространено.

Лишь каждая десятая компания в России вовлечена в волонтерскую деятельность, в то время как во всем мире это каждая третья компания. Согласно отчету, подготовленному Центром «Трансперенси Интернешнл – Россия» в рамках проекта «Прозрачность в корпоративной отчетности: оценка крупнейших компаний мира» за 2017 год 32 из 200 крупнейших по выручке российских компании получили оценку равную или выше 5 баллов из 10 возможных за соблюдение антикоррупционных программ и организационную прозрачность. Оценки выше 7 удостоились: «Магнит» – 7.9, «Сбербанк» – 7.9, «Казаньоргсинтез» – 7.8 и «Россети» – 7.5.

Средний показатель составил 2.6 из 10, что является достаточно низким уровнем прозрачности, это связано с наличием наиболее закрытых в отчетности сфер экономики, ими остаются – строительство инфраструктуры, производство продуктов питания и сельское хозяйство. Наиболее полные и качественные отчеты о своей деятельности предоставили компании, работающие в сфере телекоммуникаций и связи: «МТС» – индекс 6.3, «МегаФон» – 6.0, «ВымпелКом» – 5.7, «Ростелеком» – 5.6, Т2 РТК Холдинг (Tele2) – 1.8. Несмотря на низкий показатель Теле 2, индустрия телекоммуникаций на данный момент единственная в России, чей средний показатель выше пяти – 5.08 (выборка – 5 крупнейших компаний на каждую сферу экономики). Также именно этот сектор лидирует в части раскрытия антикоррупционных по-

литик – 68.4% из 27% в среднем на все организации и в части организационной прозрачности – 76.6% из 41% для всех российских организаций. Дополнительно хотелось бы отметить, что компании «МегаФон» – 16%, «МТС» – 12% и «ВымпелКом» – 9%, одни из немногих в Российской Федерации, кто раскрывает информацию о присутствии в других странах, о доходах и расходах в представительствах, а также об объемах общественного взноса в других странах. У 87 компаний из 115 эта информация не раскрыта вообще.

Исследование социальной ответственности бизнеса перед персоналом, в частности его карьерного и творческого развития, проведено среди крупнейших по выручке российских компаний из рейтинга РБК-2021 года, представляющих отчеты в Российский союз промышленников и предпринимателей; информация изучена на их официальных сайтах. Большинство компаний, попавших в выборку исследования, входят в перечень системообразующих предприятий российской экономики, а это значит, что их прибыль формирует более 70% совокупного национального дохода, а налоговые отчисления в бюджеты всех уровней являются существенным источником формирования доходной части российского бюджета. Экономическое, политическое и социальное влияние этих компаний огромно, а как они заботятся о персонале?

En+ Group (91 тыс. чел.) разработала инновационную программу для освоения новых практических навыков и безопасных методов выполнения работ на высоте в целях снижения риска получения производственных травм. В соответствии с требованиями национального законодательства сотрудники Группы регулярно проходят все обязательные тренинги, в том числе по охране труда, пожарной и промышленной безопасности (GRI 403–5) [88]. ПАО «РУСАЛ Братск» реализует совместные образовательные программы с En+ Group, в том числе на единой автоматизированной платформе под названием UNIVER, которая содержит информацию о вакан-

сиях, стажировках и различных тренингах soft skills.

ПАО «ГМК «Норильский никель»» обеспечивает 73 тысячам сотрудников полный цикл обучения бесплатно, для руководителей должностей предусмотрено несколько программ лидерства, которые направлены на развитие управленческих компетенций, а также проектной работы, ориентированной на совершенствование бизнес-процессов. Например, лидерская программа «Первая Арктическая» позволяет молодым техническим экспертам стать руководителем на производстве за 2,5 года. Предприятия Компании в г. Норильске и Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе дают возможность пройти практику для подростков в возрасте от 16 до 18 лет с целью получения первого трудового опыта и обеспечения занятости молодежи. Соответствующие договоры носят срочный характер и действуют в период летних каникул. Компания предоставляет практикантам форму, организует отдых и спортивные мероприятия [7].

Выстроенная в Компании «Россети» (216 тыс. чел.) многоступенчатая система оценки персонала позволяет повышать эффективность, надежность и безопасность работы всех категорий работников: компетенции руководителей подразделений инвестиционного блока; компетенции в рамках актуализации составов кадровых резервов; тестирование знаний главных инженеров филиалов. Модель общекорпоративных компетенций используется для сопоставления сотрудников из разных бизнес-сегментов и выстраивания вертикальных и горизонтальных карьерных траекторий. Ведется работа по созданию сети центров оценки электросетевых квалификаций для проведения профессиональных экзаменов для кандидатов при приеме на работу и для регулярного подтверждения квалификации существующих сотрудников [10]. В ПАО «Россети Сибирь» в 2020 году 97,2% сотрудников (всего 19 тыс.) приняли участие в обучающих мероприятиях с отрывом от работы на базе Сибирского корпоративного энергетического учебного центра. Для

формирования кадрового резерва действуют две программы: «Кадровый резерв HiPo» ориентирована на подготовку кандидатов на позиции руководителей высшего звена, «Школа технического руководителя» готовит кандидатов на позиции линейного менеджмента и ключевые должности. Важную роль в подготовке сотрудников играют наставники.

В 2020 году автоматизация HR-процессов на базе Mirapolis HCM стала приоритетным мероприятием деятельности кадровой политики «Интер РАО» (46,9 тыс. чел). Mirapolis HCM – это российская система управления человеческим капиталом, которая позволяет управлять развитием сотрудников с момента найма и на протяжении всей жизни в компании, а также связывать процессы развития и карьерного продвижения сотрудников с результатами их оценки. Особое внимание уделяется вопросам кросс-площадного развития персонала и стажировок для обмена знаниями и опытом. С этой целью в ряде дочерних обществ был реализован проект РОСТ (Развитие и оздоровление существующих технологий), призванный улучшить ключевые сквозные бизнес-процессы в компаниях [3]. X5 Retail Group также сделала упор на цифровую систему управления персоналом, способную быстро масштабироваться и меняться в зависимости от задач бизнеса и трендов рынка. X5 диджитализирует подбор, сокращая время найма, создает цифровые продукты по управлению целями и показателями эффективности, предлагает сотням тысяч сотрудников онлайн-кабинеты с широким спектром сервисов самообслуживания, от справок и формирования графиков работы до обучения и карьерного роста. Такие корпоративные приложения как «Перчатка» или «Главная дорога» связали воедино обучение, оценку компетенций и достижение целей, профессиональный и карьерный рост. В 2020 году торговая сеть «Перекресток» начала использовать технологии виртуальной реальности для обучения розничного персонала.

В компании ОАО «РЖД» (723 тыс. чел.) функционирует целостная система

развития и обучения персонала от линейного уровня до топ-менеджмента. В 2020 году впервые в России женщины получили возможность освоить профессию машиниста. Ранее работать по этой профессии могли только мужчины, но в июле 2019 года Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации были внесены изменения в перечень профессий, доступных для женщин. Всего на обучение данной профессии были приняты 50 девушек, 43 из них завершили обучение и с 2021 года трудоустроены в Компанию. На конец 2020 года в «Магните» (316 тыс. чел.) работает 888 сотрудников с ограниченными возможностями. Если сотруднику стало известно о нарушениях или он чувствует предвзятое отношение, он всегда может сообщить об этом с помощью нескольких механизмов получения обратной связи. В рамках создания инклюзивной среды в магазинах «Магнит» в Северо-Западном округе Корпоративная академия компании совместно с экспертами разработала онлайн-курсы, которые пройти на онлайн-портале и в мобильном приложении. Обучающие ролики были сняты вместе с организаторами проекта «Добрый заяц» (обучение сотрудников сферы услуг).

В конце 2020 года для сотрудников региональной сети Банка ВТБ (60 тыс. чел.) стартовала масштабная программа «Карьерные маршруты», направленная на создание целостной и эффективной системы продвижения сотрудников внутри организации, развитие и удержание высокоэффективных кадров и уменьшение срока их адаптации в новой роли. Банк состоит в партнерских отношениях с международными бизнес-школами INSEAD и IMD. Более 700 руководителей прошли обучение в ведущих бизнес-школах на различных программах, в том числе кастомизированных под запрос Банка. В течение 2020 года была продолжена работа по внедрению новой системы управления персоналом на основе SAP нового поколения (немецкая), завершена опытно-промышленная эксплуатация всех модулей.

В ПАО «Транснефть» трудятся 123 тыс. человек, для организации их учебного процесса основной упор сделан на взаимодействие с образовательными учреждениями, примечательно, что с целью качественной реализации основных образовательных программ со стороны Транснефти осуществляется финансирование ремонта аудиторий и лабораторий, закупок оборудования, мебели и программного обеспечения, издания учебно-методических материалов. Ежегодно ПАО «Транснефть» проводятся производственно-технические конкурсы: «Лучший по профессии» и «Лучшая добровольная пожарная дружина». Группа Транснефть осуществляет деятельность в отдаленных районах Севера, Сибири, Дальнего Востока, которые являются местами традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов. Компания регулярно выступает партнером этнокультурных мероприятий и старается повысить осведомленность сотрудников о КМН. Например, в 2020 году при поддержке благотворительной помощи ООО «Транснефть – Восток» (Иркутская область) состоялся национальный праздник «Хуктывун» (День оленевода), мероприятие проводилось с целью сохранения традиционного образа жизни и повышения престижа профессии оленевода. Организации Группы «Лукойл» (104 тыс. чел.) выработали общий подход во всех странах присутствия – содействие в обучении и трудоустройстве местных жителей. Так, в Республике Ирак иностранные компании обязаны принять на работу местных жителей не менее 50% от среднесписочной численности, в Республике Узбекистан – не менее 80%. В 2020 году в Болгарии, Италии, Румынии и Беларуси доля работников из числа местных жителей составила 99% и более, в Узбекистане – 93%, в Ираке – 60%. Для всего местного персонала проводится обязательное и постоянное обучение по технике безопасности и охране окружающей среды. Рабочие проходят обучение на рабочем месте (On the Job Training) для повышения квалификации и полу-

чения более высоких разрядов. Кроме того, для специалистов ежегодно организуются профессиональное обучение в учебных центрах Ирака, ОАЭ, Турции и Египта, стажировки в российских организациях Группы. В 2020 году более 70 человек успешно завершили программу стажировки на рабочем месте (Shadowing) и назначены на должности супервайзеров.

Система обучения и развития в «Газпром нефти» (82 тыс. чел.) охватывает всех сотрудников, лидером функции обучения выступает Корпоративный университет, который запустил комплексный образовательный проект для сотрудников о климатической и экологической перспективе и о том, как это влияет на бизнес, политику, общество. По результатам проекта формулируются новые подходы к ведению бизнеса с учетом заботы об окружающей среде и происходит изменение поведения участников за счет приобретения повседневных привычек, способствующих сохранению природы. Высшая корпоративная программа признания «Люди прогресса» направлена на поощрение сотрудников за успешные проекты и личный вклад в развитие Компании в соответствии с корпоративными ценностями: ответственность; инновационность; сотрудничество; эффективность; целеустремленность; безопасность.

В Госкорпорации «Росатом» (276 тыс. чел.) в целях кадровой преемственности и подготовки работников к назначению на управленческие должности формируется и развивается управленческий кадровый резерв по результатам планов карьеры. УКР разделен на четыре уровня с целью оптимального подбора программы развития: «Достояние Росатома» и «Достояние Росатома. Базовый уровень» (руководители высшего и старшего звена); «Капитал Росатома» (руководители среднего звена); «Таланты Росатома» (высокопотенциальные специалисты и руководители начального уровня управления). Компанией внедрен инновационный подход к оценке высокопотенциальных работников, он заключается в вовлечении руководи-

телей в оценку кадрового потенциала и повышение личной ответственности за формирование планов преемственности, сокращение сроков и стоимости оценочных мероприятий. Главными отраслевыми площадками для обучения специалистов и руководителей являются Корпоративная Академия Росатома и Техническая академия Росатома. В Корпорации сложилась традиция поддерживать инициативы «снизу», таким образом создается возможность для самореализации талантливых сотрудников. Команды поддержки изменений объединяют проактивных сотрудников, участие в КПИ не только дает возможность реализовать свою идею, но и служит оперативным неформальным каналом прямой связи с руководством отрасли. В свою очередь, это открывает новые карьерные возможности для сотрудников и становится эффективным инструментом развития будущих лидеров на местах.

ПАО «НК «Роснефть» (356 тыс. чел.) построена и успешно функционирует система обучения, обеспечивающая сохранение и передачу знаний внутри Компании. 63% общего объема обучения обеспечивается внутренними ресурсами: собственными учебными центрами, внутренними тренерами, экспертами и наставниками на производстве. В рамках комплексной подготовки персонала ПАО «НК «Роснефть» развивает партнерские отношения с зарубежными нефтегазовыми компаниями и образовательными организациями. Реализуются совместные стажировки, конференции и программы обучения. Программа кадрового резерва ПАО «НК «Роснефть» включает выявление перспективных работников, их целевую подготовку и продвижение на ключевые управленческие позиции. Для Компании программа кадрового резерва – гарантия эффективности бизнеса, для работников – возможность развития и карьерного роста. ООО «Иркутская нефтяная компания» запустила обучение сотрудников по методологии Lean Six Sigma (LSS). Система сочетает в себе метод бережливого производства (Lean manufacturing), основой

которого является сокращение потерь и ускорение процессов, и подход «Шесть сигм» (Six Sigma), предусматривающий улучшение качества и повышение удовлетворенности клиентов.

Подытоживая, хочется отметить, что в отечественных компаниях неплохо реализуются инициативы, связанные с профессиональным развитием сотрудников, разными видами возможностей продвижения по службе, мотивацией сотрудников, предусматривающей материальное стимулирование и социальные гарантии, остальные же кадровые практики реализуются лишь в ограниченной степени. Много добровольных инициатив в области КСО происходит со стороны системообразующих предприятий и наиболее добросовестных, и стратегических частных крупных компаний. Однако КСО в России практически не затрагивает малые и средние предприятия, которые до сих пор предпочитают ограничиваться благотворительной деятельностью местного масштаба, рассматривая ее как основную форму своего социального взаимодействия.

Выводы

Продуманная и отлаженная система управления персоналом обеспечивает бизнесу высокую эффективность работы сотрудников, конкурентоспособность и устойчивость положения на рынке. Взаимосвязь КСО и УЧР можно проследить через их влияние друг на друга: с одной стороны, управление персоналом призывает к тому, чтобы все больше использовать КСО, поддерживая при этом социальную ответственность во всех основных практиках управления персоналом, с другой стороны, считается, что успешная практика КСО по большей части зависит от управления персоналом. В глобализованном мире организации делают акцент на потребности в высококвалифицированной и компетентной рабочей силе, а инвестирование в обучение становится их стратегической целью. Система обучения и развития персонала организации является ключевым механизмом обеспечения знаний, навыков и умений, необходимых для достижения целей

организации и создания конкурентных преимуществ. Управление знаниями связано с накоплением и обменом знаниями, пониманием и опытом, накопленными организацией и касающимися ее процессов, методов и операций. Управление знаниями рассматривает знания как ключевой ресурс. Карьерный рост отражает развитие сотрудника за счет его продвижения по службе в рамках организации благодаря приобретенному новому опыту и постоянному обучению, что обеспечивает ему соответствие тому уровню ответственности, на достижение которого хватает его способностей. Способствование карьерному росту сотрудников включает в себя консультации по вопросам профессиональной деятельности, которые призваны помочь людям продвигаться по службе в интересах как их самих, так и всей организации в целом.

На практике российские компании активно применяют программы для освоения новых практических навыков и безопасных методов выполнения работ в целях снижения риска получения производственных травм; реализуют политику, предусматривающую создание при компании учебного центра, который обеспечивает сотрудникам полный цикл обучения; система оценки персонала реализуется с использованием информационных технологий, которые не менее популярны для формирования кадрового резерва компании. Наиболее продвинутые компании уже начали перенимать зарубежный опыт по созданию инклюзивной среды, содействию с местными жителями в регионах присутствия, вовлечению персонала в достижение стратегических целей и в волонтерскую деятельность.

Перспективным видится внедрение в практику процесса вовлечения сотрудников в инициативы в области устойчивого развития, поскольку устойчивое развитие мощным образом мотивирует: чем больше ежедневно вовлекать их в практику устойчивого развития, тем более позитивно и связано они будут относиться к организации. Цифровизация УЧР позволит автоматизировать административные задачи и распреде-

лить доступ к данным, в следствие чего процесс принятия решений децентрализуется, а менеджеры могут принимать более активное участие в процессе формулирования стратегических задач компании и политики в области управления персоналом и их поэтапной реализации. Корпоративное волонтерство – прекрасная возможность сплотить коллектив и познакомить людей из разных отделов, а опыт организации благотворительных мероприятий может пригодиться сотрудникам, работающим над проектами компании. Методы решения вопросов и проблем, связанных с кадровым многообразием и социальной интеграцией сотрудников, можно дополнить программами наставничества или коучинга, специально предназначенных для женщин; разработкой политики КСО, предусматривающей целевое финансирование профессиональной подготовки женщин во время отпуска по беременности и родам / уходу за ребенком; при трудоустройстве инвалидов или представителей коренных малочисленных народов компании важно повышать осведомленность сотрудников с помощью внутренних и внешних коммуникаций, а также организовать ряд официальных учебных курсов для всех сотрудников, которые бы повышали уровень знаний о культуре коренных народов, боролись с предвзятым и неуважительным отношением по отношению к людям с инвалидностью.

Литература

1. Борисова Ю.В. Развитие корпоративной социальной ответственности в сфере государственного управления Иркутской области // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения. материалы. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 42–46.
2. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н. Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях // Социология. 2019. № 3. С. 62–70.
3. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2019. № 1. С. 114–123.
4. Москвитина Н.В. Управление персоналом. Учебное пособие / Иркутск, ИГУ, 2021. 132 с.
5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2012. 131 с.
6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2014. С. 103–110.
7. Пружинин А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «РОСНЕФТЬ» и «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 4 (120). С. 58–65.
8. Пружинин А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2020. № 3. С. 162–169.
9. Пружинин А.Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
10. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
11. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
12. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151–154.
13. Фешкин А.В., Заварзина Ю.В. Роль корпоративной социальной ответственности в развитии социальной консолидации в регионе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы,

и перспективы. сборник научных трудов. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 126–131.

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT IN THE FOCUS OF SOCIAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS AND HUMAN RESOURCE DEVELOPMENT

Zavarzina Yu.V.
Irkutsk State University

The article analyzes secondary data revealing the issues of changing the context of social responsibility of companies in the aspect of human resource development. Conclusions are drawn from the standpoint of management sociology about the social dynamics of management as a theory and as a practical experience of modeling the human capital of companies.

Keywords: sociology of management, social responsibility, human resources, human capital, social modeling.

References

1. Borisova Yu.V. Development of corporate social responsibility in the field of public administration of the Irkutsk region // Human resources management in state and municipal government: technologies, innovations, achievements. materials. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 42–46.
2. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N. Reproduction of human capital in domestic companies // Sociology. 2019. No. 3. S. 62–70.
3. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N., Mamurov E.V. Strategies for the development of human capital of oil companies // Sociology. 2019. No. 1. S. 114–123.
4. Moskvitina N.V. Personnel Management. Textbook / Irkutsk, IGU, 2021. 132 p.
5. Polyushkevich O.A. Introduction to corporate social responsibility. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2012. 131 p.
6. Polyushkevich O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2014, pp. 103–110.
7. Pruzhinin A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies “ROSNEFT” and “GAZ-PROM NEFT”) // State Service. 2019. V. 21. No. 4 (120). pp. 58–65.
8. Pruzhinin A.N. Analysis of corporate norms for regulating the human capital of oil companies // Sociology. 2020. No. 3. S. 162–169.
9. Pruzhinin A.N. Influence of a corporate university on the development of human capital of companies // Sociology. 2021. No. 1. S. 128–140.
10. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // Sociology. 2020. No. 2. S. 306–313.
11. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2021. No. 3. S. 114–125.
12. Pruzhinin A.N. Human capital of oil companies // Sociology. 2018. No. 4. S. 151–154.
13. Feshkin A.V., Zavarzina Yu.V. The role of corporate social responsibility in the development of social consolidation in the region // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. collection of scientific papers. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 126–131.

Стратегии управления человеческими ресурсами и методы подготовки персонала

Москвитина Наталья Владимировна,

доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: nata.likm@mail.ru

В статье рассматривается управление персоналом через методологию социологии управления. На основе вторичных данных анализируется зарубежный и отечественный опыт управления и моделирования развития персонала в компаниях, раскрываются сильные и слабые стороны традиционных и современных стратегий управления.

Ключевые слова: социология управления, управление персоналом, социальное моделирование, человеческие ресурсы, социальный капитал, социальная ответственность.

Развитие персонала является важнейшим условием успешного функционирования любого предприятия. В то время как стоимость материальной части ресурсов организации снижается за счет амортизации, ценность человеческого капитала может и должна возрастать. Одним из направлений развития персонала является систематическое обучение персонала, которое позволяет наиболее полно раскрыть все их возможности и таланты. Профессиональное развитие представляет собой процесс подготовки сотрудника к выполнению новых производственных функций, занятию новых должностей. Компания создает специальные методы и системы управления профессиональным развитием, которые решают такие задачи как: разработка стратегии персонального обучения; постоянное совершенствование организационного процесса согласно научному развитию; управление знанием; развитие эмоциональной культуры, управленческих и стратегических способностей сотрудников компании. Карьера же представляет собой результат осознанной позиции и поведения людей в своей трудовой деятельности, что связано с их должностным и профессиональным ростом. Должностной рост связан с изменением должностного статуса сотрудника, профессиональный выражается в накоплении профессиональных знаний, умений и навыков. Возможность карьерного роста для большинства сотрудников является основным мотиватором, побуждающим их работать более ответственно и эффективно.

Управление знаниями связано с накоплением и обменом знаниями, пониманием и опытом, накопленными организацией и касающимися ее процессов, методов и операций. Управление знаниями рассматривает знания как ключевой ресурс. Организация обладает явными знаниями, которые можно классифици-

ровать – они записаны, доступны и хранятся в базах данных, корпоративной интрасети и портфеле интеллектуальной собственности, и неявными знаниями, которые существуют в головах сотрудников. Их сложно четко выразить в письменной форме, они приобретаются на личном опыте. Управление знаниями – это получение знаний от тех, у кого они есть, и передача их тем, кто в них нуждается, с целью повышения эффективности работы организации.

Вопросами развития корпоративной социальной ответственности занимались такие ученые как Ю.В. Борисова [1], О.А. Полюшкевич [5,6], Ю.В. Завариной и А.В. Фешкина [13], роль развития человеческого капитала в программах социальной ответственности бизнеса раскрыта в работах Г.В. Дружинина [2,3], А.Н. Пружинина [7–12], управление персоналом в крупных компаниях изложено Н.В. Москвитиной [4].

Существует несколько концепций обучения с разной ориентацией – благодаря специализированному обучению сотрудники постоянно повышают свои знания в соответствии с занимаемой должностью, многопрофильное же обучение позволяет сотрудникам увеличить внутрипроизводственную и внепроизводственную мобильность, концепция, ориентированная на личность, развивает различные человеческие качества, заложенные природой или приобретенные в практической деятельности. Развитие персонала по целевому назначению принято разделять на три вида обучения: а) подготовка кадров, заключающаяся в планомерном и организованном обучении и выпуске квалифицированных кадров, овладевших совокупностью необходимых для компании знаний, умений и навыков (ЗУН); б) повышение квалификации – имеет цель усовершенствования ЗУН в связи с постоянным ростом требований к занимаемым должностям, либо с целью карьерного роста; в) переподготовка – освоение новых ЗУН и способов общения в связи с овладением новой профессией или с изменением требований к содержанию и результатам труда. Кроме того, существует две

основные формы организации обучения в компании – внутри этой компании, как на рабочем месте, так и вне его, например, дистанционно, и внешняя подготовка, которая осуществляется в учебных заведениях или иных образовательных центрах [4]. Обучение персонала неразрывно связано со стратегическими целями организации и иными процессами: системой стимулирования труда, работой с резервом на руководящие должности, программами адаптации и т.д. (Рис. 1).

Рис. 1. Место обучения персонала в общей системе управления персоналом

Планирование обучения может включать в себя такие этапы как: постановка цели и обозначение задач обучения, отбор участников, выбор ресурсов и формы обучения, а также финансовый вопрос. При формулировании целей обучения описываются знания, умения и навыки, которые организация планирует привить сотрудникам, а также обозначаются ожидания и результаты проведения образовательной кампании. Немаловажно выяснить ожидания самих участников образовательного процесса, а также уточнить их конкретные потребности [2].

Анализ потребностей рекомендуется проводить в рамках трех уровней: 1) организационный – поддержание и развитие ключевых компетенций организации с упором на стратегический и организационный план; 2) групповой уровень – потребности сотрудников конкретных отделов в сопоставлении с общими целями этого отдела; 3. индивидуальный уровень – амбиции и индивидуальные цели сотрудников (итогом должен стать индивидуальный план обучения). Для определения содержания и методов обучения одновременно оценивают качественную потребность, заключающуюся в выборе

конкретных знаний и навыков, которые необходимо развить, и количественную, выражающуюся в конкретном числе работников, которых нужно обучить. Обозначив потребности в обучении, можно переходить к последующему этапу – составлению программы обучения, на котором происходит адаптация плана под конкретные задачи и потребности организации. На данном этапе определяют продолжительность, методы, формат и структуру обучения.

Обучение на рабочем месте отличается своей практической направленностью, непосредственной связью работника с производственными функциями, что видится оптимальным для выработки навыков, требуемых для выполнения текущих задач. Данное обучение малоэффективно для формирования принципиально новых поведенческих и профессиональных компетенций, поскольку не дает возможности выйти за рамки традиционного поведения внутри компании. К основным видам внутрифирменного обучения персонала относятся инструктаж, ротация, стажировка, наставничество и подготовка в проектных группах.

Во время прохождения инструктажа новые сотрудники получают общие сведения о специальности, знакомятся с простыми трудовыми операциями и безопасностью на рабочем месте; ротация подразумевает внутрифирменную систематическую смену рабочего места с целью сформировать у сотрудника представления о многогранности деятельности фирмы и различных задачах отделов; стажировка или ученичество знакомит работника с новыми для него видами задач, ответственность за исполнение которых он делит с руководителем стажировки; наставничество – обучение сотрудника необходимым для текущей работы навыкам и умениям, а также развитие скрытых знаний, превышающих стандартный уровень, под руководством наставника; проектные группы представляют собой сотрудничество, созданное для достижения крупных, ограниченных сроком задач.

Обучение вне организации приносит максимальный эффект, когда его

содержание тесно увязано с целями и стратегией организации-заказчика и его результаты востребованы. Если сотрудники посещают курсы или семинары, проводимые вне компании, это открывает перед ними новые возможности взглянуть на свою работу и организацию со стороны и в более широкой перспективе. Зачастую подобного рода обучение позволяет перенять удачные находки и новый ценный опыт для компании. Среди методов внешнего обучения выделяют: 1) лекции – пассивный со стороны сотрудников метод, предназначенный для получения большого объема теоретических и методических знаний. Он используется, когда необходимо передать большой объем информации. Последнее время во время проведения лекции принято использовать интерактивные формы и предлагать к решению бизнес-кейсы; 2) программированные курсы – по итогам включают в себя элементы диагностики уровня усвоения материала; 3) конференции и семинары – более активный метод, включающий в себя дискуссии, которые позволяют выработать логическое мышление и способы поведения в различных ситуациях.

Используются в первую очередь для совместного обсуждения проблемы и выработки общих решений, поиска новых идей; 4) деловые и ролевые игры – обучение разным схемам поведения в бизнес-ситуациях. Деловая игра предполагает наличие определенного сценария, правил работы и вводной информации, определяющей ход игры. В процессе ролевой игры участники играют предложенные им роли в деловой ситуации, после чего разбирают принятые ими самими управленческие решения; 5) моделирование проблем – теоретические знания соединяются с практическими навыками, что развивает декомпозиционное мышление и креативность; 6) тренинги – основаны на практической отработке знаний и навыков.

В ходе игровых ситуаций, выполнения специальных упражнений, обучающиеся развивают и закрепляют имеющиеся навыки, а также могут изменить отношение к ранее приобретенному опыту; 7) при ис-

пользовании basket-метода обучаемый принимает на себя роль руководителя и старается справиться с поставленной задачей в максимально короткий срок. Одним из самых перспективных направлений в подготовке специалистов является дуальное обучение, при котором теоретическая часть подготовки проходит на базе образовательной организации, а практическая – на рабочем месте.

Для оценки степени усвоения пройденного материала и качества профессиональной подготовки организацией всегда проводится оценка эффективности обучения. Она может быть осуществлена непосредственно в ходе или по завершению курса обучения; в условиях производства; также оценивается влияние обучения на параметры производства, либо на будущую прибыль (используется размер дополнительного чистого дохода после реализации учебных мероприятий).

Вопросы управления персоналом в рамках карьерного развития отличаются многообразием, сложностью и неоднозначностью. При определении сущности и содержания карьерного развития персонала оно характеризуется, прежде всего, как некий план управленческого пути, последовательность построения процесса образования, непрерывный процесс подготовки, реализации и мониторинга планов развития карьеры. Следует связать воедино карьеру и экономическое развитие предприятия – главное преимущество такой взаимосвязи заключается в том, что, во-первых, люди с высоким уровнем образования и квалификации чаще других готовы соответствовать требованиям времени и рабочего места, а потому они обладают более высокими адаптационными возможностями и более органично вписываются в рыночную систему. Во-вторых, полученные передовые знания и опыт немедленно реализуются на практике. Для этого необходима заинтересованность самих производственных структур в создании широкой сети как внутрипроизводственной, так и внепроизводственной систем образования и стимулирования карьерного развития персонала.

Чтобы выполнять работу на более высоком уровне ответственности или с большей результативностью, работнику нужно расширять свой диапазон компетентности, приобретать качества, требуемые для выполнения работы на каждом отдельном уровне в своей сфере деятельности. Для этого на основе требований к должностям создаются индивидуальные программы развития карьеры, определяющие опыт и подготовку, которые сотруднику необходимо достичь, чтобы сделать успешную карьеру. План позволяет работнику непрерывно совершенствоваться и четко представлять цель, к которой он стремится. Преимущество этого подхода заключается в том, что он доступен для всего персонала, который нужно мотивировать, поощрять и предоставлять ему необходимые возможности для применения своих навыков и способностей. В отечественной литературе выделяют несколько типов профессиональной карьеры: а) вертикальная позволяет сотруднику постепенно переходить на должность выше; б) горизонтальная развивает работников путем периодических переводов на новые должности равного статуса, но с иными функциональными задачами; в) горизонтально-вертикальная или смешанная карьера предполагает перевод с одного участка на другой с последовательным повышением должностного статуса; г) скрытая карьера представляет собой движение работника к ядру руководства через различные встречи, совещания, доступ к ограниченным источникам информации – находясь на рядовой должности сотрудник может получать отличное от коллег вознаграждение за работу.

Деловая карьера является результатом взаимодействия трех групп факторов: личности самого человека, профессиональной и внешней среды. Основной составляющей успешной карьеры является компетентность, под которой понимается уровень способностей человека, приобретенных знаний, умений и опыта, которые необходимы для выполнения определенного вида деятельности, а также его личностные качества.

От качеств личности зависит стиль поведения человека в процессе работы, то, как он принимает решения, взаимодействует с руководством и коллегами, распределяет время. Важной характеристикой личности является мотивация, она во многом определяет, как человек распоряжается своими способностями, энергией и творческим потенциалом. Профессиональная деятельность в первую очередь формируется организацией, в которой человек трудится, она создает определенные условия для реализации творческого и интеллектуального потенциала. В факторе внерабочей среды доминирует семья – сотрудник может отказаться от карьеры ради блага семьи и наоборот, ради карьерного роста человек откажется от создания семьи. Вне работы человек может реализовать свой творческий потенциал и заниматься самореализацией.

В систему управления карьерой входят разнообразные функции и принципы: выявление потребности в управленческих кадрах и их развитие, и продвижение, прогнозирование перемещений; создание благоприятных условий для самоуправления карьерой; регулирование протекания карьерной процессов, в том числе профилактика кризисных явлений; оценка эффективности управления карьерой. Первым этапом создания системы управления карьерой работников является официальное закрепление функций по управлению карьерой за отдельными работниками организации. Генеральный директор совместно с директором по персоналу определяют потребность в карьерном перемещении сотрудников организации, выдвигают кандидатуры в руководящий резерв. Начальник и менеджеры отдела по управлению персоналом организуют процесс обучения, подготавливают и переподготавливают персонал, осуществляют функции учета, контроля и оценки эффективности. Кроме того, они занимаются разработкой положения о карьере, которое определяет цели и задачи управления карьерой, процедуры ее организации, порядок подготовки и принятия решений о повышении. Сотруднику могут быть предложены

своеобразные модели карьеры: «трамплин» – длительный подъем по служебной лестнице с постепенным ростом потенциала, знаний, опыта и квалификации; «лестница» предусматривает определенные должности, которые сотрудник занимает определенное время, после чего его повышают (обычно сопровождается повышением квалификации); «змея» – горизонтальное перемещение работника с одной должности на другую на непродолжительное время; модель «перепутье» предполагает повышение или понижение на основе комплексной оценки (аттестации).

Механизм управления карьерой включает совокупность организационных, социально-психологических, экономических средств и методов воздействия на развитие и продвижение персонала. Обязательными к применению методами считаются фиксация условий, требований к развитию и продвижению сотрудников в инструкциях и уставе; создание корпоративной культуры, поощряющей стремление к карьере как самовыражению в рамках организации, а также материальное и денежное стимулирование. Процесс управления профессиональной карьерой проходит в определенной последовательности: во время найма выделяются потенциальные кандидаты в руководители, из которых формируется состав резерва на выдвижение; прошедшие аттестацию кандидаты проходят программу подготовки руководителей, далее, после успешного прохождения испытаний, их назначают на должность и т.д.

В качестве возможных инструментов обеспечения продвижения по карьерной лестнице выступают оценка и аттестация персонала. Количественная оценка используется для определения результативности труда сотрудников, качественная направлена на оценку личностных качеств работника, комплексная оценка включает в себя несколько методов и является наиболее точной. Например, метод 360 градусов включает в себя самооценку сотрудника, оценку этого сотрудника руководителем, подчиненными и коллегами, которые тесно с ним взаи-

модействуют. Аттестация проверяет сотрудника на соответствие занимаемой должности и эффективность применения на практике своих знаний и навыков. Аттестация помогает спланировать обучение для отдельных категорий сотрудников и выявить наиболее перспективных работников.

Организация помогает сотруднику в выборе средств, необходимых для продвижения по карьерной лестнице, для этого менеджеры по управлению персоналом используют различные инструменты. Посредством индивидуального консультирования можно разработать отдельные варианты карьеры, однако этот процесс очень дорогостоящий и занимает много времени – менеджеру необходимо смоделировать служебное движение на основе результатов тестов, интервьюирования, последовательной проработки разных направлений и путей развития. Более выгодным вариантом считается групповая сессия, она применяется в рамках кадрового развития отдельных отделов или подразделений. Для среднего и высшего звена работников применяют консультирование с менеджером и непосредственным руководителем. Для руководящего состава используют оценочные центры или центры развития, которые имеют возможность комплексно оценить все сильные и слабые стороны личности.

Подводя итог, можно говорить о том, что образование – это любой систематический процесс, используемый организацией для развития знаний и навыков своих сотрудников с целью повышения вклада в достижение организационных целей. В зависимости от преследуемой цели обучения выделяют подготовку кадров, повышение квалификации и переподготовку, которые могут осуществляться в двух формах: внутри компании или с привлечением образовательных организаций. Современная практика применяет традиционные методы обучения (лекции, семинары), активные (тренинги, деловые игры), и осуществляемые на рабочем месте (наставничество, стажировка). Карьерный рост отражает развитие сотрудника за счет

его продвижения по службе в рамках организации благодаря приобретенному новому опыту и постоянному обучению, что обеспечивает ему соответствие тому уровню ответственности, на достижение которого хватает его способностей. Способствование карьерному росту сотрудников включает в себя консультации по вопросам профессиональной деятельности, которые призваны помочь людям продвигаться по службе в интересах как их самих, так и всей организации в целом.

Организации в 21 веке должны управлять своими ресурсами, чтобы конкурировать в глобальной экономике, параметры которой постоянно пересматриваются в результате изменения международной политики, нестабильных мировых экономических условий, меняющихся политических влияний, этических проблем, проблем охраны окружающей среды и разнообразных требований клиентов. Организации зависят от сотрудников в том, что касается эффективного создания и поддержания качества продуктов и услуг, а также обеспечения максимального качества обслуживания клиентов.

По мере того, как сотрудники используют возможности роста и развития, их компетентность, уверенность и целеустремленность повышаются. Обучение навыкам работы в конкретной отрасли часто рассматривается как важнейшее обучение из-за ее прямого взаимодействия с бизнес-процессами и заказчиком. Без этих знаний и навыков сотрудники не смогли бы выполнять свою работу эффективно и результативно. Для повышения квалификации руководителей применяются такие методы как лидерство, ситуации для принятия управленческих решений, коммуникации и переговоры, командная работа. Личностное развитие включает курсы непрерывного образования и развития карьеры, программы, предлагаемые профессиональными ассоциациями, самообучение, помощь в консультировании по вопросам карьеры, внутренние процессы продвижения по службе и возможности продвижения по службе.

Зарубежный опыт применения программ развития сотрудников

Программы обучения и развития – это обучающие упражнения, в которых сотрудники участвуют, чтобы развить свои существующие навыки или освоить новые. Вероятно, то, какое обучение проходят сотрудники, зависит от пробелов в навыках в организации. Тем не менее, многие компании начали предлагать стипендии на обучение, которые дают сотрудникам право самостоятельно решать, в каком обучении они будут участвовать. Хотя эти программы обычно ориентированы на обучение сотрудников, в приведенных ниже примерах программ можно заметить, что это нечто большее, чем заявлено в названии. Благодаря наставничеству и обучению организации помогают сотрудникам стать более уверенными и готовыми к своим обязанностям: повышение квалификации и переподготовка сотрудников; обучение лидерству и менеджменту; цифровая трансформация и расширение навыков; преодоление разрыва в уверенности и готовности; поддержка производительности сотрудников; разнообразие, равенство и инклюзивность; программы стажировки и возвращения. И это окупается. Сотрудники, которые проходят эти программы, имеют более высокие показатели удержания и уровня вовлеченности.

Взаимодействие между бизнесом и обществом в Европе определяется разнообразием экономических, политических и культурных ландшафтов по всему континенту. Идея о том, что компании могут вносить свой вклад в благосостояние общества помимо своих юридических обязательств, имеет давнюю традицию во многих частях региона. В Европе, как и в других частях мира, движение КСО традиционно возглавлялись крупными компаниями, однако преобладающая часть европейских компаний является малыми и средними предприятиями (МСП), и около двух третей рабочих мест в частном секторе приходится на МСП. Многие небольшие компании по своей природе ориентированы на ценности своего основателя или владельца, а так-

же на потребности местных сообществ, однако сегодня все большее внимание уделяется внедрению более структурированной КСО.

Будучи относительно богатым, стабильным регионом с развитой экономической и социальной структурой, текущие проблемы, естественно, в некоторой степени отличаются от тех, с которыми сталкиваются менее развитые регионы мира. Многие социальные и экологические обязанности, которые могут подпадать под добровольное участие компаний в КСО в других странах, юридически определены в Европе. Важную роль в обучении сотрудников немецкой логистической компании Brunsbüttel Ports GmbH (группа портов Брунсбюттеля) играет включение сотрудников и стажеров в участие по реализации социальных проектов компании. Например, для привлечения внимания к проблеме инклюзии, компания проводит встречи своих сотрудников со специалистами из Stiftung Mensch (человеческий фонд – организация, занимающаяся профессиональной подготовкой инвалидов) на которой они делятся друг с другом знаниями и совместно учатся, например, для постояльцев фонда создана возможность познакомиться с различными видами погрузчиков в порту. Для сплочения людей и лучшего понимания друг друга каждая такая встреча завершается общим барбекю. Помимо этого, компанией поощряется участие работников в Федеральной службе волонтеров, в порту есть особая миссия – компания помогает морякам из разных стран, которые долгое время разлучены с семьей, сотрудники Brunsbüttel создают для них дружескую атмосферу, организуют досуг, обмениваются идеями и знаниями. Daimler Truck, DB Schenker, Lufthansa Group, Lufthansa, ONOMOTION и time: matters – немецкие компании, которые разработали программу Green Mobility Trainee для поиска талантливых людей, мыслящих комплексными решениями, чтобы осуществить устойчивую трансформацию. Например, в первом блоке «Корпоративное сафари» участники отправятся в путешествие по Германии

и узнают о различных проектах устойчивого развития, над которыми работают компании-партнеры. Предполагается, что участники помогут решить такие проблемы как снижение выбросов CO₂, более экологичное производство и прослеживаемость цепочки поставок. Программа стажировки рассчитана на 24 месяца, есть возможность посотрудничать с 4 различными компаниями в течение стажировки, годовая зарплата 48.000 €/год.

Великобританская глобальная компания JLL стала одной из первых компаний, внедривших инициативу обратного наставничества для поддержки открытого диалога, позволяющего сотрудникам делиться своим опытом со старшими руководителями. С 2020 года организация запустила новую технологию оценки кандидатов на основе искусственного интеллекта, которая отчасти направлена на устранение предвзятости в процессе найма. JLL Wellbeing – комплексный сайт, помогающий следить за физическим, психическим и финансовым здоровьем сотрудников, при помощи которого можно обучиться йоге, искусству, кулинарии и т.д.

Страховая компания Generali Country Italia реализует несколько карьерных программ для своих сотрудников: 1. Back to work. Курс «Возвращение к работе» был создан, чтобы помочь сотрудникам справиться с возвращением после декрета или болезни наилучшим образом, определяя вместе показания и полезные практики для нового личного баланса. 2. Возможность улучшить свои профессиональные навыки благодаря обширной программе повышения квалификации и переподготовки через специальную платформу с более чем 2400 онлайн-курсов. 3. Tam Tam Talks – освещение историй, которые могут вдохновить всех, в смешении разнородных идей и дисциплин: 4 ежегодные встречи, на которых участники слушают инновационные идеи своих коллег. Мероприятие дает возможность понять будущие контексты, подумать о срочности изменений, предложить несколько точек зрения на современную реальность, бросить

вызов существующему положению вещей и продемонстрировать передовой опыт как внутри компании, так и за ее пределами. 5. Go Generali – виртуальное пространство, где сотрудник может измерить и развить самые инновационные навыки, необходимые рынку, поучаствовать во встречах, узнать о возможностях трудоустройства + механизм самовыдвижения.

Соор – одна из крупнейших розничных и оптовых компаний Швейцарии в своей кадровой политике предусматривает отдельное направление развития для кадров из маргинальных слоев общества. В первую очередь для них предусмотрена корпоративная коммуникация, заключающаяся в обмене сообщениями, ориентированными на лидерство, чтобы привлечь и вдохновить коллег проявлять больше любопытства и искать способы стать лучшими союзниками компании. Тренинг «Власть и привилегии» исследует, как коллективная власть и привилегии могут быть использованы для поддержки наиболее маргинализированных слоев общества. Компания признает, что в мире много талантливых людей, но не все они могут найти возможности для развития. Программа стажировки Levy Share открывает эти возможности бедным слоям населения для получения доступа к навыкам на протяжении всей жизни. Кроме того, компания заботится о положении работников поставщиков, следя за ответственным и этичным отношением при помощи сайта Sedex, содержащего этические данные поставщиков.

C&A – голландская многонациональная сеть розничных магазинов одежды имеет успешную практику корпоративного волонтерства, одной из ее целей является внедрение благотворительной деятельности в повседневный функционал своих сотрудников. Организацией проводятся курсы, позволяющие работникам выступать в качестве послов устойчивого развития и способствовать прогрессу в достижении других важных целей. Согласно результатам опросов вовлеченности, сотрудники C&A со всего мира неизменно заявляли о гордо-

сти за вклад C&A в общество, общество и окружающую среду. Посредством кампаний «Вдохновляющие женщины» и «Вдохновляющий мир» от работников были получены пожертвования в размере более 1 миллиона евро для 53 благотворительных организации. С 2019 года организация поощряет сотрудников за совершение «небольших действий ради больших перемен». Heineken – нидерландская пивоваренная компания запустила программу обратного наставничества, в которой младшие сотрудники выступают в качестве наставников для старших руководителей и руководителей. Такая программа направлена на то, чтобы предоставить руководству новый взгляд на будущее работы и области для роста.

В США КСО развивалась в первой половине 20-го века под руководством нескольких дальновидных бизнес-лидеров, таких как Рокфеллер, Карнеги, Форд, Хьюлетт и Паккард. Рост социальной ответственности бизнеса обусловлен законодательным регулированием, начиная с конца 1960-х и начала 1970-х годов правительством США создало регулирующие органы, которые сформировали большую часть критериев КСО, определяющих бизнес-операции, взамен организации получили налоговые льготы. Позже сдвиг от соблюдения нормативных требований к использованию потенциала КСО для улучшения репутации, государственной политики и основных методов ведения бизнеса произошёл под давлением на бизнес со стороны новых заинтересованных сторон.

Сотрудники Timberland (американский мировой производитель и продавец верхней одежды и обуви) получают 40 часов оплачиваемого отпуска в год, чтобы добровольно участвовать в общественных работах, общая сумма часов волонтерской работы составляет около 80 000 часов, это эквивалентно 40 штатным сотрудникам. Кроме того, есть 23 глобальных распорядителя, которые обеспечивают информированность всех сотрудников компании. Существует также возможность брать шестимесячный оплачиваемый творче-

ский отпуск, чтобы сделать что-то, что принесет пользу обществу [1]. В рамках международной программы Path of Service Timberland в России организует два ежегодных проекта – День Земли и Serv-a-palooza. В компании Caterpillar (строительная и горнодобывающая промышленность) возможно построить желанную карьеру независимо от продолжительности сотрудничества будь то момент трудоустройства или перед выходом на пенсию. Различный карьерный путь в компании строится за счет перемещения по множеству структурных подразделений, сфер деятельности и филиалов. Программа профессиональной подготовки для специалистов, возвращающихся к работе (RPDP), направлена на поиск и поддержку квалифицированных специалистов, желающих вновь приступить к трудовой деятельности после перерыва в карьере. Кандидаты отбираются для прохождения четырехмесячной стажировки, в ходе которой проходят эксклюзивное обучение при участии наставника, одновременно выполняя свою работу. Employee support groups – группы поддержки сотрудников разной направленности: ABRG – поиск и развитие сотрудников на африканских рынках (также есть группы других стран); ADEPT – поддерживает сотрудников с ограничениями здоровья; WIN – сеть инициатив женщин; YP – расширение возможностей международной деятельности молодых специалистов и т.д.

Канада является признанным мировым лидером в области корпоративной социальной и экологической ответственности. На это лидерство влияют география страны, политическая история и международные отношения. Географически Канада обладает богатыми природными ресурсами, такими как леса, полезные ископаемые и нефть. Они были основой экономики Канады, начиная с торговли мехом в Европу в 16 веке. Канада реинвестировала свое богатство от природных ресурсов в образование и социальные услуги, что позволило значительной части канадского населения вести здоровый образ жизни. История Канады как страны с открытыми грани-

цами создала культуру, которая прославляет разнообразие и уделяет относительно большое внимание социальному процветанию. Руководство Royal Bank of Canada – Королевского банка Канады считает, что люди с ограниченными возможностями заслуживают большего: адаптация для них может включать в себя адаптивные технологии, различные методы обучения, модификации рабочего пространства и гибкий график работы. РБК совместно с Career Edge разработали программу, которая уже предоставила более 200 лицам с ограниченными возможностями ценный опыт работы в РБК. Инвалидам предоставляются оплачиваемые стажировки на 6–12-месячные контрактные позиции во многих различных подразделениях банка с возможностью дальнейшего трудоустройства. В 2020 году РБК в партнерстве с Университетом коренных народов Канады внедрило 4 Сезона примирения, преобразующую программу повышения осведомленности о культуре коренных народов. Эта онлайн-программа стала мощным ресурсом, помогающим сотрудникам понять реалии и историю коренных народов.

Традиционно благотворительность в регионе Латинской Америки мотивировалась необходимостью борьбы с крайней нищетой в условиях большого неравенства и огромного богатства. Постепенно благотворительные практики в регионе превратились из традиционных пожертвований на борьбу с бедностью в более организованную форму, которая расширяет свои задачи, включая развитие гражданского общества, сообщества и институциональное развитие, а также государственную политику и управление. Некоторые из этих практик осуществляются через фонды в соответствии с нормативными актами, под пристальным вниманием и при участии гражданского общества. Корпоративная филантропия перешла к стратегической филантропии, а в более «просвещенных» фирмах – к некоторым формам КСО. Тем не менее, эти усилия в области КСО по-прежнему ограничены относительно небольшим числом фирм, либо

потому, что они являются транснациональными корпорациями или дочерними компаниями транснациональных корпораций, либо являются крупными семейными компаниями с филантропическими наклонностями, либо же ими руководит новое поколение лидеров, уже осведомленных о более широких обязанностях бизнеса в обществе. Чилийская компания AquaChile отдает предпочтение местному трудоустройству, 86% работников живут в том же регионе, в котором они работают, компания стремится внести свой вклад в экономическое и социальное развитие коммун, в которых присутствует. Различные инициативы, такие как обучение на местах, аренда заводов и участие в диалоге с рабочими, являются отражением приверженности компании к региональному развитию посредством прямого трудоустройства и работы с поставщиками и другими местными субъектами. Для повышения профессионализма и компетенции местных сотрудников компанией создан альянс с образовательными учреждениями национального и местного уровня. Стратегией устойчивого развития бразильской компании AES Brasil предусмотрена программа, которая включает ежегодный цикл оценки проделанной работы и потенциала каждого сотрудника. Для руководящих должностей оценка включает в себя индивидуальные цели, которые должны быть достигнуты в соответствии с целями компании, эволюция которых отслеживается на полугодовых собраниях. Чтобы расширить возможности руководства, создана Академия лидеров, которая устанавливает маршруты знаний, по которым менеджеры могут проходить онлайн-обучение в течение всего года. Также есть программа управления потенциалом, которая определяет сотрудников, которые соответствуют ценностям и стратегии компании, и кто может претендовать на руководящие должности. Эти специалисты проходят обучение и, таким образом, включаются в план преемственности, который ежегодно корректируется.

Несмотря на различия в истории и культуре, азиатская социальная от-

ветственность бизнеса связана с основополагающими системами ценностей, такими как приоритет блага семьи и общества в целом над благом отдельного человека. Основными ценностями в Японии, Китае и, в некоторой степени, Корее являются вера и доверие. В Юго-Восточной Азии КСО сохраняет патерналистский подтекст, где КСО исходит из личной ответственности руководителей организаций (часто также владельцев), а не из ответственности организации. Две трети всех компаний, зарегистрированных на бирже, и значительное число частных компаний контролируются и управляются семьей, КСО в Азии является естественным продолжением семейной корпорации. Yamaha – японская музыкальная компания в карьерное развитие сотрудников включила музыкальные занятия на рабочем месте в рабочее время; Shimano в своей системе обучения предусматривает несколько поэтапных уровней: а) обучение новых сотрудников – знакомство с культурой компании и базовыми навыками, встречи с наставниками и передовиками производства; обучение основам производства; б) дополнительное обучение – с увеличением объема работы оцениваются навыки работника и выстраивается план саморазвития; в) языковая подготовка – в компании есть специальные репетиторы, которые проводят языковую подготовку, также доступно онлайн-обучение; г) SLD – развитие лидерства Shimano – представляет собой программу для молодых сотрудников, которые отправляются за границу на 3 месяца в сотрудничестве с дилерами велосипедов / рыболовных снастей по всему миру; д) поддержка саморазвития – заочные курсы и выездные семинары (расходы несет компания), кроме того, компания оплачивает обучение и экзамены, необходимые для получения официальной квалификации.

Китайская компания Tencent для развития и обучения сотрудников создала академию с комплексной учебной программой, которая соответствует развитию карьеры сотрудников. Академия представляет собой консультанта

по развитию для сотрудников и партнеров по развитию бизнес-команд и лидеров. Одной из основных программ является программа внутренних переводов – после первого года работы сотрудник может перевестись на любую вакансию внутри компании; Tencent Talk – встречи, где можно послушать, как влиятельные коллеги расскажут о своем опыте и поделятся мыслями о своей работе. Кроме того, корпоративная программа включает в себя школу материнства и уроки по оказанию первой помощи.

Hyundai Motor Group в Корее внедрила политику горизонтальной коммуникации и такие методы работы, как общее собрание, на котором высшее руководство встречается и общается с сотрудниками лично, горизонтальное принятие решений, упрощение систем рангов для менеджеров. Группа создает инновации, отменив систему ежегодного продвижения по службе, что позволяет талантливым специалистам получать больше возможностей для более быстрого роста. Аналогичного подхода придерживается LG, в ней создана самоуправляемая рабочая среда посредством продвижения по выбору, а также горизонтальная / творческая культура, построенная за счет упрощения системы должностей. Примечательно, что компания заботится и об образовании своих поставщиков: сотрудники LG выезжают к поставщикам, чтобы поддержать их усилия по повышению производительности труда за счет внедрения роботизированной автоматизации процессов и наладить взаимовыгодное сотрудничество.

Сегодня КСО в Индии вышла за рамки простой благотворительности и пожертвований, и к ней подходят более организованно. Компании имеют отделы, которые разрабатывают конкретные политику, стратегию и цели, выделяют бюджет для их поддержки. Сотрудники организации становятся основой этих инициатив и добровольно отдают свое время и свои навыки для их реализации. В пример хотелось бы взять холдинг ТАТА, основанный Джамсетджи Тата в 1868 году и представляющий собой глобальное предприятие, включающее

30 компаний. Видение компании, которое ставило общее благо общества на один уровень с ростом бизнеса, сохраняется уже более ста лет. Основа карьерного развития в индийской компании – культура равенства. Tata SCIP (Second Careers Inspiring Possibilities) – это, по сути, «программа управления карьерным переходом» для женщин, сделавшим перерыв в карьере, которая направлена на развитие альтернативных кадровых резервов как в традиционных, так и в нетрадиционных форматах. Особая методология адаптации предлагает несколько вариантов карьеры, предоставляя женщинам возможность выбора между работой на условиях неполного или полного рабочего дня. Женщины могут работать, когда они хотят, где хотят, над проектом, который они хотят, и в том темпе, который они хотят. Tata Career Opportunities Portal (COP) – функция групповой мобильности, которая демонстрирует разнообразные возможности внутри холдинга: являясь текущим сотрудником компании группы Tata, у персонала есть доступ к должностям в разных компаниях, сферах и регионах. Компания Birla Corporation Limited в своей программе по развитию персонала предусматривает расширение прав и возможностей в карьере не только своих сотрудников, но и населения в целом, как правило, это бедные слои населения. Участники программы профессиональной подготовки получают образование и небольшое финансирование для открытия своего дела, например, участница программы смогла открыть свой салон красоты.

В глобальный конгломерат Aditya Birla Group входит более 140 000 сотрудников 42 национальностей из 100 стран, для которых предусмотрена комплексная программа повышения карьеры, охватывающая различные функции, отрасли бизнеса и географические регионы. Компанией разработаны технологические платформы Xplore, позволяющая самостоятельно планировать карьеру, и Hamine, оценивающая поведенческую пригодность; в отделе кадров входят менеджеры, занимающиеся системой управления талантами, оценкой потен-

циала. С 1996 года компания имеет отдельную программу стажировок для студентов «building versatile next generation leaders», которая готовит универсальных лидеров нового поколения по трем направлениям: инженерное дело, деятельность, финансы, человеческие ресурсы. Индийские программы карьерного развития в первую очередь предусматривают расширение прав и возможностей, борьбу с неравенством, а также расширение компетенций сотрудников и географии предлагаемых вакансий.

Австралийский бизнес четко отдает приоритет благотворительности и общественным инвестициям, подлинно австралийский подход к КСО уравнивает стратегические подходы с социальными потребностями. Бизнес-лидеры считают, что основной задачей КСО является формирование делового поведения, соответствующего стандартам сообщества, а также стратегическим потребностям фирмы. Кадровая стратегия почты Австралии в сфере охраны труда содержит отдельное интересное направление обучения сотрудников, которое посвящено мерам безопасности при обращении с животными. В частности, кампания «Неделя безопасности собак» направлена и на местных жителей, сотрудники распространяют открытки по почтовым ящикам по всей стране, чтобы обратить внимание на риски, которые собаки представляют для почтальонов, и шаги, которые они могут предпринять, чтобы уберечь их от опасности.

В подавляющем большинстве КСО стран Африки находится в зачаточном состоянии и в лучшем случае направлена на решение острых текущих проблем внутри страны, однако, на взаимоотношения сотрудников значительно влияет общинная культура, ориентированная на уважительную культуру сообщества, что означает, что каждый человек может полноценно функционировать только через других людей. Как правило, законодательство и правоприменение находятся на низком уровне, контроль со стороны гражданского общества в значительной степени отсутствует, а активность потребителей в отношении ответственно

производимых продуктов относительно слаба. Даже когда международные финансовые учреждения, такие как Всемирный Банк требует, чтобы крупные проекты развития в Африке соответствовали стандартам и кодексам, это оказывает очень ограниченное влияние на поставщиков и многонациональные компании, работающие в регионе. Компания Callebaut делает основной акцент на борьбе с рабством, детским трудом и бедностью. Программой «Forever Chocolate» запланировано вырвать из нищеты более 500 000 какао-фермеров нашей цепочке поставок, искоренить детский труд, сократить выбросы углерода и прийти к использованию 100% экологически чистых ингредиентов во всех продуктах. Barry Callebaut (Швейцария, основной производитель) поддерживает сотрудников на каждом этапе их карьеры с помощью услуг, программ и льгот. Как компания, работающая в развивающихся странах, Barry Callebaut понимает важность оказания помощи своим сотрудникам на местном уровне, исходя из их конкретных потребностей. В странах, выращивающих какао, Компания стремится предлагать программы, которые представляют широкий спектр услуг, включая медицинское обслуживание, жилье и образование.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что выбор стратегии управления человеческими ресурсами и конкретных методов карьерного развития сотрудников зависит не только от целей компании и видения руководства, но и от местоположения и культуры страны, ее общего экономического развития и политики государства, в значительной степени от уровня развития гражданского общества и законодательства. На различия в подходе к УЧР также накладываются экологические проблемы, финансовая стабильность рынка страны, уровень образования и здравоохранения, неравенство среди населения, климат – страны, где с этим есть определенные проблемы, заботятся о персонале менее охотно, стараясь обеспечить только материальное вознаграждение и безопасность туда.

Мероприятия по совершенствованию управления карьерным развитием персонала

Большая часть российских компаний придерживается модели жесткого управления персоналом, которая фокусируется на стратегическом контроле и определяет вклад управления персоналом с точки зрения экономических показателей фирмы. Более широкие социальные проблемы заинтересованных сторон не учитываются. Эта одномерная цель подчеркивает необходимость применения «лучших практик» в отборе, оценке, вознаграждении и развитии персонала для повышения акционерной стоимости, которая рассматривается как единственная цель организации. Многие же зарубежные компании перешли к кадровой стратегии, основанной на концепциях приверженности, гибкости, качества, направленной на повышение производительности с помощью политики управления отношениями с высокой вовлеченностью, в которых поведение часто саморегулируется и основано на культуре доверия и сотрудничества. Компании, ориентированные на КСО, вовлекают своих сотрудников в деятельность по корпоративной ответственности и волонтерству. Но надо понимать, что сотрудники не будут продвигать ценности и методы работы компании, если они не воспринимают эти методы как часть того, как компания относится к ним и ценит их.

Сильная социально ответственная культура начинается с открытого диалога, именно поэтому нужно инвестировать в опросы общественного мнения сотрудников, в каналы, способствующие их общению, и во внутренние коммуникационные процессы в компании. Менеджерам важно выяснять, согласуются ли ценности компании с практикой компании, как сотрудники вовлечены в мероприятия, основанные на ценностях и КСО, на чем сосредоточены стремления сотрудников и чего сотрудники ожидают от бизнеса, считают ли сотрудники, что компания ведет себя этично. Таким образом, в любом опросе должен быть раздел о ценностях и о том, как сотруд-

ник видит эти ценности в повседневной работе. Необходимо своевременно и часто сообщать сотрудникам об усилиях компании по обеспечению устойчивого развития, сотрудники должны первыми узнавать о инициативах в области устойчивого развития. При этом, нет смысла полагаться на публичный отчет о КСО или веб-сайт для информирования сотрудников. Менеджерам по УЧР или КСО необходимо вовлекать как можно больше сотрудников в инициативы в области устойчивого развития, поскольку устойчивое развитие мощным образом мотивирует сотрудников – чем больше ежедневно вовлекать их в практику устойчивого развития, тем более позитивно и связано они будут относиться к организации. Чтобы стимулировать подотчетность, можно рассмотреть возможность включения вопросов устойчивого развития в должностные инструкции и систему управления производительностью. Общение помогает сотрудникам понять: что такое устойчивость и почему она важна; цели, стратегии и планы организации в области устойчивого развития; как это повлияет на них; какое они могут принять участие. Менеджеры могут рассказывать вдохновляющие истории о том, как сотрудники объединяются, чтобы перерабатывать, сокращать потребление энергии и участвовать в жизни своих сообществ, показывать примеры подразделений и отдельных лиц, которые добились больших успехов в достижении целей устойчивого развития. В дополнение к использованию традиционных каналов коммуникации, необходимо использовать социальные сети, чтобы стимулировать онлайн-разговоры об устойчивом развитии. Привлечение сотрудников с самого начала, включив их в процесс планирования устойчивого развития, позволит им испытать большее чувство сопричастности, и они предложат ценные, инновационные решения.

Электронное УЧР (e-HRM) – одно из новых направлений, зародившихся благодаря развитию информационных технологий, появлению сложного программного обеспечения для планирования ресурсов предприятия в сочетании

с интернет-технологиями, которые стандартизируют и автоматизируют административные компоненты деятельности и задач HRM. Использование информационных технологий приводит к положительным изменениям в организации – благодаря большей автоматизации административных задач и распределенному доступу к данным процесс принятия решений децентрализуется, поэтому менеджеры могут принимать более активное участие в процессе формулирования стратегических задач компании и политики в области управления персоналом и их поэтапной реализации. E-HRM повышает производительность труда персонала за счет автоматизации и замены малоценных административных задач более ценными квалифицированными задачами. Например, использование e-HRM предоставляет возможность оцифровывать и автоматизировать транзакционные или административные задачи отдела кадров, позволяя выделять больше времени на выполнение задач с более высокой добавленной стоимостью. При изучении практики внедрения электронного управления персоналом, следует различать информационные системы управления персоналом (HRIS) – отвечают за данные и информацию о компании и ее сотрудниках; и электронное управление персоналом (e-HRM) – ориентируется на управление человеческими ресурсами с использованием информационных технологий. Интранет можно обозначить как отдельное направление e-HRM, создаваемое внутри организации для обмена информацией. В качестве поддержки и развития данной индустрии существует экспертная интранет-премия России – Russian Intranet Awards, в состав жюри которой входят представители зарубежных стран. Например, корпоративная социальная сеть логистического оператора «ПЭК» рассчитана на 10 тысяч сотрудников, ее запустили на базе решения Mail.ru Group.

Базовые данные о сотрудниках передаются в социальную сеть из внутренней кадровой системы, с которой реализована интеграция, а более подробная информация о фактах биогра-

фии заполняется сотрудниками по желанию. Кроме официальных новостей компании сотрудники видят различные блоги, в которых подробно описан опыт коллег, а во вкладке «идеи» любой сотрудник может предложить полезную идею для компании. ООО «Иркутская нефтяная компания» еще в 2014 году начала переход на автоматизацию делопроизводства посредством платформы Docsvision – в системе созданы шаблоны документов, настроены маршруты их прохождения, полностью отлажена договорная работа, автоматизированы процессы согласования анкет при трудоустройстве, проведении тендеров – все это значительно экономит время и упрощает работу сотрудников. Мобильное приложение Сбербанка «КУРС» поддерживает функцию электронной цифровой подписи всех кадровых документов, кроме того, сотрудники имеют возможность пользоваться всеми HR-сервисами в формате 24/7. Данный инструмент позволил выстроить процесс удаленной работы – при помощи приложения ведется мониторинг отсутствий и присутствий, здоровья сотрудников, информирование руководителей, а также контроль реализации задач на период дистанционной работы. HR-сервис «Пульс» самостоятельно предлагает решения с учетом поведения сотрудника на данной платформе и окружающего контекста, кроме того, в режиме онлайн можно нанимать, тестировать, обучать сотрудников и управлять их эффективностью. Многие российские компании на протяжении нескольких лет занимаются формированием единой централизованной HR-функции. Так, например, государственной корпорацией «Ростех» внедряется Автоматизированная система управления персоналом (АСУП) Корпорации. Банк Хоум кредит креативно подошел к использованию ресурсов сети Интернет – для повышения эффективности работников и дополнительной мотивации был воплощен в жизнь проект «Game of Homes: геймификация в Банке Хоум Кредит»: в формате MMORPG (массовая многопользовательская ролевая онлайн-игра) сотрудники «боролись»

с противником «зимой», которого по задумке можно было одолеть, выполняя показатели продаж и эффективно обучаясь, взаимодействуя друг с другом.

В России не хватает квалифицированных специалистов по КСО, которые могли бы грамотно разрабатывать социальные проекты, зачастую вопросами социальной ответственности занимаются исполнительные руководители, мало связанные с КСО, однако имеющие опыт в решении социальных проблем. Данный дефицит возможно частично восполнить обучением и привлечением в программы социальной ответственности штатных сотрудников, удобнее всего реализовать этот механизм в рамках корпоративного волонтерства. Корпоративное волонтерство (CV) – это обязательство коммерческой организации поощрять сотрудников к добровольчеству в некоммерческом секторе. В зарубежных исследованиях отмечается, что преимущества для сотрудников включают повышение производительности, целеустремленности, удовлетворенности работой, сокращение прогулов и текучести кадров, сплочение команды и другие навыки, связанные с работой, для компании волонтерство положительно влияет на отношение и поведение сотрудников к фирме, особенно в отношении самооценки результатов работы и приверженности организации. Волонтерство эффективно для мотивации не только внутренних заинтересованных сторон, но и оказывает позитивное влияние на репутацию фирмы в глазах внешних заинтересованных сторон (Рис. 2).

Американская компания Intel культивирует культуру, которая призывает сотрудников к участию в жизни различных сообществ; за последнее десятилетие сотрудниками компании было потрачено 10 миллионов часов на волонтерство. Чтобы стимулировать пожертвования и усилить влияние благотворительности сотрудников, Фонд Intel инвестирует в программы и инновационные партнерства. В свою очередь, инвестиции компании и ее поддержка местных сообществ помогают укрепить доверие с внешними заинтересованными сторонами и реали-

зывать основную корпоративную цель – улучшить жизнь с помощью технологий. Являясь лидером в области инноваций, Intel имеет все возможности поделиться своим технологическим опытом и решениями с сообществами, клиентами, правительствами, неправительственными организациями (НПО) и преподавателями, чтобы помочь им достичь своих собственных целей и добиться более

широких изменений. Компания стремится предоставить всем сотрудникам возможность принимать меры для продвижения стратегии и целей Intel в области развития. В 2020 году компания отметила 25 лет осуществления глобальной корпоративной волонтерской программы для сотрудников «Intel Involved and Skills-Based Volunteering».

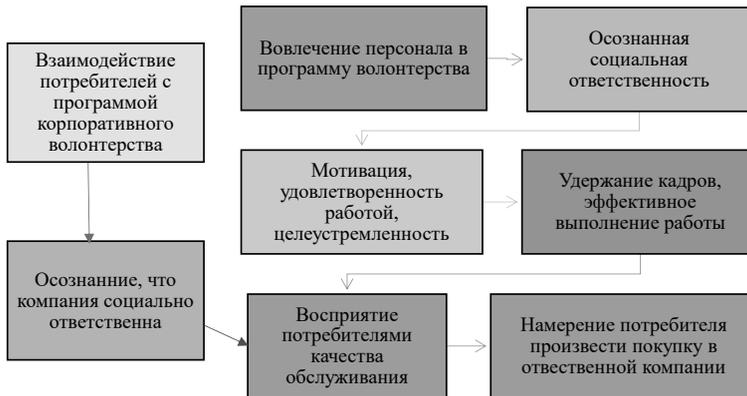

Рис. 2. Концептуальная основа взаимосвязи между волонтерством, восприятием КСО и внутренними и внешними участниками процесса

С момента запуска программы в 1995 году сотрудники щедро пожертвовали своими навыками, технологическим опытом и более чем 18 миллионами часов работы для решения экологических проблем, улучшения образования и удовлетворения потребностей сообщества по всему миру. Волонтеры Intel Israel работали над преодолением одиночества, вызванного пандемической изоляцией, быстро разработав продукт, который позволяет пожилым людям, не разбирающимся в технологиях, общаться со своими семьями практически простым нажатием кнопки. Фонд Intel выделяет начальные гранты в размере до 10 000 долларов США для поддержки проектов общественных работ, инициированных сотрудниками. Проекты отбираются на основе их оригинальности, потенциального воздействия и ожидаемых результатов. Для поощрения волонтерства в компании придумали конкурс суперволонтера – финалисты получают гранты в размере 2500 долларов США

от Фонда Intel для благотворительной организации или школы по своему выбору. Победитель в общем зачете получает дополнительный грант в размере 7500 долларов США для своей организации и получает признание на ежегодном мероприятии Intel Legends and Luminaries, посвященном достижениям лучших сотрудников. Организация ресурсов (HR) несет основную ответственность за мероприятия по развитию талантов, а также за систему и процессы управления персоналом. Кадровая стратегия включает в себя четыре ключевых направления: расширение возможностей талантов, чтобы они стали важным рычагом роста Intel; развитие культуры и лидеров, вдохновляющих на развитие; усиление влияния технологов; цель стать самой разнообразной, инклюзивной и ответственной компанией на планете. Менеджеры работают над тем, чтобы привлечь сотрудников настрой на рост, повысить подотчетность в отношении общих целей компании, внедрить новые

операционные протоколы и возродить чувство цели и ценности для создания среды для инноваций и роста. Успех Intel зависит от понимания сотрудниками того, как их работа вносит свой вклад в общую стратегию компании. Компания использует различные каналы для содействия открытому и прямому общению, включая онлайн-форумы, открытые форумы с руководителями, опросы опыта сотрудников и взаимодействие через более чем 35 различных групп ресурсов сотрудников. Каждые полгода сотрудникам предлагается предоставить отзывы о культуре Intel, управлении, возможностях карьерного роста, вознаграждениях и льготах. Сотрудники также предоставляют прямую обратную связь о своих руководителях и лидерах посредством ежегодной обратной связи по развитию менеджеров, а отдельные бизнес-группы проводят свои собственные опросы, чтобы собрать информацию сотрудников и оценить прогресс. Например, отдел корпоративного обслуживания измеряет удовлетворенность дизайном рабочего места, кафетериями и другими услугами для сотрудников.

В 2018 году на уровне Госкорпорации «Росатом» было принято официальное решение о запуске программы корпоративного волонтерства и формировании единой системы планирования и реализации добровольческих инициатив. Система управления волонтерской деятельностью предполагает развитие проектов одновременно по функциональной вертикали (в каждом дивизионе и в ключевых организациях отрасли за координацию волонтерских инициатив отвечает уполномоченный куратор, при этом общая стратегия формируется Госкорпорацией «Росатом»), и в рамках горизонтального взаимодействия лидеров движения на местах и обмена опытом между дивизионами. В Корпорации функционируют отдельные каналы коммуникаций по тематике волонтерства – тематические корпоративные рассылки, аккаунты в социальных сетях, к которым суммарно подключено более 14 тысяч пользователей. Работники свободны в выборе направлений добровольчества, в том числе

и вне приоритетных направлений Госкорпорации «Росатом». Со стороны Корпорации оказывается поддержка всем интересным и значимым для благополучателей инициативам. Уровень вовлеченности участников волонтерского движения составил 86%. Для повышения качества проектов в области корпоративного волонтерства Госкорпорация «Росатом» организует регулярное обучение работников, отвечающих за развитие данного направления, а также проводит тематические воркшопы для волонтеров и лидеров добровольческого движения, коммуникационные кампании, направленные на повышение интереса работников к отдельным направлениям корпоративного добровольчества и экологической культуре. Для стимулирования развития добровольческого движения и выработки новых инициатив было принято решение о проведении ежегодного конкурса в области корпоративной социальной ответственности и волонтерства им. А.П. Александрова.

Решение вопросов и проблем, связанных с кадровым многообразием и социальной интеграцией сотрудников в организацию, базируется на предпосылке, согласно которой каждого человека следует ценить как личность и относиться к нему справедливо, независимо от его расы, пола, группы инвалидности, религии, сексуальной ориентации или возраста. Под многообразием кадров понимается объединение в рамках одного коллектива людей различного этнического происхождения, различной религиозной принадлежности, разного пола и возраста и превращение их в сплоченные и продуктивные организационные подразделения, что требует формулировки и реализации политики и процессов, которые максимизируют потенциальные преимущества такого многообразия и сведут к минимуму его потенциальные недостатки. Политика социальной интеграции – это формирование и сохранение культуры, в которой к людям с любым происхождением, а не только к представителям традиционно привилегированных групп, относятся справедливо и ценят их такими, какие они

есть. Культура равенства возможностей характеризуется коллективной приверженностью интеграции различных личностей как источнику идей и навыков. Это процесс, направленный на то, что люди будут ощущать свою принадлежность к организации и единение с ней.

Несмотря на то что в России гендерная проблема не стоит так остро, как в других странах, отечественным компаниям все же стоит разрабатывать отдельные программы карьерного развития женщин, поскольку в настоящее время мужчины чаще занимают высшие руководящие посты, и меньше женщин, чем мужчин, продвигаются дальше среднего звена управления, кроме того, женщины испытывают определенные сложности в работе после отпуска по уходу за ребенком. Соответственно, можно было бы реализовать следующие инициативы, связанные с политикой продвижения по службе и развития карьеры: разработка специальных управленческих курсов для женщин, либо выделение квот для участия; при существовании дисбаланса между женщинами и мужчинами, уделять приоритетное внимание продвижению женщин на должности тех категорий, в которых они не представлены; использовать программы наставничества или коучинга, специально предназначенные для женщин; разработка политики КСО, предусматривающей целевое финансирование профессиональной подготовки женщин, например, во время отпуска по беременности и родам / уходу за ребенком; также следует принимать позитивные меры для сокращения разрыва в заработной плате всякий раз, когда наблюдаются различия в оплате труда между мужчинами и женщинами; предложение контрактов на неполный рабочий день или гибкого графика работы, которые помогли бы сбалансировать свою личную и трудовую жизнь и т.д. [47].

Более значимыми видятся проблемы инклюзии и коренных малочисленных народов. Принимая инвалидов или представителей этнических общностей, компаниям необходимо создавать среду, в которой каждый испытал бы чув-

ство принадлежности, безопасности и вовлеченности. Во время адаптации новых сотрудников из вышеуказанных групп многие разговоры могут оказаться неудобными, люди могут бояться сказать что-то не то или обидеть коллег. Чтобы избежать этого, можно заранее обсуждать сложные вопросы, создавать инклюзивную культуру для всех сотрудников и повышать их осведомленность. В дополнение к повышению осведомленности сотрудников с помощью внутренних и внешних коммуникаций, организациям можно предложить организовать ряд официальных учебных курсов и инструментов для всех сотрудников, которые бы повышали уровень знаний о культуре коренных народов, боролись с предвзятым и неуважительным отношением по отношению к людям с инвалидностью. В настоящее время прием на работу инвалидов ведется в основном по законодательно установленным квотам, а не по инициативе работодателя, однако, ситуацию могут поправить инклюзивные социальные предпринимательские проекты. Например, Everland – спецпроект компании Билайн, который поддержал Фонд президентских грантов, предлагает недорогие курсы для людей с ограничениями зрения, слуха, речи или моторики рук, после успешного прохождения которых инвалидам помогают трудоустроиться у партнеров, кроме того, компании-партнеры предлагают наставников для лучшего усвоения материала, а еще, сотрудники проекта освещают проблему инклюзии в СМИ.

Некоторый отечественный опыт имеется и в трудоустройстве представитель коренных малочисленных народов, однако, это в основном организация малооплачиваемого ручного труда на территориях их основного пребывания. К примеру, Natura Siberica – бренд органической косметики с 2012 года активно сотрудничает с Ассоциацией коренных и Малочисленных народов Севера и Дальнего Востока; а первая в России органическая ферма редких растений Сибири построена совместно с представителями коренных народов Сибири, которые, как никто другой, знают особен-

ности своей уникальной земли, а также помогают вручную собирать все дикорастущие травы для производства косметических средств Natura Siberica.

Отдельно хотелось бы порекомендовать компаниям продолжать уделять внимание карьерному развитию сотрудников во время пандемии, поскольку многими экспертами было отмечено, что, столкнувшись с коронавирусом, многие работодатели проигнорировали этот аспект работы, сотрудники же, выйдя на дистант, зачастую были в панике и не понимали, что делать. В первую очередь руководству необходимо продумать план карьерного роста на ближайшие пару лет с учетом дистанционного формата работы, после чего важно выявить пробелы, существующие в компании, а также оценить своих сотрудников. Например, некоторые работники могут оказаться единственными людьми, которые знают, как выполнять определенные функции и задачи. Далее, руководству нужно обучить наиболее компетентных коллег, которые в перспективе смогли бы успешно реализовать механизм наставничества. Поскольку людей трудно удерживать на собрании Zoom более часа, важно время от времени сохранять некую беззаботность и вносить разнообразие в процесс обучения, позволяя коллегам самостоятельно выбирать необходимые тренинги.

Таким образом, существующий инструментарий управления человеческим капиталом можно дополнить некоторыми современными подходами: 1) формирование и реализация единой отраслевой стратегии в области корпоративного волонтерства; 2) реализация стратегий, политик и практических методик УЧР в организациях с помощью сознательной и непосредственной поддержки и/или с помощью полного использования каналов, основанных на интернет-технологиях (e-УЧР и HRIS); 3) вовлечение сотрудников в инициативы в области устойчивого развития, в формирование стратегии компании; 4) внедрение в политику социальной интеграции таких практик как – повышение осведомленности сотрудников и совместная адап-

тация; разработка специальных учебных курсов и программ карьерного развития для женщин.

Исследование социальной ответственности бизнеса перед персоналом в разных странах, в частности его карьерного и творческого развития, показывает, что в каждой стране существуют разные виды обучения персонала и разные возможности продвижения по службе, однако, благодаря процессу глобализации крупные, особенно транснациональные, компании обмениваются опытом и внедряют в свои практики наиболее успешные программы и интересные идеи.

Литература

1. Борисова Ю.В. Развитие корпоративной социальной ответственности в сфере государственного управления Иркутской области // Управление человеческими ресурсами в органах государственного и муниципального управления: технологии, инновации, достижения. материалы. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2018. С. 42–46.
2. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н. Производство человеческого капитала в отечественных компаниях // Социология. 2019. № 3. С. 62–70.
3. Дружинин Г.В., Пружинин А.Н., Мамурков Е.В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2019. № 1. С. 114–123.
4. Москвитина Н.В. Управление персоналом. Учебное пособие / Иркутск, ИГУ, 2021. 132 с.
5. Полюшкевич О.А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Учебное пособие. Иркутск, ИГУ, 2012. 131 с.
6. Полюшкевич О.А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2014. С. 103–110.
7. Пружинин А.Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний

- (на примере компаний «РОСНЕФТЬ» и «ГАЗПРОМ НЕФТЬ») // Государственная служба. 2019. Т. 21. № 4 (120). С. 58–65.
8. Пружинин А.Н. Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2020. № 3. С. 162–169.
 9. Пружинин А.Н. Влияние корпоративного университета на развитие человеческого капитала компаний // Социология. 2021. № 1. С. 128–140.
 10. Пружинин А.Н. Особенности стратегического развития человеческого капитала // Социология. 2020. № 2. С. 306–313.
 11. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
 12. Пружинин А.Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151–154.
 13. Фешкин А.В., Заварзина Ю.В. Роль корпоративной социальной ответственности в развитии социальной консолидации в регионе // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. сборник научных трудов. Сборник научных трудов. Иркутск, ИГУ, 2019. С. 126–131.

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT STRATEGIES AND STAFF TRAINING METHODS

Moskvitina N.V.
Irkutsk State University

The article deals with personnel management through the methodology of management sociology. On the basis of secondary data, the foreign and domestic experience of management and modeling of personnel development in companies is analyzed, the strengths and weaknesses of traditional and modern management strategies are revealed.

Keywords: sociology of management, personnel management, social modeling, human resources, social capital, social responsibility.

References

1. Borisova Yu.V. Development of corporate social responsibility in the field of public administration of the Irkutsk region // Human resources management in state and municipal government: technologies, innovations, achievements. materials. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2018, pp. 42–46.
2. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N. Reproduction of human capital in domestic companies // Sociology. 2019. No. 3. S. 62–70.
3. Druzhinin G.V., Pruzhinin A.N., Mamurov E.V. Strategies for the development of human capital of oil companies // Sociology. 2019. No. 1. S. 114–123.
4. Moskvitina N.V. Personnel Management. Textbook / Irkutsk, IGU, 2021. 132 p.
5. Polyushkevich O.A. Introduction to corporate social responsibility. Tutorial. Irkutsk, IGU, 2012. 131 p.
6. Polyushkevich O.A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2014, pp. 103–110.
7. Pruzhinin A.N. Analysis of the corporate formation of oil companies (on the example of the companies "ROSNEFT" and "GAZ-PROM NEFT") // State Service. 2019. V. 21. No. 4 (120). pp. 58–65.
8. Pruzhinin A.N. Analysis of corporate norms for regulating the human capital of oil companies // Sociology. 2020. No. 3. S. 162–169.
9. Pruzhinin A.N. Influence of a corporate university on the development of human capital of companies // Sociology. 2021. No. 1. S. 128–140.
10. Pruzhinin A.N. Features of the strategic development of human capital // Sociology. 2020. No. 2. S. 306–313.
11. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) // Sociology. 2021. No. 3. S. 114–125.
12. Pruzhinin A.N. Human capital of oil companies // Sociology. 2018. No. 4. S. 151–154.
13. Feshkin A.V., Zavarzina Yu.V. The role of corporate social responsibility in the development of social consolidation in the region // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects. collection of scientific papers. Collection of scientific papers. Irkutsk, IGU, 2019, pp. 126–131.

Фигура чиновника-ученого: персональные связи государственного управления и науки

Багаева Алиса Валерьевна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: dagny35@gmail.com

Терновая Людмила Олеговна,

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ)
E-mail: 89166272569@mail.ru

В статье поднята актуальная для повышения эффективности государственного управления тема привлечения на государственную службу не просто высококвалифицированных специалистов, а людей, имеющих научный склад ума и достаточно многого добившихся на научном поприще. В мире сложилось несколько моделей, различающихся по глубине привлекательности государственной службы для ученых. В статье рассмотрены три из них: китайская, западная и российская. Показаны плюсы и минусы этих моделей и отмечена важность учета достижений каждой из них для российской системы государственной службы.

Ключевые слова: политика, история, государство, наука, государственная служба, ученый.

С ростом могущества государства возрастает престиж работы на него в любом качестве, включая службу в аппарате государственного управления. Такая деятельность никогда не отличалась легкостью, требовала от кандидатов на определенную должность не только необходимых для руководства конкретным направлением государственного хозяйства знаний, коммуникативных умений и навыков, но и особых личностных характеристик, в частности, повышенного чувства ответственности и предвидения. Разумеется, далеко не все государственные служащие были близки к такому идеалу. В истории гораздо чаще встречались примеры неимоверной коррумпированности госаппарата, моральной ущербности, клановости отбора на госслужбу и управленческой неграмотности. Однако в жизни всегда у негативного полюса имеется альтернатива. В какой-то исторический период позитивный сгусток в такой дихотомии может присутствовать лишь в трудах теоретиков или в пропаганде, но уже сам факт того, что сложились представления о том, как должно управляться государство, позволяет корректировать и сам этот процесс, и представления о том, кто должен его осуществлять¹.

Суммирование теоретических проблем и вытекающих на их основе практических задач, касающихся функционирования государственного аппарата, во все эпохи привлекало выдающихся личностей. В Древнем мире базовые положения теории государственного управ-

¹ Золотарева К.Г., Терновая Л.О. Государство и государственное управление. Учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017; Золотарева К.Г., Терновая Л.О. Экономика, государственное управление и международные отношения: совпадения и расхождения векторов: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016; Терновая Л.О., Лоло М.М. Государство в современном мире (опыт трансдисциплинарного изучения и преподавания): учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013.

ления были заложены Конфуцием и Лао-Цзы, Платоном и Аристотелем, Цицероном и стоиками. В европейском Средневековье эти идеи неразрывно связывались с христианским мироустройством, поэтому неудивительно, что на этой ниве отметились деятели церкви и христианские теологи: Августин Блаженный, Псевдо-Дионисий Ареопагит, Альберт Великий, Бонавентура, Фома Аквинский. Но уже тогда наметилась вовлеченность в размышления о характере государственного управления лиц, непосредственно его осуществляющих. Так, например, византийский император Юстиниан I или Юстиниан Великий, инициировал пересмотр римского права, выразившийся в своде Юстиниана (лат. *Corpus iuris civilis*).

С рождением первых университетов, которые не могли не выступить в качестве центров подготовки управленческих кадров, мысли о порядке управления государством стали занимать умы университетских ученых: английского философа и естествоиспытателя Роджера Бэкона, преподававшего богословие в Оксфорде и получившего прозвище Удивительный доктор (лат. *Doctor Mirabilis*); публициста Марсилиа Падуанского, избранного ректором Парижского университета; Эразма Роттердамского, удостоенного чести стать Профессором богословия леди Маргарет Кембриджского университета (англ. *Lady Margaret's Professor of Divinity*). т.е. быть причисленным к старейшей профессуре Кембриджа; Мартина Лютера, который явился не только отцом немецкой церковной реформации, но и был профессором теологии Виттенбергского университета.

Далее, в Новое время, без своего внимания сложнейшие вопросы сути государства и порядка его управления не оставляли такие выдающиеся мыслители, как: Фрэнсис Бэкон, Томас Гоббс, Джон Локк, Шарль Луи де Монтескье, Вольтер, Жюльен Офреде Ламетри, Иммануил Кант.

Как и в Античный период, проявилась потребность в более глубоком постижении природы государственного управления у тех, кому приходилось его осуществлять. Здесь нельзя не упомянуть

одного из основоположников прусско-германской государственности – короля Пруссии Фридриха II, или Фридриха Великого. Члену Государственного совета Франции Жаку Клоду Мари Венсану маркизу де Гурнэ принадлежит не только крылатая фраза «*laissez faire, laissez passer*», указывающая на важность минимизации государственного регулирования экономики и экономического вмешательства в предпринимательство, но и авторство термина «бюрократия». К последователям и ученикам Гурнэ причисляют генерального контролера (министра) финансов Франции Анна Робера Жака Тюрго.

XVIII столетие было периодом вызревания как социальных, так и ментальных предпосылок буржуазных революций, а с ними и новых методов государственного управления. Потребность перехода на новые порядки и правила в этой области диктовалась как общим несоответствием феодальной госаппарата логике жизни, меняющейся под влиянием Промышленной революции, так и ужасающей отсталостью значительной части королевских чиновников. О том, насколько быстрым был поворот в сознании, касающийся ценности труда таких бюрократов и науки, можно судить по такому удивительному источнику, как портрет известного французского химика того времени Антуана Лорана Лавуазье, принадлежащий перу выдающегося живописца Жака Луи Давида². Это полотно, находящееся в собрании Метрополитен-музея, при реставрации позволило увидеть, что первоначально художник вовсе не думал изображать ученого-химика в его лаборатории. По его замыслу, раскрытому благодаря современным технологиям, с помощью богато украшенного стола с позолоченным фризом и тремя свитками бумаги, свисавшими с его края, дорогой одежды Лавуазье и его супруги можно было представить его привилегированное положение как генерального

² Рентген выявил скрытую композицию под культовым портретом Лавуазье [Электронный ресурс] URL: https://hi-tech.mail.ru/news/55847-rentgen-vyavil-skrytuyu-kompoziciyu-pod-kultovym-portretom-lavuzaze/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

откупщика или сборщика налогов. Однако предчувствие новых социальных веяний не обмануло Давида, изменившего акцент на портрете, где Лавуазье уже был изображен как ученый.

Правда, следует упомянуть, что в XVIII в. такого термина не существовало. И его, и, как то ни покажется странным, слово «наука» предложил в 1840 г. в работе «Философия индуктивных наук» (англ. *The Philosophy of the Inductive Sciences founded upon their history*)³ английский философ, теолог, англиканский священник, магистр Тринити-колледжа в Кембридже и историк науки Уильям Хьюэлл. Сотрудничая со многими выдающимися исследователями, в том числе с физиком-экспериментатором и химиком Майклом Фарадеем, Хьюэлл не только помогал им расширять их тезаурус, но и стремился к поиску точного смысла самой научной деятельности. В итоге появились дефиниции: «наука» – «*science*» и «ученый» – «*scientist*».

Значение таких обобщающих понятий отразилось, во-первых, в возможности выделения специфики научной методологии, которая является продуктом соеденения достоверных фактов с миром гипотез, позволяющего продвигать человеческие знания в область непознанного и упорно расширять границы познаваемого⁴. Во-вторых, раздвинулись рамки научной деятельности. Универсализм термина отразил стремление исследователей к познанию специфики проявлений различных сфер естественного или гуманитарного знания, что в итоге привело к осознанию ценности трансдисциплинарности и вывело мирозерцание на новый интегративный уровень⁵.

³ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, основанная на их истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.В. Востриковой; под редакцией И.Т. Касавина; вступительная статья И.Т. Касавина; комментарии И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой. М.: КНОРУС, 2016.

⁴ Майданов А.С. Методология научного творчества. Изд. 2-е. М.: URSS, 2011.

⁵ Уилбер К. Интегральное видение. Краткое введение в революционный интегральный подход к жизни, Богу, вселенной и всему остальному / Пер. с англ. М.: Открытый Мир, 2009; Уилбер К. Интегральная духовность / Пер. с англ. Е. Пустошкин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.

В-третьих, этот интегративный подход коснулся как самих знаний, так и коммуникативных практик ученых, способствовал формированию и научного сообщества, и новых социальных страт: интеллигенции, креативного класса, когнитариата⁶.

Такое продвижение в признании роли науки и ученых в развитии общества потребовало внимания к тому опыту, который был накоплен в аккумуляции знаний таких специалистов и их непосредственном направлении на службу государству. Оказалось, что примеры политики массовой интеграции ученых в госаппарат единичны. Одна из малоизвестных моделей такой деятельности «чиновники-ученые» (кит. – 士大夫; пиньинь – *shi Da fu*) была распространена в императорском Китае. Этим собирательным названием обозначали престижную прослойку государственных служащих, появившуюся в период Сражающихся царств, т.е. от V в. до н. до объединения Китая императором Цинь Шихуанди в 221 до н.э. Позже, при династиях Сун (960–1279) и Мин (1368–1644) именно представителями ученых-чиновников, занимавших различные посты в системе управления Поднебесной, перерабатывают идеи конфуцианства, даосизма и буддизма в неоконфуцианскую парадигму, имеющую общие ценностные основы и возможности приложения к социальной практике Китая. В этой практике население было распределено по четырем категориям: ученые-чиновники, земледельцы, ремесленники и, купцы, что позволило выделить управленческий класс. Для институционализации самого этого класса была разработана система отбора, включающая подсистемы рекомендательную и экзаменов государственной службы (Имперский экзамен)⁷. Модель постоянно совершенствовалась. Так, в период династии Тан при императрице У Цзэ-

⁶ Терновая Л.О., Шастина А.Е. Маркеры социальной стратификации современной молодежи: когнитариат, салиариат, прекариат // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Ч. 2 (№ 59). С. 67–74.

⁷ Su Li, Ryden E. Scholar-Officials // *The Constitution of Ancient China* / Yongle Zhang and Daniel A. Bell, eds. Princeton: Oxford: Princeton University Press, 2018. Pp. 98–138.

тянь, правившей Китаем на протяжении сорока лет, с 665 г. по 705 г., отбор на должности был настолько усовершенствован, что включил даже анализ стихов и сочинений кандидатов. Во время династии Сун ученым-чиновникам были предоставлены судебные привилегии, заключающиеся в том, что совершившего преступление чиновника нельзя было привлечь к ответственности напрямую. Внутренний импичмент заменял формальный судебный процесс. В случае несерьезного преступления наказание провинившегося ограничивалось выговором.

Несмотря на то, что после отмены в 1905 г. имперской экзаменационной системы, постепенно исчез разряд ученых-чиновников, элементы культуры управления, связанные с ними, сохранились. Древняя китайская управленческая практика была позаимствована странами региона: государством Рюкю, существовавшим на Окинаве и островах Рюкю в XV–XIX вв.; «Тремя корейскими государствами» – Когурё, Пэкче и Силла, с I в. до н.э. по VII в. н.э. занимавшими Корейский полуостров и Маньчжурию, Вьетнамом. Следы влияния этой культуры можно обнаружить в современной жизни Китая, где многие руководители получили опыт научной работы: председатель КНР Цзян Цзэминь во время «культурной революции» подвергся «трудовому воспитанию» как работник научно-исследовательского института; 11-й Генеральный секретарь ЦК Компартии Китая Ху Цзиньтао занимался научной деятельностью в Университете Цинхуа.

Если в европейской традиции государственного феодального периода благодаря влиянию университетов и исходящей от них культуре академического корпоративизма связь науки и управления государством, приобретая разные формы, все же поддерживалась постоянно, например, первый министр короля, кардинал Ришелье был директором колледжа Сорбонны, то в XIX в. персональная линия соединения науки, в первую очередь касающейся сути государства, власти, управления, фактически

прерывается⁸. Из выдающихся европейских ученых XIX–XXI вв., анализирующих эти вопросы в своих изысканиях, а к таковым мы можем отнести: Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, Фридриха Ницше, Вильфредо Парето, Фердинанда Тённиса, Эмиля Дюркгейма, Гаетано Моску, Эдмунда Гуссерля, Эрнста Кассирера, Освальда Шпенглера, Людвиг фон Мизеса, Карла Ясперса, Бронислава Малиновского, Карла Августа Виттфогеля, Фридриха фон Хайека, Фернана Броделя, Ханну Арендт, Клода Леви-Строса, Мишеля Фуко, Никласа Лумана, Пьера Бурдьё, Энтони Гидденса, – ни один не был отмечен на государственной службе. Пожалуй, больше других ученых по этой линии продвинулся французский социолог, историк и политический деятель Алексис де Токвиль, который в 1849 г. занимал пост министра иностранных дел. Английский философ и экономист Джон Стюарт Милль был членом британского парламента. Немецкий социолог, историк, экономист и юрист Вебер Макс консультировал комиссию по разработке Веймарской конституции. В Третьем рейхе юрист и политический философ Карл Шмитт был назначен главным редактором нацистской газеты для юристов «Журнал немецких юристов» (нем. *Deutsche Juristen-Zeitung*). Французский социолог Реймон Арон входил в состав Экономического и социального совета Четвертой и Пятой французских республик.

К сожалению, в Европе немногочислены примеры склонности к науке и самим государственным деятелям. 20-й президент Французской Республики (Пятая республика) Валери Жискар д'Эстен через два года после начала своего президентства, в 1976 г., опубликовал программную книгу «Французская демократия» (фр. *Démocratie française*) с изложением основных целей своей деятельности и их значения для Франции⁹. Известно, что Маргарет Тэтчер, будучи химиком

⁸ Терновая Л.О. Студенческий корпоративизм: испытания на прочность: монография. М.: ИНФРА-М, 2019.

⁹ Жискар д'Эстен В. Французская демократия / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1977.

по образованию, имела опыт работы в химических лабораториях, а уже после того, как оставила пост премьер-министра Соединенного Королевства, в 2002 г., выпустила книгу «Искусство управления государством: стратегии для меняющегося мира» (англ. *Statecraft: Strategies for a Changing World*)¹⁰.

Положение, близкое к европейской модели отношений между людьми из сферы науки, особенно науки государственного управления, и самим госаппаратом, наблюдается в Соединенных Штатах Америки. Однако именно в США есть персональные исключения высокого уровня из этого правила. Первое: 28-й президент Вудро Вильсон до своего избрания на этот пост сумел сделать успешную академическую карьеру. В 1885 г. в свет вышла его книга «Правление конгресса: исследование американской политики» (англ. *Congressional government: a study in American politics*)¹¹. В ней излагались предложения по реформе государственной власти в США через усиление исполнительной власти. Второе исключение не менее яркое: профессор, доктор политологии, проректор Стэнфордского университета Кондолиза Райс и не была президентом, а являлась сначала, при администрации Джорджа Буша (старшего), советником президента по вопросам СССР и Восточной Европы, затем – советником президента США по национальной безопасности во время первого срока президентства Джорджа Буша (младшего), а позже стала государственным секретарем США. И после завершения государственно-управленческой карьеры Райс в марте 2009 г. вернулась в Стэнфорд в качестве профессора политологии и старшего научного сотрудника Института Гувера.

Примеры привлечения известных ученых на госслужбу в Соединенных Штатах единичны. В частности, американский социолог Родерик Дункан Маккензи с 1924 по 1925 г. был директором

отдела расовых отношений Тихоокеанского побережья штата Вашингтон. Возглавляя кафедру социологии Мичиганского университета, Маккензи также по предложению президента Герберта Гувера участвовал в Президентском исследовательском комитете по социальным тенденциям, подготовил для этого проекта исследование «Подъем столичных сообществ» (англ. *The Rise of Metropolitan Communities*). Однако американские исследователи, так или иначе поднимающие проблемы госуправления в своих трудах, как: Толкотт Парсонс, Ричард Бендикс, Иммануил Валлерстайн, не были вовлечены ни в сам управленческий процесс, ни в консультирование госаппарата.

На самом деле нельзя однозначно судить о результатах разделения науки и государственно-управленческой практики в странах Запада. Так, в США сформировалась «система открытой государственной службы» или «система найма», в которой должности в администрации классифицируются в зависимости от квалификации и выполняемых задач. Руководство государственных учреждений оплачивает расходы на обучение чиновников в университетах и на различных курсах. Отсутствие на местах чиновников людей, имеющих научные заслуги, безусловно, объясняется западным рационализмом, который четко направляет человека на достижение определенной цели в жизни. А цели науки и управленческой практики с точки зрения личностного развития не совпадают. Поэтому в зарубежной, чаще всего американской, модели найма на госслужбу проявляется ее гораздо большая взаимосвязь с бизнесом, чем с наукой. При этом нельзя не замечать порой вопиющего непрофессионализма или просто элементарной неграмотности со стороны государственных служащих Европы и Америки. Их незнание географии и истории уже стало предметом многочисленных шуток, что на самом деле не уменьшает геополитических последствий подобных образовательных провалов.

В России сложилась иная картина. Первый шаг по преодолению кадрово-

¹⁰ Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. В.В. Ионова. М.: Альпина Паблишер, 2021.

¹¹ Вильсон В. Государственный строй Соединенных Штатов. СПб.: Prawo, 1909.

го разрыва науки и госслужбы был сделан 5 (17) ноября 1804 г. принятием Университетского устава, определявшего устройство и порядки в университетах Российской империи¹². Этим актом ученые степени уравнивались с чинами Табели о рангах. Имевшиеся в то время три ученые степени кандидата, магистра и доктора давали их обладателям автоматически 12-й, 9-й и 8-й классные чины, т.е. губернского секретаря, титулярного советника и коллежского асессора. Кроме карьерного роста первые два чина обеспечивали личное дворянство, а третий чин – потомственное дворянство. Идею таких нововведений объяснил историк русского права, общественный деятель, профессор и ректор Императорского Казанского университета Николай Павлович Загоскин: «Первые университеты основывались в России не в силу назревшей потребности в них общества, не в силу культурного роста общественной мысли и общественного самосознания, но в интересах государства и по его инициативе»¹³. Это определяло административно-служебное отношение университетов к государству и их роль в реализации идеи «государственного утилитаризма». Благодаря такой реформе для получения очередного классного чина можно было не рассчитывать на выслугу лет, а повышать чин благодаря диссертациям начальством. Государственный деятель, реформатор, законодворец Михаил Михайлович Сперанский, являясь главой II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, активно способствовал продвижению подведомственных ему правоведов в ученые. Министр народного просвещения, действительный тайный советник, граф Сергей Семенович Уваров, известный как создатель идеологии официальной народности, поспособствовал принятию правительствен-

ных постановлений, которые освободили соискателей докторских степеней от длительных экзаменов на должность.

Этот импульс, приданный соединению научной работы и госслужбы Университетским уставом, начала XIX столетия, сохранял свою силу в течение всего существования Российской империи, повлиял он и на советскую практику назначений на высшие посты на госслужбе. Можно привести пример ученого-чиновника, министра высшего образования СССР Вячеслава Петровича Елютина, который был крупным специалистом по исследованию свойств и технологий получения ферросплавов и высокотемпературных материалов, доктором технических наук и членом-корреспондентом Академии наук СССР. Продолжается эта тенденция и в современной России. Председатель Правительства РФ Михаил Владимирович Мишустин в 2003 г. защитил кандидатскую диссертацию «Механизм государственного налогового администрирования в России», а в 2010 г. получил докторскую степень после защиты диссертации на тему «Стратегия формирования имущественного налогообложения в России». Несмотря на то, что в Российской Федерации научные труды лиц, занятых на государственной службе, находятся не только под пристальным вниманием профессиональных экспертов, но и общественности, одной из структур которой выступает, в частности, Вольное сетевое сообщество «Диссернет», подавляющая часть авторов отражает в своих исследованиях проблематику, с которой непосредственно работает, но, как и должно быть в науке, делает это на высоком уровне обобщений, что обогащает и науку, и практику.

Специфика российской модели связи на персональном уровне науки и государственной службы определена не только отечественным опытом формирования как бюрократии, так и научных кадров. Ее истоки гораздо глубже и лежат в природе самой российской государственности, органичны ее нравственным и конфессиональным опорам. Немаловажную роль в предпочтительно-

¹² Петухова А. Родословная науки // Коммерсантъ. 2020. 29 мая.

¹³ Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 1: Введение. Казань: Типо-литогр. Импр. казанского ун-та, 1902. С. XV.

сти включения ученых в госуправление играл и продолжает играть геополитический фактор. В условиях больших пространств, заселенных многочисленными народами с разной культурой, не всегда предсказуемых соседей и еще менее предвидимого поведения природы для эффективного государственного управления нужны были люди, обладающие стратегическим мышлением и критическим умом, способные к анализу большого числа разных данных и при этом, умеющие выхватывать мельчайшие ключевые детали проблемы. Ко всему этому приучает человека занятие наукой. Поскольку ни одно из перечисленных обстоятельств, определяющих специфику отечественного государственного управления, не изменилось, то без перемен остаются и привлекательность науки для государственных служащих, и интерес к государственной службе со стороны исследователей.

Литература

1. Вильсон В. Государственный строй Соединенных Штатов. СПб.: Право, 1909. VI, 282 с.
2. Жискард д'Эстен В. Французская демократия / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1977. 118 с.
3. Загоскин Н.П. История Императорского казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Т. 1: Введение. Казань: Типо-литогр. Имп. казанского ун-та, 1902. XLV, 567 с.
4. Золотарева К.Г., Терновая Л.О. Государство и государственное управление. Учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. 370 с.
5. Золотарева К.Г., Терновая Л.О. Экономика, государственное управление и международные отношения: совпадения и расхождения векторов: Монография. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 144 с.
6. Майданов А.С. Методология научного творчества. Изд. 2-е. М.: URSS, 2011. 510 с.
7. Петухова А. Родословная науки // Коммерсантъ. 2020. 29 мая.
8. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400450248> Режим доступа: 07.07.2022.
9. Рентген выявил скрытую композицию под культовым портретом Лавуазье [Электронный ресурс] URL: https://hi-tech.mail.ru/news/55847-rentgen-vyuyavil-skrytuyu-kompoziciyu-pod-kultovym-portretom-lavuaze/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop Режим доступа: 07.07.2022.
10. Санина А.Г., Павлов А.В. Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // Управленческое консультирование. 2015. № 9 (81). С. 30–40.
11. Терновая Л.О. Студенческий корпоративизм: испытания на прочность: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 383 с.
12. Терновая Л.О., Лоло М.М. Государство в современном мире (опыт трансдисциплинарного изучения и преподавания): учебное пособие. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2013. 474 с.
13. Терновая Л.О., Шастина А.Е. Маркеры социальной стратификации современной молодежи: когнитариат, салиариат, прекариат // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. Ч. 2 (№ 59). С. 67–74.
14. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира / Пер. с англ. В.В. Ио-

- нова. М.: Альпина Паблшер, 2021. 512 с.
15. Уилбер К. Интегральное видение. Краткое введение в революционный интегральный подход к жизни, Богу, вселенной и всему остальному / Пер. с англ. М.: Открытый Мир, 2009. 229 с.
 16. Уилбер К. Интегральная духовность / Пер. с англ. Е. Пустошкин. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 384 с.
 17. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, основанная на их истории / Пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.В. Востриковой; под редакцией И.Т. Касавина; вступительная статья И.Т. Касавина; комментарии И.Т. Касавина, Т.Д. Соколовой. М.: КНОРУС, 2016. 500 с.
 18. Su Li, Ryden E. *Scholar-Officials // The Constitution of Ancient China / Yongle Zhang and Daniel A. Bell, eds.* Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. Pp. 98–138.
 2. Giscard d'Estaing V. *French Democracy / Per. from fr. M.: Progress, 1977. 118 p.*
 3. Zagoskin N.P. *History of the Imperial Kazan University for the first hundred years of its existence, 1804–1904. V. 1: Introduction.* Kazan: Tipo-lithograph. Imp. Kazan University, 1902. XLV, 567 p.
 4. Zolotareva K.G., Ternovaya L.O. *State and public administration. Tutorial.* M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2017. 370 p.
 5. Zolotareva K.G., Ternovaya L.O. *Economics, public administration and international relations: coincidences and divergences of vectors: Monograph.* M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2016. 144 p.
 6. Maidanov A.S. *Methodology of scientific creativity. Ed. 2nd.* M.: URSS, 2011. 510 p.
 7. Petukhova A. *Pedigree of science // Kommersant.* May 29, 2020
 8. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021 No. 118 "On approval of the nomenclature of scientific specialties in which academic degrees are awarded, and on amendments to the Regulations on the Council for the Defense of Dissertations for the Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093 "[Electronic resource] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400450248> Access mode: 07.07.2022.
 9. X-ray revealed a hidden composition under the cult portrait of Lavoisier [Electronic resource] URL: https://hi-tech.mail.ru/news/55847-rentgen-vyavil-skrytuyu-kompoziciyu-pod-kultovym-portretom-lavuaze/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop Access mode: 07/07/2022.
 10. Sanina A.G., Pavlov A.V. *State Identity: the Content of the Concept and Statement of the Problem // Administrative Consulting.* 2015. No. 9 (81). pp. 30–40.
 11. Ternovaya L.O. *Student corporatism: strength tests: monograph.* M.: INFRA-M, 2019. 383 p.
 12. Ternovaya L.O., Lolo M.M. *State in the modern world (experience of transdisciplinary study and teaching): a textbook.* M.: International Publishing Center "Ethnosocium", 2013. 474 p.
 13. Ternovaya L.O., Shastina A.E. *Markers of social stratification of modern youth: cognitariat, salariat, precariat // Mission of confes-*

THE FIGURE OF AN OFFICIAL-SCIENTIST: PERSONAL CONNECTIONS BETWEEN PUBLIC ADMINISTRATION AND SCIENCE

Bagaeva A.V., Ternovaya L.O.

Lomonosov Moscow State University; Moscow Automobile and Road State Technical University

The article raises the topic of attracting not just highly qualified specialists to the public service, but people with a scientific mindset and who have achieved quite a lot in the scientific field, which is relevant for improving the efficiency of public administration. Several models have developed around the world, differing in the depth of attractiveness of public service for scientists. The article considers three of them: Chinese, Western and Russian. The pros and cons of these models are shown and the importance of taking into account the achievements of each of them for the Russian public service system is noted.

Keywords: politics, history, state, science, civil service, scientist.

References

1. Wilson V. *State system of the United States.* St. Petersburg: Pravo, 1909. VI, 282 p.

- sions. 2022. Vol. 11. Part 2 (No. 59). pp. 67–74.
14. Thatcher M. Art of government. Strategies for a Changing World / Per. from English. V.V. Ionova. M.: Alpina Publisher, 2021. 512 p.
 15. Wilber K. Integral vision. A Brief Introduction to a Revolutionary Integral Approach to Life, God, the Universe and Everything. from English. Moscow: Open World, 2009. 229 p.
 16. Wilber K. Integral spirituality / Per. from English. E. Pustoshkin. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2020. 384 p.
 17. Hewell W. Philosophy of the inductive sciences based on their history / Per. from English. A.L. Nikiforova, E.V. Vostrikova; edited by I.T. Kasavina; introductory article by I.T. Kasavina; comments by I.T. Kasavina, T.D. Sokolova. M.: KNORUS, 2016. 500 p.
 18. Su Li, Ryden E. Scholar-Officials // The Constitution of Ancient China / Yongle Zhang and Daniel A. Bell, eds. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. Pp. 98–138.

Применение метанаучного знания в когнитивной науке

Давыдов Всеволод Викторович,

кандидат философских наук, ФГБОУ ВО
«Камчатский государственный университет
им. Витуса Беринга»
E-mail: vse-davydov@yandex.ru

В статье рассматривается состав и оценки метанаучного знания в когнитивной науке. На метауровне когнитивная наука (когнитивистика) представлена обобщениями здравого смысла, философскими категориями и вопросами, и ориентирующими в эмпирических исследованиях установками, и моделями концептуального характера. Учитывая существовавшие амбиции построения в когнитивной науке общей (предметно или методологически) теории интеллекта и декларации эссенциального философского содержания когнитивистских исследований (придания когнитивной науке статуса «практической философии»), автор полагает возможным и даже актуальным на данном этапе развития когнитивистики воздержание от метанаучной рефлексии («журденовское неведение»). Показан условный и прагматический характер связи когнитивной науки с философией. Ориентированность когнитивной науки на практические эффекты, связанные с оптимизацией интеллекта и искусственных интеллектуальных систем, позволяет редуцировать метанаучные знания к прагматически оправданным общим высказываниям либо, ссылаясь на текущие затруднения когнитивистов в формировании метанаучного знания, элиминировать его.

Ключевые слова: когнитивная наука (когнитивистика), метанаучное знание, когнитивизм, когнитивная революция, философия, интеллект (разум).

Филип Джонсон-Лэйрд в 1980 году сказал: «Если когнитивной науки не существует, то ее необходимо изобрести. Этот лозунг соответствует любому разумному отношению к предмету» [3]. Он предлагал изобрести «когнитивную науку» как понятие, признать это понятие, точнее; это разумно сделать, раз уж такой предмет существует (термин референтный, потому его использование оправдано). И ниже он вспоминает господина Журдена, который, как все помнят, не знал, что говорил прозой (это пример ситуации, когда что-то имеет место быть, независимо от того, названо это как-то или нет). Господин Журден узнал от учителя философии, что более сорока лет говорил «прозой». Психологи и лингвисты, исследователи мозга и искусственного интеллекта узнали в определенный момент, что они «когнитивисты», будучи ими уже много лет. Реплика Джонсона-Лейрда о том, что многие направления исследований сходятся в одной концептуальной точке, сходны в одном принципе; это надо только заметить и признать. И тогда множество когнитивных наук будет сведено в одну единую «когнитивную науку».

Установка на здравый смысл («разумное отношение к предмету») у когнитивистов может использоваться даже для онтологизации исследуемых ими феноменов. Указывая на работы Д. Деннета и Дж. Рэя, М. Велманс отмечает: «... в последнее время некоторые философы задаются вопросом, является ли сознание подлинным феноменом. К несчастью для таких взглядов, сознание стало предметом обширных научных исследований» [12]. И далее резонно, видимо, заключает: «Если сознание не является подлинным феноменом, то что является предметом этих исследований?» [12]. Этот вопрос у М. Велманса – риторический. Если же его понимать как вопрос, требующий ответа по существу, то ответ на него совсем не очевиден: думая, что изучаешь сознание, и успешно продвигаясь в своих исследованиях, когнити-

вист может на самом деле изучать что-то другое; примеров таких продуктивных заблуждений, ведущих в итоге к элиминации фундаментальных, казалось бы, понятий и принципов, в истории науки много (господствующий, можно сказать, вынуждено на метанаучном уровне здравый смысл не вправе апеллировать к мнимой очевидности, когда он касается философских вопросов или теоретических основ исследования).

Когнитивный психолог Зенон Пилишин в 2007 году отметил: «Точно так же, как мольеровский месье Журден обнаружил, что всю свою жизнь говорил прозой, не осознавая этого, так и я не так давно обнаружил, что то, что я делал, не осознавая этого, занимает определенное место в философском ландшафте. Я обнаружил, что, исходя из совершенно иной точки зрения, я занял позицию по ряду вопросов, которые волновали философов, по крайней мере, последние 50 лет» [8]. Как будто не зная, что он философ, З. Пилишин им был. Когнитивист занимается эмпирическими исследованиями интеллекта, совершает на их основании выводы, и, оказываясь, что его деятельность имеет «эссенциальное» философское содержание. Мало того, что когнитивист, как мы узнали ранее, может не знать, что его исследования принципиально сходны с исследованиями, реализованными представителями других «когнитивных» наук. Он может не знать и о философском потенциале его исследований, о том, что они вписываются в актуальный «философский ландшафт». И то, и другое незнание когда-то может прекратиться.

Объективная ориентированность, предметность и даже эссенциальность определенного направления реализуемых стихийно (без теоретического каркаса, на энтузиазме ученых-экспериментаторов) научных исследований – приемлемое эпистемолога допущение. Хотя и настораживающее при этом, поскольку это допущение, как кажется, необходимо ученым главным образом для придания априорного смысла предметному полю, открывающемуся в опыте. «То, что мы делаем, точно име-

ет какой-то смысл; об этом говорит здравый смысл, во-первых, и философия, во-вторых», – мог бы сказать всякий когнитивист. Концептуальное осмысление этого поля можно принять (ошибочно) за рождение новой научной дисциплины или за философию. Казалось бы, в этой ошибке нет ничего страшного. В конце концов и у науки, и у философии сегодня достаточно проницаемые границы, и в претензии какой-то области знания вписаться в «философский ландшафт» нет ничего опасного, как и в стремлении объявить наукой совокупность метафор и моделей, обслуживающих некоторую систему экспериментальных исследований. Человек, именующий себя сегодня ученым или философом, не так уверен в том, что на это нужны существенные очевидные для всех основания (как это было ранее). Признаем-таки, что ученый-эмпирик может быть в неведении относительно многого (потенциальной значимости для философии результатов его исследований, теоретической значимости его исследований, их фундаментальной составляющей и др.), и при этом его неведение не мешает ему вносить лепту в развитие фундаментальной науки и заниматься-таки философией. Но будем иметь в виду еще и следующее: есть вероятность того, что концептуальное и философское измерение содержания и масштаба своей деятельности ученый осуществляет для придания ей смысла в собственных глазах (оттенков этого смысла может быть множество), и делается это достаточно свободным образом – часто без каких-то обязательств перед наукой и философией. В случае с Журденом это было бы так. Журден мог бы объявить себя прозаиком, на том основании, что он, оказывается, говорит прозой, но объявить себя таковым не для того, чтобы писать прозу, а для того, чтобы определенным образом, но, в общем-то, случайно осмыслить свою деятельность, ее предмет и содержание. Почему Журден хочет последнего – нам знать не обязательно, хотя в случае с когнитивной наукой потребность осмыслить свою деятельность обычно разумно мотивируется

и выглядит как закономерно вытекающая из этой деятельности. Пол Тагард так видит необходимость обращения когнитивной науки к философии. «Философия – это область когнитивной науки, имеющая наибольший опыт в оценке нормативности. Эпистемология, философская теория познания, традиционно рассматривает вопрос о том, должны ли люди получать знания и как именно. Этика традиционно рассматривает вопрос о том, как люди должны действовать. Когнитивная наука часто предполагает эпистемологические и этические нормы без адекватного философского обсуждения» [4]. Здесь указано на важное для различения метауровней знания господина Журдена и когнитивистов обстоятельство. Когнитивист может осознавать (*хотя происходит это далеко не с каждым*), что не всякое его предположение относительно того, как работает разум и чем вообще занимается когнитивная наука имеет право на жизнь и может быть нормативным; нормативность предположения нужно обосновать (тут и обнаруживается выход когнитивистики на философию). Господин Журден примет за общую норму все, что ему взбрдет в голову или что он узнает от других относительно того, чем он занимается. Существует ряд частных (их ниже рассматривает П. Тагард), конкретизирующих нормативный и предпосылочный аспект когнитивистских исследований. Они касаются и предмета когнитивной науки (действующего интеллекта), и, собственно, ее самой как деятельности. Таким образом «...общие и нормативные вопросы делают философскую рефлексию важной частью прогресса в когнитивной науке»: «решение о том, какие нормы уместны, и решение о том, как решить, какие нормы уместны, – это философские проблемы, которые более эмпирические области когнитивной науки не могут решить самостоятельно» [11]. Понятно, что в случае осознания когнитивистом необходимости обращения к философии он будет действовать в итоге в интересах философии. Его результативная метанаучная рефлексия будет способствовать укреплению

и развитию определенных философских решений «общих и нормативных вопросов». Хотя, очевидно, что для укрепления и развития философских концепций когнитивистика не единственный источник. С учетом того, что выход когнитивистики на философию происходит не ради развития философии (когнитивисты являются философами по необходимости), союз когнитивной науки и философии выглядит не окончательным и не гарантировано продуктивным. Когнитивисты занимаются философией без каких-то обязательств перед ней, а философы помогают когнитивистам с определением нормативного аспекта их концептуальных рассуждений, имея в виду собственные традиции и собственную актуальную повестку дня в эпистемологии, этике, логике и пр. В конце концов, когнитивист выбирает нормой какую-либо философскую концепцию, имея в виду определенную практическую цель своей исследовательской деятельности. А для философа целедостижение когнитивиста не будет единственным основанием (хотя будет весомым) для принятия или отрицания какой-то концепции в качестве «нормы». Потребность когнитивистики в философии обосновывается практическими соображениями. Философия же из практических соображений исходит далеко не во всех своих областях. И даже в тех областях (например, в этике), где философия выступает по существу своему как практическая, ее нормативность отличается принципиально от нормативности когнитивистики: «норма» философского взгляда на человека и мир декларируется, «норма» взгляда на свой предмет и свою деятельность у когнитивиста – практикуется.

Что произойдет с когнитивистикой, если ее взаимодействие с философией не будет взаимно продуктивным (предположим это)? Если она не сможет стать теоретической наукой? Если теоретическая наука или философия решат идти своим путем, оставив когнитивистские исследования «дозревать» и не думая уже о том, что множество открытий в когнитивной науке решительным образом определяет направление философской

и теоретической мысли, а когнитивисты признают, что теоретическая и философская мысль являются независимым и внешним для когнитивных исследований источником знаний? Не произойдет, видимо, ничего; когнитивистика опять погрузится в журденовское неведение, накапливая опыт, который поможет в будущем совершить новую «когнитивную революцию». Для скепсиса относительно глубины и продуктивности влияния совершившейся пятьдесят лет назад и, видимо, продолжающейся когнитивной революции на философию нет серьезных оснований (как полагает П. Тагард [11]), такое влияние имеет место в эпистемологии, философии науки, философии сознания, этике и – через когнитивную лингвистику – на метафизику), но есть постоянная тревога. Обратим внимание здесь на некоторые поводы для последней. Метанаучные (метатеоретические) рассуждения когнитивистов можно принять за философию, а далее – всю философию свести к философии, питающейся плодами «когнитивной революции»: «когнитивная наука» объявляется «практической философией», и с этого момента любая другая философия становится невостребованной спекуляцией, причем оговаривается обязательная привязка философии к эмпирическому базису когнитивистики, а не к ее самостоятельному теоретизированию («... философия лучше всего работает не с априорными рассуждениями или концептуальным анализом, а скорее с эмпирически обоснованным размышлением о широком спектре открытий в когнитивной науке» [11]). Недостаточное внимание к плодам «когнитивной революции» делает позиции «традиционной» философии и фундаментальной науки неустойчивыми и проблематичными и, соответственно, открывает перспективу автономного существования когнитивистики в качестве области практического знания, превосходящего по своему значению для человека знания фундаментального порядка. Возможно, от такого противопоставления практики изучения и моделирования интеллекта его теоретическому представлению когнитивистика не вы-

играет. И потому сегодня по-прежнему (как и пятьдесят лет назад) когнитивисты обсуждают возможность универсальной эссенциальной интерпретации предмета когнитивной науки и унификации ее методологии. Тем или другим способом (или обоими способами) когнитивную науку пытаются заявить чем-то большим, нежели «практическая философия» или прикладные исследования, заявить ее фундаментальный статус. Но сделать это непросто.

Выйдя из состояния журденовского неведения, когнитивная наука чувствовала себя достаточно уверенно для того, чтобы войти в мир философии и фундаментальной науки. И даже навести там свой порядок. Если же порядка не будет в итоге (не удастся, например, сформировать новый категориальный аппарат философии, не получится создать теорию интеллекта) когнитивист всегда может опять погрузиться в неведение – заняться эмпирическими исследованиями и заниматься ими до того момента, пока кто-то (из лагеря ли когнитивистов, со стороны ли) не откроет глаза на то, чем же в сущности когнитивисты занимаются. Журденовское неведение здесь – это отсутствие доступа к мета-научному уровню знания. Ни Журден, ни когнитивисты ничего не потеряют, если не будут знать как содержания понятий «проза» и «когнитивная наука», системы философских категорий, так и самих этих слов. Журден будет-таки говорить прозой, а когнитивисты – заниматься когнитивной наукой и при этом ставить и решать определенным образом философские проблемы, не ведая об этом. Зачем тогда просвещать Журдена и «изобретать» когнитивную науку, открывать глаза когнитивистам на эссенциальный смысл результатов их исследований? Кому это нужно? Это нужно тем, кто стоит на границе «прозы» и «поэзии», «когнитивной науки» и, например, «феноменологии», «когнитивной науки» и «философии». Это нужно философу. Или кому-то неравнодушно к метанаучному (метатеоретическому) уровню знания, кому-то заинтересованному (из практических соображений,

прежде всего) в демаркации своей речемыслительной или предметной деятельности, в продуктивном взаимодействии с теми, кто занимается чем-то принципиально сходным. Мотивированный таким образом интерес к метанаучному уровню знания был характерен для когнитивистов и философов в 70–80-е гг. двадцатого века. Но сегодня метауровень когнитивной науки уже не так ясен и строен. Во-первых, как сказано выше, «точка», в которой на метанаучном уровне могли бы сойтись когнитивная наука и философия (в каком-то из своих разделов), оказывается плавающей и неопределенной. Когнитивная наука и философия независимы друг от друга, *в принципе* могут существовать друг без друга. Пока есть понимание того, как когнитивная наука и философия могут существовать друг без друга, метанаучный уровень когнитивной науки ничем существенным представлен быть не может (только случайные вспышки интереса к философии и построению общей для когнитивистики «теории всего»). Нагруженность когнитивистских исследований предпосылочными знаниями, часть которых ошибочно возводится неискушенными в философии учеными в нормативные представления и, соответственно, не позволяет успешно решать практические задачи когнитивистики, – хорошее основание для обращения к философии. Но поскольку выбор позиции в философии не дает никаких гарантий окончательного успеха, многие когнитивисты предпочитают действовать методом проб и ошибок, переходя от одной концептуальной модели к другой и не думая совсем о преимуществах союза с философией. Как и философы со своей стороны могут больше доверять традиции. Можно ли твердо утверждать, что развитие какой-то из областей философии или решение какой-то традиционной философской проблемы решительным образом зависит от союза философии с когнитивистикой? Нет, видимо. Во-вторых, отметим некоторое равнодушие когнитивистов к стройности и оформленности метанаучного уровня знаний, обусловленное принципиальной

ориентированностью когнитивной науки на практические эффекты. Представители когнитивной науки долгое время могли находиться в неведении относительно того, что они являются представителями «когнитивной науки». Даже зная это, тем не менее, многие не могут сказать, что же такое «когнитивная наука» (или дают этому понятию остенсивное определение). Даже имея определение понятия «когнитивная наука», имея представление о нескольких демаркационных для области когнитивных исследований принципов, когнитивисты не всегда могут показать, как эти принципы работают в каждом конкретном случае или в каком-то другом случае, нежели тот, что более или менее понятен (это как если бы господин Журден, узнав, что он говорит прозой, и охотно используя это слово знание в общении с другими, столкнулся с необходимостью научить кого-то говорить прозой или сам попытался бы говорить (писать) прозой намеренно). Провозгласить какие-то исследования и знания «когнитивной наукой» – не значит теоретически их осмыслить. Как и провозглашение базового принципа (или чего-то подобного) когнитивистского подхода не делает исследования когнитивистов теоретически осмысленными. Это, конечно, понимают и сами когнитивисты, предпочитая на метанаучном уровне представлять свою исследовательскую деятельность как продвижение «моделей», объясняющих работу интеллекта и способствующих успешной технической реализации интеллекта (в том или ином виде его концептуального осмысления). Выход на метауровень давно уже не является проблемой для когнитивизма (они решились подвести под свои исследования какой-то общий для всех принцип, решились стать философами). Проблемой становится «краеугольный камень» когнитивизма: фундаментальные для этой парадигмы принципы, базовые допущения обсуждаются, и результаты этих обсуждений не собираются в общую картину; самими же когнитивистами проблематизируются используемые ранее для демаркации когнитивного подхода принципы

на том основании, что они не всегда применимы для понимания конкретных эмпирических феноменов. То есть для понимания того, что есть «когнитивный подход» они хороши, но для объяснения и даже описания конкретных явлений (эффектов, которыми результируются когнитивные исследования) они не всегда подходят. Оспаривается актуальная и существенная польза от принципиального выхода на метанаучный уровень, от общих представлений о том, что есть когнитивная наука и что значит быть когнитивистом. Все, что ранее (на этапе становления когнитивистики) заслужило общее внимание когнитивистов в качестве ориентира теоретической мысли, теперь не понятно в своем статусе: «То, что называется классической когнитивной наукой, или просто когнитивизмом, основывается на убеждении, что познание требует вычислений, а не когнитивных представлений. Этот принцип, как и принцип отрицательной обратной связи, не может дать понимания конкретных явлений» [4]. Отсюда следующий вопрос: если принципы когнитивизма (вроде тех двух, что указаны выше) провозглашаются на убеждении, что могут работать как универсальные законы («...общепринятая точка зрения требует, чтобы теории излагались в пропозициональной форме и включали утверждения, подобные закону. ... Но подобные закону утверждения вряд ли встречаются в когнитивном теоретизировании, даже если некоторые утверждают, что они должны быть. Более того, когнитивные теории иногда излагаются в терминах формальных спецификаций на искусственных языках, не все из которых являются декларативными; некоторые излагаются в виде смеси диаграмм и словесных описаний, а некоторые – в виде программного обеспечения. Таким образом, их трудно привести к традиционному пропозициональному формату для выполнения логических выводов» [4]), к действию которых можно свести на теоретическом уровне все многообразие эмпирических феноменов, или даже быть полезными эвристиками, то каков их статус и для чего они нужны? Отказавшись от вы-

числительной модели в пользу коннекционизма, когнитивистика только на короткий отрезок времени получила иллюзию существенного прорыва благодаря наконец-то найденному фундаментальному принципу работы интеллектуальных систем. Но вычислительная модель не была окончательно деактуализирована, а коннекционистская не стала господствующей. Более того, коннекционистская модель критикуется на фоне вычислительной [2].

Когда-то было важно провозгласить заложить фундамент когнитивизма, провозгласить принципы когнитивистского подхода. Теперь же фундамент как будто на месте, он не разрушается, но на нем уже ничего не строят, предпочитая воздвигать мобильные временные конструкции рядом с уже практически превратившимся в монумент фундаментом. Кто-то строит новый фундамент (коннекционизм и др., см. обзор теоретических направлений в когнитивной науке [1]). В общем, сами фундаментальные принципы когнитивизма не оспариваются; могут даже выдвигаться новые принципы (как более надежные для осмысления эмпирических эффектов). А. Ньюэлл 50 лет назад (то есть как раз в эпоху формирования метанаучного уровня когнитивистики) уже задавался вопросом о выгодах, результативных эффектах для когнитивных исследований от выхода на общий парадигмальный уровень представлений об их предмете [7]. Он, безусловно, признавал существование таких представлений. Как и то, что эти представления продуктивны и научны и что на их основе, вероятно, можно будет-таки через двадцать лет прийти к сущностному пониманию интеллекта. Но при этом Ньюэллом проблематизирован их фундаментальный, интегрирующий статус; осторожно и где-то с отчаянием ставится под сомнение торжествующая уверенность в том, что парадигмальное единство когнитивистики на ее метауровне действительно и безусловно достаточно для понимания «сущностной структуры интеллекта» или уже является таким пониманием (единой теорией интеллекта). А. Ньюэлл обращает вни-

мание на разрыв, существующий между «ориентационными», «дотеоретическими» установками (в качестве таковых он рассматривает ряд бинарных оппозиций, относительно которых интерпретируются результаты экспериментов как подтверждающие одно и опровергающие другое) в имеющей «склонность к эксплицитности в отношении своей методологии» психологии и теорией собственно, на «большое расстояние, отделяющее высшие уровни теории от непосредственных решений повседневной науки» (последние связаны как раз с выбором варианта в бинарных оппозициях «врожденное – приобретенное», «последовательная или параллельная обработка информации», «аналоговый или цифровой сигнал» и значительного ряда других). Когнитивистика остановилась в теоретическом росте на уровне проверки заданных ориентационными установками альтернативных суждений о когнитивной системе. Причем, как показало время, решение в пользу одного из двух альтернативных ориентиров никогда не признается окончательным. Обе альтернативы оказываются перспективными в разработке, обе подкрепляются данными исследований. Не случайно разделы обобщающих коллективных трудов философии психологии и по когнитивистике строятся по принципу альтернативы (предлагаемые решения в этих разделах – не общие, актуализирующие поле дискуссий; см., например, [9], [10]). Дело обстоит так, очевидно, поскольку ориентационные установки уже предшествуют экспериментам. «Психология ... пытается концептуализировать то, что она делает (а ее деятельность представлена так: «Каждый раз, когда мы обнаруживаем новое явление, ... мы проводим шквал экспериментов, чтобы исследовать его»; «эти явления образуют настоящий рог изобилия для нашей экспериментальной жизни – спираль самого рога растет все время, пока он выдвигает требования для вторичных экспериментов»; «явления, несомненно, реальны, исследования, безусловно, оправданы, чтобы проверить их реальность и подтвердить их природу»), в качестве руко-

водства к исследованию этих явлений», и осуществляется концептуализация «путем построения оппозиций – обычно бинарных» [7]. С момента осуществленной таким образом концептуализации вопросы о том, что из заданной концептуальной оппозиции характеризует и объясняет тот или иной когнитивный феномен, «служат движущей силой значительной части экспериментальных усилий» [7]. Ориентационные установки стали тем же, чем в свое время стали фундаментальные принципы когнитивизма – самодостаточными, даже претендующими на статус теоретического знания, утверждениями, которые нужно экспериментально подтверждать и философски интерпретировать. Поскольку только при таком к ним отношении они будут собирать в единую сеть все множество экспериментальных исследований интеллекта, поведения, языка. Но сегодня кажется очевидной необходимость отличать «интегративное теоретизирование от построения унифицированных теорий» [4].

Существенным основанием для мета-научной рефлексии когнитивиста может быть необходимость решения практической задачи когнитивной науки – создания интеллектуальных систем. М. Надин, обращаясь к реплике господина Журдена, пишет следующее. «То, что цитата из Мольера должна дать читателю, – это очень простое понимание. Да, мы все говорим прозой. И даже те, кто не осознает этого, могут быть хороши в этом. Метауровень (определение прозы) и практический опыт (общение друг с другом) не являются взаимозависимыми. Если мы примем месье Журдена за инженера HCI [human – computer interaction], мы столкнемся с относительно похожей ситуацией: метауровень (определение HCI) и практический опыт (вычисления), однако, взаимозависимы. Чтобы сделать возможными эффективные вычисления, специалист по CHI [computer – human interaction] должен предоставить средства взаимодействия, которые не стоят на пути («Изучите интерфейс»), которые не становятся когнитивными «накладными расходами», а скорее когнитивной

поддержкой» [6]. Очевидно, что пользователь не должен быть осведомлен о принципах, обеспечивающих его взаимодействие с компьютером, а инженер, обеспечивающий это взаимодействие, но может не использовать, создавая или не осознавая это, какие-то принципы. В частности, М. Надин сетует на то, что современные компьютерные разработки ограничены по своей эффективности в силу того, что разработчики не разбираются в семиотике (хотя «все, кто участвует во взаимодействии человека и компьютера, «говорят» на семиотике, независимо от того, осознают они это или нет», и, соответственно, – «нельзя не «семиотизировать», то есть нельзя избежать семиотики» [6]). Умение описать взаимодействие человека и компьютера семиотически позволяет «оптимизировать, дополнять или настраивать» этот процесс, тогда как определение своей речи через «ярлык» «проза» ничего не дает месье Журдену [6].

Допустимо, что человек взаимодействует с компьютером, не представляя (на метанаучном уровне), как он это делает. Не имея такого представления, он все равно что-то делает. Но когда мы говорим о взаимодействии компьютера с человеком, обеспеченном инженером, то к журденовскому неведению уже не обратиться. Надо знать, как работает компьютер в качестве коммуниканта, причем не перенося на него тех знаний, которые мы можем получить на метануровне о самих себе как о взаимодействующих с компьютером. Обеспечить взаимодействие компьютера с человеком нужно для того, чтобы человеку было легче взаимодействовать с компьютером. Первое сделать нельзя без выхода на метанаучный уровень (компьютер не может «говорить прозой», что-то делать по отношению к человеку или предмету коммуникации, сам не ведая того, но все-таки делая это; если бы господин Журден был роботом, то учителю философии нужно было сначала запрограммировать его на продуцирование прозы, а уж затем дать ему знать о его способности к прозе и о способности к прозе окружающих его существ). Таким обра-

зом вожденная для философов и философствующих когнитивистов «теория интеллекта» здесь оказывается нужна только для того, чтобы пользователю было легче взаимодействовать с умной машиной и реализованной с помощью этой машины программой. Модель интеллекта компьютера, его интеллектуальной программы в таких практически ориентированных проектах когнитивистики никак не может быть «единой теорией интеллекта»: всякая программа должна быть нагружена «когнитивной поддержкой», адресованной пользователю для улучшения эффекта взаимодействия человека с компьютером, но ни одна программа не может быть интеллектуальной в принципе, интеллектуальной универсальным образом. Это ограничение работает и в другую сторону. Никакой интеллект (и человеческий, в частности) не может быть представлен во всех возможных отношениях как программа умной машины. В моделях, предлагаемых когнитивистикой, интеллект, действительно, аналогичен компьютерной программе, вычислению, сети и пр. Но эта аналогия нужна только для продвижения конкретной предлагаемой модели, а не для понимания «природы» интеллекта. «Другими словами, если сказать: «внутри некоторых хорошо установленных и хорошо определенных ограничений могло быть полезным сравнение некоторых аспектов психических функций с некоторыми операциями каких-то машин» (держа в уме то, что во многих других отношениях разум и машины работают в совершенно различных и несравнимых направлениях) – это утверждение [«разум – это компьютер» – В. Д.] будет приемлемо» [5, р. 144–145].

Таким образом, сегодня понятие «когнитивная наука» (или «когнитивистика») используется как условное обозначение поля исследований, которое сложно дифференцировать и интегрировать в то же время (не ясно, на каких основаниях можно определить его состав, во-первых, и его единство, во-вторых). И в каждом направлении указываются свои препятствия, которые связаны как с недостаточной организованно-

стью и подготовленностью когнитивистов в деле метанаучной рефлексии, так и действительными сложностями, связанными с включением эмпирических суждений об интеллекте в контекст теоретических суждений о естественных или технических феноменах, умозрений и формализмов, сложившихся в определенной науке или в широкий контекст категориального аппарата философии. Проблемы, возникающие на метауровне когнитивистики, фильтруются скепсисом теоретиков и философов относительно возможности в ближайшее время навести и поддерживать в когнитивистике такой порядок, что позволит считать ее «теорией разума» либо унифицирует ее каким-то другим способом. Когнитивная наука в свою очередь остается со рядом защитных тезисов: (1) интеллект существует и изучается (поскольку изучается – существует как объект), независимо от того, существует его теория или нет, независимо от того, что философы о нем говорят; (2) когнитивные исследования ведутся, независимо от того, считает ли кто-то эти исследования наукой или нет; (3) когнитивные исследования ставят, затрагивают и, возможно, решают философские проблемы, независимо от того, есть ли в них явный для осуществляющих их авторов элемент философии или его нет вообще. «Щит» этих (и подобных) тезисов позволяет когнитивной науке сохранить в условиях кризиса метанаучного уровня некоторую автономность как области знания. Последнее может быть оправдано, видимо, ожиданием новой фазы когнитивной революции.

Литература

1. Суцзин М.А. Когнитивная наука: от парадигм к теоретическим комплексам // *Философия науки и техники*. – 2021. – Т. 26. – № 1. – С. 5–22.
2. Фодор Д., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // *Язык и интеллект*. – М.: Прогресс, 1996. – С. 230–313.
3. Johnson-Laird P.N. *Mental Models in Cognitive Science* // *Cognitive Science*. – 1980. – № 4. – PP. 71–115. URL: <https://www.modeltheory.org/papers/1980mmcogsci.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).
4. Milkowski M., Hohol M. *Explanations in Cognitive Science: Unification Versus Pluralism* // *Synthese*. – 2021. – Vol. 199. – P 1–17. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-020-02777-y> (дата обращения: 07.07.2022).
5. Moravia S. *The Enigma of the Mind: The Mind-Body Problem in Contemporary Thought*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
6. Nadin M. *One Cannot Not Interact* // *Knowledge-Based Systems*. – 2001. – 14 (8). – P. 437–440. URL: https://www.researchgate.net/publication/223143922_One_cannot_not_interact (дата обращения: 03.07.2022).
7. Newell A. *You Can't Play 20 Questions with Nature and Win: Projective Comments on the Papers of This Symposium* // *Visual Information Processing* / Ed. by W.G. Chase. – New-York.: Academic Press., 1973. URL: <http://shelf2.library.cmu.edu/Tech/240474311.pdf> (дата обращения: 02.07.2022).
8. Pylyshyn Z.W. *Things and Places: How the Mind Connects with the World*. – Cambridge: MIT Press, 2007. URL: <http://rucss.rutgers.edu/images/personal-zenon-pylyshyn/class-info/Nicodbook2.pdf> (дата обращения: 04.07.2022).
9. *Readings in Philosophy and Cognitive Science* / Ed. by A.I. Goldman. – Cambridge: MIT Press, 1993.
10. *Readings in Philosophy of Psychology. Vol. 2* / Ed. by Ned Block. – Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.
11. Thagard P. *Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa* // *Topics in Cognitive Science*. – 2009. – Vol. 1 (Is. 2). – PP. 237–254. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1756-8765.2009.01016.x> (дата обращения: 03.07.2022).
12. Velmans M. *Is Human Information Processing Conscious?* // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1991. – № 14. – PP. 651–726. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/down->

load?doi=10.1.1.492.610&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 06.07.2022).

APPLICATION OF METASCIENTIFIC KNOWLEDGE IN COGNITIVE SCIENCE

Davydov V.V.

Vitus Bering Kamchatka State University

The article discusses the composition and evaluation of meta-scientific knowledge in cognitive science. At the meta-level, cognitive science (cognitivism) is represented by generalizations of common sense, philosophical categories and questions, and conceptual attitudes and models that guide empirical research. Taking into account the existing ambitions of building a general (substantive or methodological) theory of intelligence in cognitive science and the declaration of the essential philosophical content of cognitive research (giving cognitive science the status of "practical philosophy"), the author believes it is possible and even relevant at this stage of cognitive science development to abstain from meta-scientific reflection ("Jourdain ignorance"). The conditional and pragmatic nature of the connection between cognitive science and philosophy is shown. The focus of cognitive science on practical effects associated with the optimization of intelligence and artificial intelligent systems allows reducing meta-scientific knowledge to pragmatically justified general statements or, referring to the current difficulties of cognitive scientists in the formation of meta-scientific knowledge, eliminating it.

Keywords: cognitive science (cognitivism), meta-scientific knowledge, cognitivism, cognitive revolution, philosophy, intelligence (mind).

References

1. Sushchin M.A. Cognitive Science: From Paradigms to Theoretical Complexes Philosophy of Science and Technology. – 2021. – Vol. 26. – No. 1. – pp. 5–22.
2. Fodor J., Pylyshyn Z. Connectionism and Cognitive Architecture: A Critical Analysis // Language and Intelligence. – M.: Progress, 1996. – pp. 230–313.
3. Johnson-Laird P.N. Mental Models in Cognitive Science // Cognitive Science. – 1980. – № 4. – PP. 71–115. URL: <https://www.modeltheory.org/papers/1980mmcogsci.pdf>
4. Milkowski M., Hohol M. Explanations in Cognitive Science: Unification Versus Pluralism // Synthese. – 2021. – Vol. 199. – P 1–17. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11229-020-02777-y>
5. Moravia S. The Enigma of the Mind: The Mind-Body Problem in Contemporary Thought. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
6. Nadin M. One Cannot Not Interact // Knowledge-Based Systems. – 2001. –14 (8). – P. 437–440. URL: https://www.researchgate.net/publication/223143922_One_cannot_not_interact
7. Newell A. You Can't Play 20 Questions with Nature and Win: Projective Comments on the Papers of This Symposium // Visual Information Processing / Ed. by W.G. Chase. – New-York.: Academic Press., 1973. URL: <http://shelf2.library.cmu.edu/Tech/240474311.pdf>
8. Pylyshyn Z.W. Things and Places: How the Mind Connects with the World. – Cambridge: MIT Press, 2007. URL: <http://rucss.rutgers.edu/images/personal-zenon-pylyshyn/class-info/Nicodbook2.pdf>
9. Readings in Philosophy and Cognitive Science / Ed. by A.I. Goldman. – Cambridge: MIT Press, 1993.
10. Readings in Philosophy of Psychology. Vol. 2 / Ed. by Ned Block. –Cambridge: Harvard Univ. Press, 1981.
11. Thagard P. Why Cognitive Science Needs Philosophy and Vice Versa // Topics in Cognitive Science. – 2009. – Vol. 1 (Is. 2). – PP. 237–254. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1756-8765.2009.01016.x>
12. Velmans M. Is Human Information Processing Conscious? // Behavioral and Brain Sciences. – 1991. – № 14. – PP. 651–726. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.492.610&rep=rep1&type=pdf>

Волонтерская деятельность в социальном институте физической культуры и спорта

Косинов Сергей Сергеевич,

кандидат социологических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет
E-mail: ssk29.81@mail.ru

Планидин Евгений Сергеевич,

аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: planida1996@yandex.ru

Овсий Виталий Вадимович,

соискатель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: v.ovsij@yandex.ru

В настоящее время в России государственные органы оказывают всестороннюю поддержку волонтерам и различным волонтерским организациям, что делает популярным волонтерское движение среди различных категорий населения. Поскольку именно спортивное волонтерство дает сильный толчок в развитии волонтерского движения в России, то авторы статьи обращаются к вопросу развития волонтерской деятельности в социальном институте физической культуры и спорта. Спортивное волонтерство рассматривается с позиций деятельностного подхода. Авторы работы отмечают, что спортивное волонтерство представляет собой безвозмездную деятельность (осуществляемую в свободное от работы или учебы время) добровольцев в рамках проведения различных мероприятий в институте физической культуры и спорта, что позволяет вносить большой вклад в решение задач как в рамках профессионального, так и любительского спорта. Волонтерство в сфере физической культуры и спорта дает возможность гражданам реализовать себя, найти новые знакомства и прикоснуться к масштабному миру спорта.

Ключевые слова: волонтерство, волонтерское движение, Россия, социальный институт, спорт, физическая культура, спортивные мероприятия, спортивное волонтерство.

Введение

Волонтерское движение в современном российском обществе по праву стало восприниматься социально значимым, вносящим весомый вклад в социальную сферу и общественно-экономическое развитие российского социума. Об актуальности волонтерского движения свидетельствует Распоряжение Правительства Российской Федерации «О концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года» [1]. И государство в настоящее время оказывает всестороннюю поддержку волонтерам и различным волонтерским организациям, тем самым способствуя развитию в России нового социального института волонтерства. Как подчеркивает В.В. Овсий, уровень эффективности развития волонтерской деятельности в том или ином социальном институте «находится в зависимости от характера функционирования институциональных механизмов, осуществляющих продуцирование и ретрансляцию волонтерства в качестве социальной нормы» [2].

Институционализация волонтерской деятельности

О процессе институционализации волонтерской деятельности в России красноречиво говорит характер формирования «нормативно-правовой основы функционирования волонтерства, развитие различных направлений добровольческой деятельности» [3, с. 178]. Так, согласно Концепции содействия развития (волонтерства) в России до 2025 года, ключевыми направлениями развития волонтерства в институте физической культуры и спорта (ФКиС) являются [1]:

- во-первых, участие в организации и (или) проведении мероприятий физкультурно-спортивного характера;
- во-вторых, участие в организации и осуществлении деятельности объектов спорта;

- в-третьих, участие в организации и проведении физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий среди лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов;
- в-четвертых, участие в активной пропаганде ФКиС и иницировании здорового образа и стиля жизни;
- в-пятых, вовлечение в волонтерскую деятельность известных любителей физической культуры и спорта, знаменитых спортсменов, а также профессиональных работников института ФКиС [1, с. 5–6].

Конечно, когда спортивное волонтерство стало активно развиваться в России, была трансформирована и нормативно-правовая база, которая позволяет регулировать данное направление деятельности. Нормы регулирования деятельности спортивных волонтеров закреплены в ФЗ № 135 «О благотворительной деятельности и добровольчество (волонтерстве)» и ФЗ № 329 «О физической и спорте в РФ». В Конституции РФ летом 2020 года было официально закреплено и введено в правовую и гуманитарно-социальный оборот определение «волонтерство», в том числе и спортивное (ст. 114 Конституции РФ). Отметим, что указанные документы закрепляют права и обязанности волонтеров, полномочия органов государственной власти и органов местного самоуправления в социальном институте волонтерства.

Особая значимость формирования волонтерской деятельности в России стала ощутима после проведения Олимпиады в Сочи в 2014 году. Именно данное международное событие послужило триггерным механизмом, запустившим в России новый социальный институт волонтерства в рамках института физической культуры и спорта, а также повлиявшим на развитие добровольчества и волонтерства в России в целом. Как известно, 2018 год был объявлен в России «Годом добровольца», в рамках проведения которого был разработан и утвержден план специальных мероприятий, нацеленных

на развитие волонтерской деятельности в Российской Федерации [4].

Волонтерство как социальная деятельность

Очень важную значимость волонтерской деятельности отмечают исследователи, рассматривая данный вид деятельности как социально-значимую деятельность, которая позволяет молодежи развиваться здоровой духовно и нравственно, счастливой, свободной и ориентированной на труд личности [7; 8; 9]. В настоящее время исследователи НИУ ВШЭ занимаются разработкой данной проблематики в рамках своих проектов. В Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» коллектив авторов изучает уровень вовлеченности молодых россиян в волонтерскую деятельность.

Волонтерство – это нравственная опора и социальный ориентир, который помогает молодежи самоорганизоваться и самореализоваться [10]. Волонтерство как социальную деятельность в своих работах рассматривает исследователь М.В. Певная, которая дает оценку управления российской волонтерской деятельности [11]. Очень часто волонтерскую деятельность ученые рассматривают с точки зрения одной из форм, применяемых в рамках социальной работы [12]. Некоторые исследователи подчеркивают, что волонтерство представляет не просто определенные социальные технологии, а является особой системой труда, основанной на нематериальном стимулировании работников [12]. Большой пласт современных отечественных исследований в области социологии направлены на изучение ценностных ориентаций волонтеров, а также отношению российской молодежи к волонтерской деятельности [13; 14]. Обращение исследователей к современной рискогенной реальности также не оставляет без внимания проблему волонтерской деятельности – ученые исследуют роль волонтеров в период распространения новой коронавирусной инфекции [15]. Отметим, что зачастую исследовательский

интерес направлен на изучение волонтерской деятельности в рамках определенного социального института. Например, волонтерство в институте физической культуры и спорта (ФКиС) [16] или спортивное волонтерство [17].

Поскольку именно спортивное волонтерство при подготовке к Олимпиаде в Сочи послужило дальнейшему активному развитию волонтерства и волонтерского движения в России, в рамках данной статьи мы рассмотрим вопрос развития волонтерской деятельности в социальном институте физической культуры и спорта. Спортивное волонтерство рассматривается нами с позиций деятельностного подхода.

Необходимо обратиться к определению непосредственно самой дефиниции «волонтерство».

С точки зрения отечественной социологии, волонтерство – это одна из разновидностей социальной, институционально закрепленной деятельности, которая включает в себя значимые действия со стороны субъекта в различных сферах жизнедеятельности, цель которых направлена на удовлетворение экономических, социальных, политических, а также идеологических интересов [18].

Как подчеркивают С.Б. Барановский и В.А. Сорокин, волонтерство является многоаспектным социальным феноменом, направленным на сохранение и укрепление общечеловеческих гуманитарных ценностей (милосердие, доброта, безвозмездная помощь, социальное служение) и способствующим построению более гуманного и справедливого общества посредством всеобщего сотрудничества [19].

Применительно к интерпретации волонтерства с позиции деятельностного подхода, М.В. Певная рассматривает его в качестве специфического вида деятельности, сформированного «на принципах сочетания целерационального и ценностно-рационального типов деятельности, свободы от внешнего принуждения, возможности выбора варианта действия, альтруизма, деятельности за пределами семейных и дружественных отношений» [20,

с. 125]. То есть волонтерская деятельность (исходя из деятельностного подхода) – это добровольная деятельность человека (основанная на добровольных началах), которую он осуществляет в свободное от работы время, не получая за выполнение данной деятельности материальное вознаграждение (деятельность, ориентированная на социальное благо), однако получая при этом субъективное удовлетворение.

В своей диссертационной работе, посвященной институциональным аспектам управления спортивным волонтерством, Д.Ф. Телепаева дает следующее определение: «спортивное волонтерство – это социальный феномен, который может рассматриваться как вид безвозмездной деятельности социального сообщества, члены которого принимают добровольное участие в организации и проведении широкого спектра программ, мероприятий и акций в свободное от основной занятости волонтера время, внося реальный трудовой вклад в решение определенных социальных задач профессионального и любительского спорта» [21, с. 32].

Обращаясь к данным, которые приводятся в Распоряжении Правительства Российской Федерации «О концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года», мы видим, что 15% россиян выступают в качестве активных волонтеров, а 50% респондентов готовы работать на добровольной, безвозмездной основе [1].

Если мы обратим взор на исследование, которое было проведено ВЦИОМ, то становится вполне очевидным тот факт, что в целом россияне довольно активно участвуют в благотворительности и волонтерской деятельности: «за последние четыре-пять лет каждый четвертый (24%) передавал вещи и игрушки в детские дома или дома престарелых; каждый пятый (21%) вносил деньги на счет людям, нуждающимся в помощи; 16% давали милостыню; 15% вносили деньги на счета благотворительных организаций; 7% участвовали в волонтерской работе; а 6% – в благотворительных акциях» [22].

Этапы развития современного волонтерства в институте физической культуры и спорта в России

Остановимся на освещении главных этапов развития современного волонтерства в институте физической культуры и спорта в России.

В 2010 году был дан запуск подготовки волонтеров, которые должны были участвовать в организации и проведении Олимпийских и Паралимпийских зимних игр в Сочи (2014 год). В рамках данной кампании было подготовлено порядка 25 тыс. волонтеров. В 2011 году начала реализовываться волонтерская программа для подготовки спортивных волонтеров для 17 Всемирных летних студенческих игр в Казани 2013 года. Данная кампания подготовила около 20 тыс. волонтеров. В 2016 году был дан старт набора волонтеров Кубка Конфедераций FIFA 2017 года и Чемпионата мира по футболу 2018 года в России.

Спортивное волонтерство

Кто же может стать спортивным волонтером, какие ключевые навыки необходимы для волонтерской деятельности в институте ФКиС?

Спортивными волонтерами могут быть люди, которые обладают специальными знаниями, умениями и навыками в сфере ФКиС, в частности: знать и уметь применять на практике социально-психологические технологии в деловых и межличностных взаимодействиях, уметь выстраивать конструктивную коммуникацию, владеть иностранным языком, а также соответствовать таким личностным качествам, как коммуникабельность, доброжелательность, пластичность, инициативность, высокая стрессоустойчивость и пр.

Кроме того, в спортивном волонтерстве очень важно уметь работать в команде, хорошо владеть приемами командной деятельности. Связано это с тем, что на спортивных соревнованиях, как правило, очень много волонтеров, и для того чтобы спортивное волон-

терство увенчалось успехом, необходимо действовать сообща и строго выполнять свои ролевые функции волонтера. На спортивном мероприятии может потребоваться различная помощь: от приветствия зрителей до работы со стартовыми протоколами. В связи с этим, перед каждым спортивным мероприятием для волонтеров проходит специальное обучение. Спортивные волонтеры – это, своего рода, энциклопедии физкультурно-спортивных состязаний. Спортивные волонтеры – это еще и основные представители бренда того или иного физкультурно-спортивного мероприятия, которые изучают и владеют фактической информацией, связанной с проводимыми турнирами и состязаниями.

В связи с тем, что в последние годы в России проходили крупномасштабные спортивные мероприятия, то наша страна обладает большим опытом подготовки спортивных волонтеров. Спортивных волонтеров готовят такие организации, как Ассоциация волонтерских центров России, Национальный фонд подготовки кадров, АНО «Дирекция спортивных и социальных проектов», Ресурсный центр «Мосволонтер».

Заключение

В настоящее время спортивное волонтерство в России также продолжает развиваться. Например, идет набор волонтеров на велофестиваль в Москве, на Игры Героев, различные полумарафоны и другие спортивные мероприятия.

В заключении необходимо отметить, что волонтерство – это новый институт развития общества, школа гражданского сознания и взаимоотношений в государстве. Спортивное волонтерство – это возможность граждан реализовать себя, найти новые знакомства и прикоснуться к масштабному миру спорта.

Литература

1. План мероприятий по развитию волонтерского движения в Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/nAZIqbHceZMHhESKLoqYhyNz94DlfAtk.pdf>

2. Абрамова И.Е., Власов С.Н. Добровольческая деятельность как средство формирования профессиональных компетенций обучающихся медицинского профиля подготовки (на примере студентов РосТГМУ) // Гуманизация образования. 2022. № 1. С. 157–167.
3. Дворникова Е.В., Кошелева А.В. Волонтерская деятельность как важнейшее условие нравственного воспитания современной молодежи // Проблемы Науки. 2015. № 9 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-vazhneyshee-uslovie-nravstvennogo-vospitaniya-sovremennoy-molodezhi>.
4. Корнеева И.Е. Молодежь и благотворительность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2015. № 4.
5. Мерсиянова И.В. Концепция оценки эффективности добровольческой деятельности. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «ВШЭ». М., 2017.
6. Кисиленко А.В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2018. № 1.
7. Зборовский Г.Е. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: Монография / Г.Е. Зборовский, М.В. Певная. 2-е изд. М., 2020. 430 с.
8. Касьянов В.В., Латышева А.Т., Гафиатулина Н.Х. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 61–66.
9. Гафиатулина Н.Х., Косинов С.С., Самыгин С.И. Спортивное движение как эффективное средство развития социального здоровья российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 19–22.
10. Нежина Т.Г., Петухова К.А., Четчина Н.И., Миндарова И.С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 3.
11. Добровольчество и волонтерство в России: традиции и тенденции / А.Ю. Гарашко, Т.Э. Петрова, и др. М., 2018. 110 с.
12. Певная М.В., Кульминская А.В., Широкова Е.А., Шуклина Е.А. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3(163). С. 492–510.
13. Паклина Е.А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев // Труды СПбГИК. 2018. № . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-volonterstvo-kak-innovatsionnyy-vid-deyatelnosti-dobrovoltsev>.
14. Телпаева Д.Ф., Певная М.В. Тенденции в исследовании спортивного волонтерства: управленческий аспект // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 3(27). С. 20–36.
15. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995.
16. Певная М.В. Волонтерство как социологическая категория: определение понятия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya-opredelenie-ponyatiya>.
17. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р «О концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.government.ru>.
18. Аналитический обзор ВЦИОМ. Страна неравнодушных. URL: ht-

[tps://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stranaperavnodushnykh](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stranaperavnodushnykh).

19. Барановский С.Б., Сорокин В.А. Молодежное волонтерское движение в сфере спорта в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 7.
20. Горлова Н.И. Мир спортивного волонтерства. М., 2018. 108 с.
21. Телпаева Д.Ф. Управление спортивным волонтерством: институциональные аспекты: дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2021. 167 с.
22. Волков Ю.Г., Овсий В.В. Особенности институционализации молодежного волонтерства в современном российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (37). № 3. С. 174–185.

VOLUNTEER ACTIVITY AT THE SOCIAL INSTITUTE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT

Kosinov S.S., Planidin E.S., Ovsy V.V.
Southern Federal University

Currently, in Russia, government agencies provide comprehensive support to volunteers and various volunteer organizations, which make the volunteer movement popular among various categories of the population. Since it is sports volunteering that give a strong impetus to the development of the volunteer movement in Russia, the authors of the article turn to the issue of developing volunteer activities in the social institute of physical culture and sports. Sports volunteering are considered from the standpoint of an activity approach. The authors of the work note that sports volunteering is a gratuitous activity (carried out in their free time from work or study) of volunteers as part of various events at the Institute of Physical Culture and Sports, which makes it possible to make a great contribution to solving problems both within the professional and amateur sports. Volunteering in the field of physical culture and sports gives citizens the opportunity to realize themselves, find new acquaintances and touch the large-scale world of sports.

Keywords: volunteering, volunteer movement, Russia, social institution, sports, physical culture, sports events, sports volunteering.

References

1. Action plan for the development of the volunteer movement in the Russian Federation. URL: <http://static.government.ru/media/files/nAZlqbHceZMHhESkLoqYhyNz94DlfAtk.pdf>
2. Abramova I.E., Vlasov S.N. Volunteer activity as a means of forming professional competencies of medical students (on the example of students of Rostov State Medical University) // Humanization of education. 2022. No. 1. Pp. 157–167.
3. Dvornikova E.V., Kosheleva A.V. Volunteer activity as the most important condition for the moral education of modern youth // Problems of Science. 2015. No. 9 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volonterskaya-deyatelnost-kak-vazhneyshee-uslovie-nravstvennogo-vospitaniya-sovremennoy-molodezhi>.
4. Korneeva I.E. Youth and Charity // Civil Society in Russia and Abroad. 2015. No. 4.
5. Mersyanova I.V. The concept of evaluating the effectiveness of volunteering. Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research, Higher School of Economics. M., 2017.
6. Kisilenko A.V. Volunteering: the potential of self-organization of Russian youth // Scientific result. Sociology and management. 2018. No. 1.
7. Zborovsky G.E. Volunteer management: international experience and local practices: Monograph / G.E. Zborovsky, M.V. Pevnaya. 2nd ed. M., 2020. 430 p.
8. Kasyanov V.V., Latysheva A.T., Gafiatulina N. Kh. Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. No. 2. Pp. 61–66.
9. Gafiatulina N. Kh., Kosinov S.S., Samygin S.I. Sports movement as an effective means of developing the social health of Russian youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. No. 3. Pp. 19–22.
10. Nezhina T.G., Petukhova K.A., Chechetkina N.I., Mindarova I.S. Motivation of youth participation in the volunteer movement // Issues of state and municipal management. 2014. № 3.
11. Volunteering and volunteering in Russia: traditions and trends / A. Yu. Garashko, T.E. Petrova, et al. M., 2018. 110 p.
12. Pevnaya M.V., Kulminskaya A.V., Shirokova E.A., Shuklina E.A. Volunteer participation of youth during a pandemic: a portrait

- of a hero of a difficult time // Public opinion monitoring: economic and social changes. 2021. No. 3(163). Pp. 492–510.
13. Paklina E.A. Cultural volunteering as an innovative activity of volunteers // Proceedings of St. Petersburg State Institute of Cinematography. 2018. no. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-volonterstvo-kak-innovatsionnyy-vid-deyatelnosti-dobrovoltsev>.
 14. Telepaeva D.F., Pevnaya M.V. Trends in the study of sports volunteering: managerial aspect // Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal research. 2021. Vol. 7. No. 3(27). Pp. 20–36.
 15. Encyclopedic sociological dictionary / ed. G.V. Osipova. M., 1995.
 16. Pevnaya M.V. Volunteering as a sociological category: definition of the concept // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontyorstvo-kak-sotsiologicheskaya-kategoriya-opredelenie-ponyatiya>.
 17. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 27, 2018 No. 2950-r "On the Concept for the Development of Volunteering (Volunteering) until 2025". [Electronic resource]. URL: <http://www.government.ru>.
 18. Analytical review of VTsIOM. The country of the indifferent. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh>.
 19. Baranovsky S.B., Sorokin V.A. Youth volunteer movement in the field of sports in modern Russian society // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. No. 7.
 20. Gorlova N.I. The world of sports volunteering. M., 2018. 108 p.
 21. Telepaeva D.F. Management of sports volunteering: institutional aspects: diss. ... cand. sociological Sciences. Yekaterinburg, 2021. 167 p.
 22. Volkov Yu.G., Ovsy V.V. Features of the institutionalization of youth volunteering in modern Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2019. V.8 (37). Number 3. Pp. 174–185.

Методологические проблемы развития концепции трансдисциплинарности

Бесова Маргарита Ильинична,

ассистент кафедры высшей математики
Национального Исследовательского Университета
«Московский энергетический институт»
E-mail: BesovaMI@mpei.ru

Курилов Сергей Николаевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры
рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального Исследовательского Университета
«Московский энергетический институт»
E-mail: Kurilov85@mail.ru

Родин Алексей Борисович,

доцент кафедры рекламы, связей
с общественностью и лингвистики Национального
Исследовательского Университета «Московский
энергетический институт»
E-mail: RodinAB@mpei.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы концепции трансдисциплинарности и междисциплинарных связей наук. Излагается история развития концепций междисциплинарности и трансдисциплинарности. Анализируются методологические аспекты развития концепций трансдисциплинарности и междисциплинарности. Раскрываются причины и факторы потребности в современной науке междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов. Обосновывается идея глобального трансдисциплинарного подхода как глобальной науки, стоящей над междисциплинарными связями. Сравняются междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы в вопросе взаимодействия наук. Анализируются факторы формирования методологии трансдисциплинарного подхода. В рамках трансдисциплинарного подхода сравниваются количественные и качественные методы в различных науках, выявляется их специфика. Раскрывается вопрос о дисциплинарных границах наук в свете концепций междисциплинарности и трансдисциплинарности. Исследуется специфика решения научных проблем внутри трансдисциплинарной концепции.

Ключевые слова: трансдисциплинарность, интердисциплинарность, междисциплинарные связи, методология трансдисциплинарности, междисциплинарные исследования, научная проблема, развитие научных дисциплин, глобальная наука.

В современной науке концепция междисциплинарности уже давно закрепляет свои позиции: существует множество научных проблем, которые невозможно решить в рамках одной дисциплины. Объединение специалистов в разных областях для решения общих задач или приобретения навыков из смежной области одним и тем же ученым для решения поставленной проблемы практикуется со времен исследовательской деятельности Исаака Ньютона, Леонарда Эйлера и многих других выдающихся ученых XVII–XVIII столетий. Именно решение задач на стыке двух или более дисциплин дало начало таким новым областям знаний, как математическая физика, эконометрика, социальная философия и пр. В XX веке, с новыми вызовами и научными идеями, стала набирать популярность концепция трансдисциплинарности, введенная Жаном Пиаже. По определению автора данного понятия, в науке «следует ожидать более высокого этапа – трансдисциплинарного, который не ограничится междисциплинарными отношениями, а разместит эти отношения внутри глобальной системы, без строгих границ между дисциплинами» [1]. Пиаже утверждал, что трансдисциплинарность – это качественно иная область знаний, отличная от междисциплинарности. По своей сути, трансдисциплинарность воспринимается как некая глобальная наука, объединяющая в себе все области знаний. Эрих Янч также дополнил картину трансдисциплинарности, добавляя, что данная концепция должна служить «координатором всех дисциплинарных и интердисциплинарных систем обучения и инноваций на основе общего аксиоматического подхода».

Для более глубокого исследования проблематики вопроса необходимо углубиться в предпосылки возникновения необходимости в использовании

междисциплинарного и трансдисциплинарного подхода в научных исследованиях. В статье И. Тоша «Междисциплинарность и трансдисциплинарность – проблемы и директивы» детально изложена история данного вопроса. По мнению автора статьи, с тех пор как Рене Декарт в своем труде «Рассуждение о методе» создал структуру разделения научных знаний, отдельные специальности и научные дисциплины стали вырабатывать и развивать свою особую терминологию, «язык» для каждой из отрасли знаний, произошла потеря целостности картины. Данная концепция научного мировоззрения господствовала в европейской науке не одно столетие. Даже на старте развития строгих границ между дисциплинами такая структура неоднократно подвергалась критике, и многие ученые пытались создать более прочные взаимосвязи между дисциплинами – так, например, автор упоминает Иоганна Генриха Ламберта, который ввел концепцию системы в философию и предпринимал попытки создания теории междисциплинарных взаимосвязей [4].

Среди преимуществ строгого дисциплинарного разделения упоминается механистическая картина мира, обеспечившая значительное развитие прогресса, Первую и Вторую промышленную революции, начало массового производства. К безусловным минусам автор статьи относит междисциплинарные «разрывы», проблемы с научным взаимодействием, поиска оптимальных решений, обмена и налаживания связей между отдельными и разрозненными научными достижениями. Кризис такой теории приходится на XX век.

Только когда в рамках одной отрасли знаний стали появляться неразрешимые проблемы, возникавшие из-за строгого разделения научного знания, методологии и семантики, стали востребованными попытки налаживания связи между дисциплинами. Возникли научные движения, стремящиеся создать наиболее полную и целостную картину научного знания, собрать результаты и важнейшие достижения

в отдельных отраслях науки для более эффективного решения задач в смежных областях. Таким образом, выяснилось, что в разных дисциплинах возникают схожие проблемы и задачи, и с помощью методологии, применявшейся в рамках одной сферы знаний, успешно решаются проблемы также и в другой отрасли научного знания, или даже данные методы могут носить универсальный характер, который позволяет применять наработки абсолютно во всех науках. Возник подход, позволявший обобщать отдельные научные подходы, структуру и взаимосвязи между компонентами научного знания, выработать общий язык, общую методологию и онтологические особенности. Данный подход носит название «теория систем». Однако во второй половине двадцатого века всё больше обретала популярность концепция междисциплинарности как метод объединения достижения различных областей науки для решения одной проблемы. В это же время возникает спрос на относительно недавно сформулированную концепцию трансдисциплинарности [4].

П.М. Гуреев в своей статье «Современная наука и методология трансдисциплинарности» говорит о том, что появление методологии трансдисциплинарности вызвано рядом причин, которые можно классифицировать как внутренние и внешние. К внешним причинам относятся следующие факторы:

- появление исследований, ориентированных на конкретную научную задачу, проводимых при решении практических задач из различных областей знаний;
- наука становится «симбиозом фундаментальных и прагматических исследований»;
- производство знаний приобретает массовый характер, и для этого процесса требуется участие представителей различных дисциплин;
- формирование социальных институтов, обеспечивающих восприятие, накопление, распределение и применение научных данных

Внутренней причиной создания методологии трансдисциплинарности, по мнению П.М. Гуреева, является увеличение проблемных исследований, в которых классические (дисциплинарные) формы научного знания сочетаются с трансформацией научного опыта с появлением трансдисциплинарных конфигураций. Таким образом, распространение идеи трансдисциплинарности имеет надежное логическое обоснование.

Б. Николеску, последователь трансдисциплинарной методологии, выделяет три его основных принципа:

- исследуемая реальность считается многоуровневой, то есть развитие любого процесса описывается на нескольких уровнях одновременно, моделируя динамику данного процесса;
- в логике исследований противоположные понятия не противопоставляются, а дополняют друг друга, включаясь в процесс общего синтеза информации;
- сложность мира становится неразрывно связана со сложностью человеческого знания [2].

Л.П. Киященко приводит рассуждения о том, что потребность в трансдисциплинарных исследованиях возникает в таких познавательных ситуациях, где научный разум выходит в особую сферу, граничащую с жизненной практикой [3].

Также в теории трансдисциплинарности привлекает факт различной направленности исследований для одной и той же задачи: помимо горизонтальных связей, вводятся вертикальные измерения, содержащие структурные взаимосвязи с социальной и практической деятельностью человека, феноменами, встречающимися в повседневной жизни. Размерность изучаемой реальности увеличивается, научный разум выходит в область практических задач, и трансдисциплинарность начинает восприниматься как новый тип воспроизводства знаний.

Однако хотелось бы задуматься над некоторыми, пока не разрешенными

вопросами в теории трансдисциплинарности, а также сравнить трансдисциплинарный подход к научным исследованиям с классическим междисциплинарным подходом.

Первый вопрос, возникающий при рассмотрении концепции трансдисциплинарности, буквально лежит на поверхности. Если научная проблема изучается как некий «слоеный пирог» (то есть сразу на нескольких уровнях), и в то же время границы между дисциплинами практически перестают существовать, то, где найти источник того универсального знания, которое удовлетворяло бы всем подзадачам на различных уровнях динамики процесса? Следует ли при подготовке научных кадров также отказаться от узкой (или даже достаточно широкой для решения междисциплинарных задач) специализации и выпускать ученых общего профиля, нацеленных на анализ информации? Но, делая акцент на широкий обзор научной проблемы вне рамок определенных дисциплин, научный коллектив зачастую оказывается не способен оценить те аспекты исследуемой задачи, которые могут охарактеризовать только более узкие специалисты, рассматривающие проблемы исключительно в рамках своей дисциплины или на стыке двух смежных областей знаний. Рассмотрение всех затрагиваемых в исследовании дисциплин в совокупности должно помогать охватить проблему во всех ракурсах, но без выделения главенствующих, наиболее весомых задач, связанных со сферой деятельности той или иной дисциплины, результат может оказаться прямо противоположным. То есть размерность изучаемой реальности становится не более объемной, а, напротив, итогом стирания границ между дисциплинами может стать плоский срез «вершины айсберга», уводящий исследователей лишь дальше от квалифицированного решения проблем.

И. Тош в своей работе считает сомнения и «страх» ученых переступить границы между дисциплинами для экспертных оценок в других областях толь-

ко проблемой мнения и мировоззрения, сформировавшихся в результате многовекового разделения дисциплин [4]. Отчасти, по мнению авторов данной статьи, это действительно создает препятствия в расширении научного мировоззрения, однако в силу той же культурной особенности развития науки по отдельным структурно-предметным ветвям, глубокие компетенции специалистов по-прежнему остаются в рамках одной дисциплины. Компетенции в других отраслях знаний (или даже в относительно похожих сферах) могут быть, по сути, номинальными, что, как было сказано выше, может привести к научным заблуждениям, трате времени на исследование неверны гипотез, субъективность оценок с перевесом в рассмотрении с точки зрения определенных отраслей знаний в ущерб другим сферам научного и практического знания.

В данном случае концепция междисциплинарности показывает лучшие результаты по сравнению с трансдисциплинарностью (впрочем, по мнению авторов данной статьи, это не исключает доработки недостатков трансдисциплинарного подхода в будущем): по сути, специалисты имеют возможность работать в своей узкой области, и объединение результатов исследований в нескольких областях происходит путем более плавного перехода от результатов исследований в разных областях знаний к практическим выводам. В итоге могут даже образовываться новые дисциплины, образовавшиеся как слияние двух отраслей знаний, смежных друг с другом. Однако этот подход всё же подразумевает объединение компетенций, и полномочия по экспертным оценкам, таким образом, находят в относительном равновесии между членами экспертных групп.

Стоит также упомянуть немаловажный фактор, являющийся также немаловажным препятствием к распространению как междисциплинарных, так и трансдисциплинарных исследований. Это, безусловно, доступ к информации. Начиная со средних веков, обладание

неким эксклюзивным знанием было также и источником дополнительного капитала. Также существует «секретное знание», закрытое от общего доступа для защиты интересов определенной группы. Коммерческие компании и государственные структуры не раскрывают научные знания и практические ноу-хау, что сильно влияет на решение научных проблем в целом на международном уровне. Таким образом, многие специалисты при взаимодействии друг с другом для решения общей проблемы, изначально ограничены в распространении информации, так как эти ограничения могут быть наложены, к примеру, их работодателем. Также есть возможность, что, даже не будучи ограниченными руководством своей организации или внутренними правилами своего государства, иногда исследователи могут сознательно не делиться идеями для коллабораций, опасаясь присвоения их интеллектуальной собственности другими членами научной группы и использованием их в коммерческих целях.

Новый уровень научного знания подразумевает новый уровень ответственности ученого. Размытие дисциплинарных границ приводит к противоречиям в оценке результатов исследования. Даже в теории междисциплинарных исследований возникает проблема выбора грамотного модератора исследований. При попытке рассмотрения концепции трансдисциплинарности проблема грамотного руководства и объективной оценки результатов встает еще более остро. При отсутствии строгой иерархии между дисциплинами, относящимися к данной научной задаче, можно прийти к неверным и необъективным выводам. Часто именно структурированность и четкая последовательность в рассмотрении уровней задачи, а не попытка исследователей охватить все отрасли знаний в равной степени, помогает лучше восстановить картину процесса.

Следует также обратить внимание на сложность исследуемой проблемы. И. Тош характеризует два типа сложных задач: «сами по себе» сложные задачи

и «задачи, сложные в глазах исследователя», основанные на их восприятии или их неспособности решить задачу из-за относительно узкого взгляда на проблему, ограниченного рамками специфической дисциплины [4]. В данном случае также следует разделить междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы. В междисциплинарном подходе сложность проблемы действительно может вставать более остро, поскольку специалисты разных областей могут более четко осознавать недостаток своих компетенций в смежных или не связанных с их наукой областях. Однако это явление можно скорректировать: например, увеличив количество специалистов в отрасли, где ощущается острая нехватка компетенций, или усилением взаимодействия между учеными смежных областей. Если же рассматривать тенденцию к «универсальности науки», то, по субъективным оценкам «изнутри проекта», проблема сложности задачи может стоять не так остро или даже не стоять вовсе, поскольку специалисты нацелены скорее на «исследование вширь», чем на «исследование вглубь», однако объективно проблема решения комплексных задач остается достаточно серьезной, поскольку при таком подходе анализ информации и метод построения решения могут быть несовершенными и не учитывать некоторых факторов, которые более узкие специалисты могли бы заметить в рамках рассмотрения проблемы с точки зрения своей области знаний.

Одним из примеров проблем, возникающих в концепции трансдисциплинарности, также являются разные подходы к рассматриваемой общей проблеме, продиктованными спецификой методологий в разных областях знаний. Например, количественные методы, основанные на измерениях и статистических данных, в большинстве научных работ имеют большую научную ценность, нежели качественные оценки и аналитические выводы. Отсюда, например, по мнению И. Тоша, многие исследования в гуманитарных науках

не были признаны научными, поскольку использовали качественные описания и не опирались на количественные оценки.

Таким образом, одной из наиболее остро стоящих проблем в методологии исследований, является столкновение количественных и качественных методов экспертизы результатов исследований. Остается нерешенной проблема синтеза результатов и степени влияния специфических аспектов, изучаемых различными отраслями научного знания.

Для междисциплинарных исследований степень затруднительности оценки определяется напрямую единообразием выработанных общих методов исследования и оценки результата. В трансдисциплинарном случае это, скорее, вопрос предварительного изучения компетенций каждого из участников проекта, поскольку границы между дисциплинами в данном подходе уже изначально размыты, и необходим достаточно точный инструментарий и универсальные компетенции ученых, чтобы оценить степень взаимного влияния различных явлений и процессов, возникающих в ходе исследуемой задачи.

Также к основным проблемам стоит отнести определение степени влияния тех или иных конкретных участников проблемы в междисциплинарной коллаборации; для трансдисциплинарных взаимосвязей, концепция которых состоит в рассмотрении проблемы одновременно на всех уровнях, к этой проблеме добавляется также определение структурных уровней динамики исследуемого процесса. В междисциплинарных исследованиях это сделать легче: представляется возможным выделить одну отрасль знаний, которая является наиболее значимой для данной проблемы, и специалисты в этой области смогут выступать модераторами в научном сообществе в пределах своих компетенций. Вторым способом является постоянное взаимодействие и оценка результатов всеми участниками процесса, что позволяет изучить динамику процесса и возможные тенденции измене-

ния иерархии дисциплин в исследовании на разных его этапах. В условиях трансдисциплинарных исследований структура иерархии компетенции более сложна и изменчива.

Любые актуальные задачи – как, например, оценка явления информатизации современного общества, эффективность ликвидации экологических катастроф, проблема целесообразности клонирования живых организмов – должны, несомненно, решаться, не ограничиваясь рамками лишь одной сферы знаний. Но трансдисциплинарный подход в изучении подобных проблем, в отличие от междисциплинарного сотрудничества, подразумевает либо множество штатов специалистов, обладающих всем набором знаний только по данной практической проблеме, либо единый штат, призванный решать различные по своей тематике научные проблемы. В первом случае при более детальном изучении задачи также требуется помощь ученых, работающих в рамках одной специальной дисциплины. Во втором случае при попытке решать отличающиеся по тематике проблемы одним и тем же научным коллективом может снова возникнуть слишком субъективная – и даже малокомпетентная – оценка результатов, о которой уже говорилось выше, или поиск путей решения может быть не расширен, а сильно сужен.

Идея функционирования всех дисциплин как единого целого при решении научных задач действительно представляется очень заманчивым явлением, однако, по мнению авторов статьи, междисциплинарные исследования на сегодняшний день являются более эффективным методом решения практических проблем. Развитие любой отдельной дисциплины служит отличной отправной точкой для междисциплинарных задач и позволяет применить конкретные знания для научных проблем, задействовав все уровни и аспекты сформировавшейся задачи и точно так же, не нарушая целостности динамики процессов, как и при явлении трансдисциплинарности.

Литература

1. Igor Toš. Inter- and transdisciplinarity problems and guidelines. *Collegium Atropologicum*. Vol.45, Issue 1, 2006. Pp. 67–73.
2. Nicolescu B. The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity. [Электронный ресурс] http://basarab.nicolescu.perso.sfr.fr/ciret/ARTICLES/Nicolescu_fichiers/MSH15062009.htm#_ftn1 (дата обращения 1.06.2022).
3. Гуреев П.М. Современная наука и методология трансдисциплинарности //М.: Вестник ГУУ, 2013. – № 1. – С. 3–14.
4. Л.П. Киященко. Феномен трансдисциплинарности – опыт философского анализа. *Santalka: Filosofija*. – Т.1, № 14, 2006. – С. 15–21.
5. Мокий М.С., Мокий В.С. Трансдисциплинарность в высшем образовании: экспертные оценки, проблемы и практические решения. – М.: 2014–50 с.

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF TRANSDISCIPLINARITY

Besova M.I., Kurilov S.N., Rodin A.B.

Moscow Power Engineering Institute (MPEI)

The article deals with topical issues of the concept of transdisciplinarity and interdisciplinary connections of sciences. The history of the development of the concepts of interdisciplinarity and transdisciplinarity is outlined. The methodological aspects of the development of the concepts of transdisciplinarity and interdisciplinarity are analyzed. The reasons and factors of the need for modern science of interdisciplinary and transdisciplinary approaches are revealed. The idea of a global transdisciplinary approach is substantiated as a global science standing above interdisciplinary connections. Interdisciplinary and transdisciplinary approaches are compared in the issue of the interaction of sciences. The factors of formation of the methodology of the transdisciplinary approach are analyzed. Within the framework of the transdisciplinary approach, quantitative and qualitative methods in various sciences are compared, their specificity is revealed. The question of the disciplinary boundaries of sciences is revealed

in the light of the concepts of interdisciplinarity and transdisciplinarity. The specificity of solving scientific problems within the transdisciplinary concept is investigated.

Keywords: transdisciplinarity, interdisciplinarity, interdisciplinary connections, methodology of transdisciplinarity, interdisciplinary research, scientific problem, development of scientific disciplines, global science.

References

1. Igor Tos. Inter- and transdisciplinarity problems and guidelines. *Collegium Atropologicum*. Vol.45, Issue 1, 2006. Pp. 67–73.
2. Nicolescu B. The Relationship between Complex Thinking and Transdisciplinarity. [Electronic resource] http://basarab.nicolescu.perso.sfr.fr/ciret/ARTICLES/Nicolescu_fichiers/MSH15062009.htm#_ftn1 (Accessed 01.06.2022).
3. Gureev P.M. Modern science and methodology of transdisciplinarity // M.: Bulletin of the State University of Management, 2013. – No. 1. – P. 3–14.
4. L.P. Kiyashchenko. The phenomenon of transdisciplinarity is an experience of philosophical analysis. *Santalka: Philosophy*. – T.1, No. 14, 2006. – S.15–21.
5. Mokiy M.S., Mokiy V.S. Transdisciplinarity in higher education: expert assessments, problems and practical solutions. – M.: 2014–50 p.

Управление научно-исследовательской деятельностью студентов: социальный кейс

Аргучинцев Александр Валерьевич,

профессор, доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой вычислительной математики и оптимизации Института математики и информационных технологий Иркутского государственного университета
E-mail: arguch@list.ru

Малых Светлана Владимировна,

доцент, кандидат исторических наук, кафедра русского языка и общего языкознания, Институт филологии иностранных языков и медиа коммуникаций Иркутского государственного университета
E-mail: lana.malyx@bk.ru

В статье приводятся результаты исследования особенностей, задач и форм развития научно-исследовательской деятельности студентов. Анализируется эффективность дополнительного программного обеспечения научно-исследовательской и проектной деятельностью, которая осуществлялась целенаправленно, для реализации социального эксперимента по повышению активности студентов магистрантов в указанных сферах деятельности. Результаты исследования доказывают положительную динамику и возможность применения разработанной программы работы со студентами для развития научных и проектных навыков магистрантов.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, студенты, социальный кейс, социология управления, социальное моделирование, научное творчество.

Говоря о развитии научно-исследовательской деятельности студентов, обычно указывают на проектные навыки, навыки проведения исследований и умения их предъявлять в научном сообществе. Научная деятельность студентам важна для того, чтобы полученные знания в университете они могли творчески переосмысливать, развивать и в результате этого, собственно, и получается научный прогресс. Научный поиск, исследовательский опыт – это то, что начинается после получения необходимых знаний, опыта и навыков, чтобы развиваться дальше надо расширять границы своего сознания, получать новый опыт, осмысление и инсайты.

Занимаясь научно-исследовательской деятельностью, студенты самостоятельно работают со специализированной литературой, выходящей за круг обязательной в рамках учебного процесса. Это позволяет расширять кругозор и представления по своей специальности и выходить за ее в сферу междисциплинарных исследований.

Также, полученные знания можно применять на практике, применяя к поставленным задачам, моделировать инструментарий, подходы и методы. Это то, расширяет сознание, дает возможность нестандартно мыслить и пробовать новые идеи в известных истинах. Это то, что называется прогрессом и проверкой истинности старых аксиом.

Умение научно мыслить не рождается в одночасье, это процесс последовательного осмысления, рефлексии и развития. Он происходит через планомерное и постепенное применение на практике тех знаний, что уже получены, их критическое осмысление и конструирование нового.

С позиции социологии управления и социального моделирования через использование научно-исследовательской деятельности происходит специальное создание условий для развития

критического мышления и формирования условий для развития научного творческого потенциала, позволяющего студенту выходить за свои собственные рамки мышления, а при регулярной научно-исследовательской работе – выходить за рамки мышления и других ученых. Понимая научный язык, условия и механизмы работы внутри данного сообщества – студенты приобщаются к культуре научного диалога, научной дискуссии, которая формирует научный стиль мышления и готовность отстаивать свои убеждения на практике.

Существуют формальные научно-метрические показатели вовлеченности и развитости научно-исследовательской деятельности студентов (количество публикаций в РИНЦ, ВАК, индекс Хирша и т.д.), а также субъективные показатели, которые строятся на уровне собственной удовлетворенности, интересе к тематике исследований и их последующей апробации. Некоторые ученые говорят о необходимости учета образовательного потенциала молодежи, вовлекаемой в научно-исследовательскую деятельность (И.А. Журавлева [6,7], О.А. Полюшкевич [11,12]) или же роли дистанционного образования в развитии научно-исследовательских навыков студентов (Р.В. Иванов [8], С.В. Малых [9,10]), о внешних условиях, влияющих на сознание современников (Р.Г. Ардашев [1–5]), собственно в развитии исследовательских навыков студентов (А.Н. Пружинин [13]) но все они сходятся во мнении, что онлайн и оффлайн формат обучения, личные и социальные установки, доминирующие в обществе выступают лишь основой для социального развития научного творчества студентов.

Сама по себе научная работа студентов может находить реализацию в классическом варианте в виде написания курсовых и дипломных работ, а также подготовка к семинарам и лекториям, лабораторным работам и научным конференциям, участие в олимпиадах и научно-исследовательских кружках, также как и прохождение практики (в зависимости от специальности).

Особенности организации исследовательского кейса

В рамках грантовой программы Фонда Потанина в 2020–2021 годах нами была реализована программа для развития по управлению научной и проектной деятельностью студентов. Дополнительная работа со студентами велась через организационную, методическую, регулятивную составляющие, которые оформились в лекционные занятия раз в неделю и индивидуальные и групповые консультации по индивидуальным исследованиям и проектам также раз в неделю.

Организационная выразилась в техническом сопровождении, организации информационно-просветительских курсов и лекций по развитию научных и проектных стратегий мышления и организации работы.

Методическая нашла свое отражение в построении логики научно-исследовательской и проектной работ, которые соответствуют теоретико-методологической основе того подхода, который приземлим к теме исследования.

Регулятивная составляющая отразилась в научном диалоге между преподавателем и студентами, позволившая выработать интерес, навык и логику построения исследования и последующей ее апробации.

Исследование проводилось среди магистрантов – на входе при начале обучения в магистратуре и на выходе (по ее окончании). В рамках программы осуществлялась дополнительная работа по просвещению и кураторству студентов по освоению научной и проектной работы. В исследовании приняло участие 160 человек в возрасте 22–25 лет, 60% девушек и 40% юношей. Исследование проходило в виде полуструктурированного анкетирования (практически на каждый вопрос, помимо предлагаемых вариантов ответов необходимо было дать свой развернутый комментарий по сути вопроса). Это позволило использовать при анализе качественную методологию, зафиксировавшую символические

смыслы изменений в оценках научно-исследовательской деятельности, а результат реализации данного проекта может считаться кейсом.

Результаты реализации проекта

На начальном этапе исследования, у большей части опрошенных был минимальный опыт научно-исследовательской деятельности, сводимы к обязательным по программе написанию рефератов и курсовых работ (75%). Некоторые результаты были только у 15% опрошенных (в виде участия в коллоквиумах, научных дискуссиях, с последующей публикацией материалов) и только у 10% были научные результаты в виде опубликованных статей в рецензируемых журналах и материалах конференции.

После завершения работы по программе, у 75% опрошенных были научные статьи в разного уровня изданиях (причем, половина из них в России, а вторая – за рубежом), некоторые результаты, в виде участия в лекториях и на дискуссионных площадках у 25%. Иными словами, все студенты качественно повисли свой уровень включенности в научную и проектную работу, так как не было ни одно, у кого остался бы только минимальный формализованный уровень научно-исследовательской деятельности (эссе, рефераты, курсовые и дипломные работы), все студенты смотрели и смотрят значительно шире и глубже на данную сферу деятельности.

В проектной деятельности до начала реализации гранта участвовало 10% опрошенных, 15% являлись участниками проектов других ученых и только 2% (один человек) был руководителем своего гранта. После его завершения, в проектную деятельность вошло 55% опрошенных, участниками проектов других ученых стали 33%, руководителями собственных проектов стали 12%.

Интересным фактом стало то, что знакомство с возможностями научной библиотеки ИГУ стало также более полномасштабным и глубоким во время реализации проекта. До начала реализации проекта треть студентов (32%)

абсолютно не знало о ее возможностях, после реализации таких вообще не было, поверхностно были знакомы, но не работали в ней более половины (52%), работали с электронными ресурсами лишь 14%, активно работали, имели читательский билет 12%. После реализации проекта, регулярно работать с электронными ресурсами стали 96% респондентов, и все завели читательский билет и регулярно посещают ее (100%).

Знакомство с электронными библиотечными системами (ЭБС) и информационно-математическими системами также стало весьма красноречивым показателем качества реализации проекта. До проекта, абсолютно не знакомых с электронными библиотечными системами было 30% и хорошо с ними было знакомо 20%, остальные же 50% были поверхностно знакомы. После реализации все опрошенные отмечают свой хороший уровень работы в электронных библиотечных системах.

До проекта абсолютно не знакомых с системами цитирования не было. По крайней мере, слышали о них все. Но хорошо знало только 25%, а 75% имели лишь поверхностное знакомство. После реализации проекта все 100% респондентов отметили хорошее знание систем цитирования.

Знакомство с проектным управлением (Классическое проектное управление, Методы Agile, Lean, Six Sigma (Шесть сигм), Kanban) также показало существенную качественную динамику. Абсолютно не были знакомы ни с какими проектными системами треть студентов (30%), после реализации таких не осталось. Практически все были поверхностно знакомы 70%, хорошо знакомых с этим видом деятельности не было. После реализации картина изменилась: поверхностно знакомых осталось 20%, а 80% стали хорошо быть знакомы.

Знакомство с программным обеспечением для управления проектами (MS Project, OpenProj, FreeMind, ABC Roster) выявило ту же тенденцию. Абсолютно не знакомых с программным

обеспечением была четверть (25%), поверхностно знакомы 70%, хорошо знакомы только 5%. После реализации программы, поверхностно знакомых осталось 10%, 90% указали, что хорошо разбираются с программным обеспечением для управления проектами.

Знакомство с языками программирования (Python, JavaScript, C, C++, Visual Basic, Встроенный язык 1С, Встроенный язык системы MATLAB) показало чуть более лучшую картину перед началом проекта: абсолютно не знакомых было 10%, поверхностно знакомы 85%, и 5% хорошо знакомы. После реализации проекта, не знакомых с языками программирования не осталось, 12% поверхностно знакомы и 88% хорошо знакомы.

Знакомство с методами обработки данных (Microsoft SQL Server, Microsoft Access, Oracle Database, ERWin Data Modeler) выявило достаточно печальные результаты. Абсолютно не знакомы 65%, поверхностно знакомы 35%. После проекта, поверхностно знакомы 30%, хорошо знакомы 70%.

Весьма показательным является желание участвовать в научной работе, выходящей за рамки обязательных требований для магистрантов, под руководством преподавателей ИГУ. Если до проекта такое желание было лишь у четверти студентов (25%), то после у 75%. Увеличение количества желающих в три раза, на наш взгляд, выступает основным показателем успешности внедрения и развития научно-исследовательской и проектной деятельности среди студентов магистрантов.

Обсуждение результатов социального кейса

Количественные данные показывают на положительные трансформации среди студентов-магистрантов в сфере занятий научно-исследовательской и проектной деятельностью. Изменился как их показатель научной активности в параметрах количественных данных (количество публикаций, индекс Хирша), так и качественных – существенно возрос

уровень осознанности и понимания для чего нужна научно-исследовательская и проектная деятельность, как их правильно проводить, направлять и формировать, и получать ожидаемые результаты.

Анализируя комментарии участников исследования, успех их научных и проектных данных вызван не только информационно-просветительской составляющей (32%), но личностью и харизмой куратора данного проекта (42%), а также примерами других педагогов, кто является ориентиром для студентов (26%).

Конечно, такая плотная целенаправленная работа по формированию у нас конкретных знаний, как, почему и для чего необходимо заниматься научной и проектной работой не могла остаться без достойного результата. Но и личность того, кто это вел – имела не последнее значение. Его авторитет и уровень цитирования его работ внушает уважение. Не только общероссийская, но и мировая известность создают безусловный уровень доверия и ориентир личного и профессионального роста. (И.Б., 23 года).

Посещая занятия в рамках данного проекта, я смогла прямо иначе посмотреть на научную деятельность, более того, я себя смогла увидеть в новом свете – увидела не просто возможности, но и хорошие шансы для научного и социального признания, как это сделали другие педагоги или наш куратор по проекту. Сухие факты и цифры важны, но когда видишь реальных людей, которые смогли эти цифры сделать факторами личного признания, славы и уважения, то невольно получаешь точный ориентир того – а куда мне надо стремиться. Это не просто научный проект и способ лучше освоить проектную и научную деятельность, этот проект нацелен на формирование четких жизненных целей, которые касаются научной и проектной работы. (М.А., 24 года).

Учебный, а затем и научный диалог, который смогли построить организатор и кураторы проекта стали основой для создания особой атмосферы, в рамках

которой научно-исследовательская и проектная деятельность перестали быть формальными сухими цифрами, а стали пространством реализации личных и социальных возможностей, интересов и амбициозных задач не только именитыми профессорами, но теми, кто стоит в начале своего научного пути – студентами – магистрантами.

У меня и ранее вели разные предметы те, кто вел наш проект по развитию научной и проектной деятельности. Но только на этих занятиях я смог увидеть всю суть научного поиска, формирование научного диалога с незримыми оппонентами, с теми, кто может что-то противопоставить твоим идеям и доказать обратную точку зрения. Это как игра в шахматы, где победа конечно важна, но не менее ценен и процесс. Хорошая партия – это та партия, где интересно играть, а не только побеждать. Вот так и с научной деятельностью – сейчас для меня важно играть, потому что мне помогли встать на позицию диалога. И не важно, какой темой или тематикой я буду заниматься, важно то – что мне это интересно, а все недостающие знания можно получить, был бы интерес. (Н.А., 25 лет).

Умение вести научный диалог стало основой моего интереса и к предмету, и к кураторам и организатору данного проекта. Это тот пример, когда идея одного стала смыслом для многих, и жизнь всех изменилась. Умение заразить навыком научно-исследовательской и проектной деятельности – это как найти способ второго рождения. Для меня научная работа стала открытием, и я серьезно думаю о продолжении научной карьеры. (В.В., 25 лет).

Итак, начатая работа в рамках проекта Фонда Потанина позволила на методологическом уровне заново посмотреть на внедрение научно-исследовательских и проектных навыков в учебный процесс, позволить студентам иначе смотреть на научную и проектную работу, видеть для себя в ней новые возможности и перспективы (от финансовых, до карьерных,

лично-амбициозных и социально одобряемых), а не то, что ограничивает и отягощает время обучения в вузе. Этот выбор фокуса внимания для многих студентов стал открытием и позволяет выходить на новый уровень методического и методологического освоения современных методов научно-исследовательской и проектной деятельности.

Выводы

Таким образом, дополнительные занятия по проектной и научной деятельности в рамках гранта Фонда Потанина показали хорошие результаты в виде увеличения формальных и неформальных показателей научно-исследовательской деятельности студентов. Реализация подобных программ может стать основой для социального моделирования научно-исследовательских навыков студентов.

Внешние условия меняют условия жизни студентов, научная работа при этом может стать основой для успешной социализации, развития мышления и новых навыков исследовательской работы. Приведенные положительные результаты могут стать социальным кейсом развития научного потенциала университетского сообщества.

Результаты реализованного проекта указывают на существенный рост в количественных и качественных показателях студентов-магистрантов в научно-исследовательской и проектной деятельности. А также их личные трансформации, связанные с переоценкой и переосмыслением научной и проектной деятельности, которые связаны с личными примерами и харизмой преподавателей-участников данного проекта и их личной заинтересованностью и успешностью ведения научно-исследовательской и проектной деятельности. Результатом этого стал пересмотр личных профессиональных и социальных планов магистрантов, которые для себя увидели серьезные перспективы в сфере занятий научной и проектной работой.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Феноменология рационального и иррационального мышления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21. № 2. С. 120–124.
2. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
4. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысложизненных ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
5. Ардашев Р.Г. Влияние пандемии коронавируса на особенности мышления россиян // Вестник развития науки и образования. 2020. № 1. С. 46–55.
6. Журавлева И.А. Ресурсно-образовательный потенциал современной молодежи // Социология. 2020. № 1. С. 279–286.
7. Журавлёва И.А. Социальные рамки образовательных и трудовых перспектив российской молодежи // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 264–274.
8. Иванов Р.В. Дистанционное высшее образование: роль виртуальных составляющих // Роль социального образования в развитии института общественного мнения в условиях глобальных вызовов. Научно-методические материалы. Иркутск, ИГУ, 2016. С. 107–109.
9. Малых С.В. Проблемы дополнительного образования // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Хабаровск, 2020. С. 974–980.
10. Малых С.В. Цифровизация обучения в университете: социальные эффекты и риски // Философия и культура информационного общества. Восьмая международная научно-практическая конференция. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения. Санкт-Петербург, 2020. С. 412–413.
11. Полюшкевич О.А. Освоение качественной методологии в процессе научно-исследовательской деятельности студентов // Научно-исследовательская деятельность студентов как эффективный механизм профессионализации и адаптации к рынку труда. Материалы межвузовской научно-практической конференции. 2015. С. 142–147.
12. Полюшкевич О.А. Социологическое воображение в научно-исследовательской работе // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 7–10.
13. Пружинин А.Н. Развитие исследовательских навыков студентов // Перспективы изучения социальной реальности. Сборник научных статей. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, О.А. Эдельштейн, Г.В. Логуновой. Иркутск, ИГУ, 2021. С. 19–25.

MANAGEMENT OF STUDENT RESEARCH ACTIVITIES: SOCIAL CASE

Arguchintsev A.V., Malykh S.V.
Irkutsk State University

The article presents the results of a study of the features, tasks and forms of development of students' research activities. The effectiveness of additional software for research and project activities, which was carried out purposefully, for the implementation of a social experiment to increase the activity of undergraduate students in these areas of activity, is analyzed. The results

of the study prove the positive dynamics and the possibility of using the developed program of work with students to develop the scientific and design skills of undergraduates.

Keywords: research activity, students, social case, sociology of management, social modeling, scientific creativity.

References

1. Ardashev R.G. Phenomenology of rational and irrational thinking // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2021. V. 21. No. 2. S. 120–124.
2. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // Alma mater (Vestnik vysshei shkoly). 2021. No. 5. S. 31–34.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 152–156.
4. Ardashev R.G. Virtualization in the new meaningful life orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021, pp. 130–134.
5. Ardashev R.G. Influence of the coronavirus pandemic on the peculiarities of the thinking of Russians // Bulletin of the development of science and education. 2020. No. 1. S. 46–55.
6. Zhuravleva I.A. Resource and educational potential of modern youth // Sociology. 2020. No. 1. S. 279–286.
7. Zhuravleva I.A. Social Framework of Educational and Labor Perspectives of the Russian Youth // The Problem of Correlation between the Natural and the Social in Society and Man. 2019. No. 10. S. 264–274.
8. Ivanov R.V. Distance higher education: the role of virtual components // The role of social education in the development of the institute of public opinion in the context of global challenges. Scientific and methodical materials. Irkutsk, IGU, 2016, pp. 107–109.
9. Malykh S.V. Problems of additional education // Telecommunication technologies: Actualization and solution of the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. Khabarovsk, 2020. S. 974–980.
10. Malykh S.V. Digitalization of education at the university: social effects and risks // Philosophy and culture of the information society. Eighth International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. St. Petersburg, 2020, pp. 412–413.
11. Polyushkevich O.A. Mastering Qualitative Methodology in the Process of Students' Research Activity // Student Research Activity as an Effective Mechanism of Professionalization and Adaptation to the Labor Market. Materials of the interuniversity scientific-practical conference. 2015. S. 142–147.
12. Polyushkevich O.A. Sociological imagination in research work // Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelstein, G.V. Logunova. Irkutsk, IGU, 2021. S. 7–10.
13. Pruzhinin A.N. Development of research skills of students // Prospects for the study of social reality. Collection of scientific articles. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, O.A. Edelstein, G.V. Logunova. Irkutsk, IGU, 2021, pp. 19–25.

Патриотическое воспитание в современном российском обществе: особенности и проблемы развития

Калинич Владислав Сергеевич,

ассистент кафедры современной социологии
социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Верпатова Оксана Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и социальных технологий Тверского
государственного технического университета
E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Данная статья посвящена особенностям и проблемам патриотического воспитания граждан современной России. Особую актуальность данный вопрос обрел в связи со стремительным ростом геополитической напряженности в мире, усилением противостояния нашей страны со странами «Коллективного Запада». Эффективное и гармоничное патриотическое воспитание граждан, в первую очередь – молодежи, становится вопросом национальной безопасности России, её существования как независимого государства и благополучного развития нашего социума в настоящем и будущем.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, молодежь, безопасность, молодежная политика, современное общество, социологическое исследование.

Проблема патриотического воспитания молодежи активно обсуждается как в общественном поле, так и в поле научного дискурса. Эту проблему неоднократно на протяжении длительного периода времени поднимали в своих работах социологи, педагоги, психологи, политологи, историки, философы и другие представители социальных и гуманитарных наук. В частности, к ней обращались Асеев А.Ю., Качусов Д.А.¹, Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю.², Павлов А.В.^{3,4}, Шаповалова А.М., Вагина В.О.⁵, Яковлев Р.О.⁶, Левашов В.К.⁷, Голунов С.В.⁸, Гарашкина Н.В., Дружинина А.А.⁹, Кочкина Т.В.¹⁰.

¹ Асеев С.Ю., Качусов Д.А. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 97–106.

² Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 118–129.

³ Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. С. 175–191

⁴ Павлов А.В. Патриотизм: социально-философский подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 83–94.

⁵ Шаповалова А.М., Вагина В.О. Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве // Caucasian Science Bridge. 2021. № 3 (13). С. 44–52.

⁶ Яковлев Р.О. Исторические этапы развития патриотического воспитания в России // Наука и школа. 2017. № 2. С. 169–174.

⁷ Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий / Социологические исследования. 2006, № 8, С. 1–21.

⁸ Голунов С.В. Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичность и практики // Известия АлтГУ. 2021. № 6 (122). С. 62–66.

⁹ Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи // Вестник ТГУ. 2021. № 193. С. 134–140.

¹⁰ Кочкина Т.В. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Калининград-

Кузнецов А.С.¹¹, Стрелецкий Я.И., Сидоренко Н.С.¹², Тимофеев А.А.¹³, и другие. За последние годы актуальность дальнейшего развития данного направления воспитания современных граждан и особенно молодежи, заметно возросла и имеет ряд очевидных причин.

Во-первых, давно назрела насущная необходимость систематизировать имеющиеся практики патриотического воспитания. Речь идёт о практике, которую осуществляют сохранившиеся с советских времен институты патриотического воспитания: военно-патриотические клубы, объединения, поисковые отряды и пр., которые проводят военно-спортивные игры «Зарница», «Орленок», вахты памяти и многие другие мероприятия, традиционно проходящие на протяжении десятилетий и объединяющие тысячи детей и подростков по всей России. В последнее 20-летие в нашей стране появилось значительное количество новых участников этой важной работы: в первую очередь, это Всероссийское движение «Юнармия», общероссийское общественное движение «Поисковое движение России», российское военно-историческое общество и многие другие. Новые участники включаются уже в существующие мероприятия и организуют свои. На современном этапе систематизация патриотического воспитания позволит повысить эффективность и вовлеченность граждан в эту деятельность.

Во-вторых, сложившаяся геополитическая ситуация открытых угроз со сто-
ский вестник образования. 2021. № 2. С. 62–71.

¹¹ Кузнецов А.С. Патриотическое воспитание: теоретико-методологические проблемы педагогического исследования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 118–122.

¹² Стрелецкий Я.И., Сидоренко Н.С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6. С. 1–6.

¹³ Тимофеев А.А. Организационно-педагогические условия взаимодействия социальных институтов в формировании патриотической культуры учащейся молодежи // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 1 (91). С. 98–109.

роны стран «Коллективного Запада» делает направление патриотического воспитания приоритетным направлением государственной молодежной политики в России. Повышение внимания к патриотическому воспитанию может способствовать включению в эту деятельность большего количества субъектов воспитательной работы и позволит увеличить охват детей, подростков и молодежи, вовлеченных в эту конструктивную деятельность. Эффективное патриотическое воспитание – это один из залогов сохранения России как единого государства, её защита от внутренних конфликтов, социальная и политическая стабильность в обществе.

В-третьих, отсутствие должного внимания к патриотическому воспитанию рождает прямую угрозу опосредованного деструктивного влияния на современную российскую молодежь. Следует отметить утверждение профессора С.О. Елишева, который пишет, что «современная молодежь как одна из самых слабозащищенных и уязвимых категорий населения, в силу отсутствия у неё соответствующих знаний, опыта и экономической зависимости, часто выступает объектом для различного рода манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов»¹⁴. В ситуации глобального геополитического противостояния российская молодежь становится желанной целью недругов нашей страны.

Наглядность необходимости дальнейшего развития и усиления патриотического воспитания демонстрируют случаи правонарушений в отношении памятников и мемориалов военной истории России, которые имеют место быть в нашей стране, недостаточный уровень осведомленности среди молодежи об историческом опыте прошлых поколений¹⁵, сохранение на высоком

¹⁴ Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: МАКС-ПРЕСС, 2013, с. 63

¹⁵ См.: Более трети российских школьников плохо знают отечественную историю // ТАСС [электронный ресурс] режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7070620>. Дата обращения: 15.07.2022

уровне потребительских и патерналистских настроений в обществе, выраженных в предъявлении высоких требований и демонстрации завышенных социальных ожиданий при относительно низком уровне вовлеченности в гражданскую и социально-продуктивную деятельность (в том числе и добровольчество)¹⁶.

Говоря о вопросе развития системы патриотического воспитания, следует обозначить несколько проблемных моментов. Прежде всего, отсутствие терминологического единства в научной и исследовательской среде, что затрудняет выработку единых практикоориентированных и деятельностных подходов на базе теоретических исследований.

На настоящий момент не существует единой и общепринятой трактовки термина «патриотизм», хотя есть ряд более распространенных как в официальных документах, так и в научных работах, определений.

Словарь Ожегова лаконично определяет патриотизм как «Преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу»¹⁷. Если говорить о современных исследованиях, то, к примеру, доктор социологических наук Владимир Константинович Левашов характеризует патриотизм следующим образом: «в общепринятом смысле патриотизм понимается как общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране. В жизни это отношение проявляется в сложном комплексе чувств, знаний, ценностных ориентаций, установок, действий, обычно артикулируемом как любовь к Родине»¹⁸. Проводя стандартную операцио-

нализацию этого понятия В.К. Левашов определяет, что патриотизм следует понимать как «заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями и критика недостатков; сочувствие к страданиям и социальным нуждам народа; уважение к историческому прошлому и традициям своей родины; привязанность к месту рождения, жительства – «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защита интересов Родины»¹⁹. Таким образом, современное понимание патриотизма по сути своей тождественно пониманию классиков. Рассмотрим ещё трактовки. В частности, Павлов А.В. использует определение, в котором подчеркивается эмоциональная составляющая патриотизма и его позитивный характер: «социальное чувство, выражающее высшую, вплоть до готовности пожертвовать своими vitalными и экзистенциальными потребностями, степень привязанности (любви) человека к родине»²⁰. В то же время в своем анализе исторической трансформации понимания патриотизма и патриотических чувств исследователь отмечает, что на протяжении длительного периода времени объект патриотизма менялся в зависимости от социального окружения человека и степени развития социума.

Говоря о развитии восприятия феномена «патриотизма», Павлов А.В. считает, что его прототипом являлось понятие, зародившееся в древней Греции и обозначавшееся термином «арете», в непосредственном значении – доблесть. Именно эта черта прослеживалась в характеристиках героев и главных положительных персонажей трагедий. Доблесть воспринималась не только как качество, которым наделены воины, но и гораздо шире, захватывая и реалии гражданского воспитания. Постепенно такое пони-

¹⁶ Майкова Э.Ю., Симонова Е.В., Верпатова О.Ю., Блохина М.В., Вайсбург А.В., Вишнякова Э.М., Григорьев Л.Г., Евстифеева Е.А. Региональные модели местного самоуправления современной России. Тверь, Тверской государственный технический университет, 2020. 212 с.

¹⁷ Ожегов С.И. Толковый словарь [электронный ресурс] URL: <https://tolkovyj-slovarozhegova.slovaronline.com/20053-ПАТРИОТИЗМ> Дата обращения: 09.03.2022

¹⁸ Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий / Социологические исследования. 2006, № 8, с. 67.

¹⁹ Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий / Социологические исследования. 2006, № 8, с. 67–68.

²⁰ Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. С. 176.

мание переходит и начинает развиваться в лоне римской культуры. В результате постепенно складывается некая система индикаторов, которыми мог характеризоваться истинный гражданин: «мужество, стойкость, честность, верность, достоинство, умеренность в образе жизни, способность подчиняться дисциплине на войне, утверждённому народным собранием закону и установленному «предками» обычаю в мирное время, чтить богов»²¹. Таким образом, можно обратить внимание на то, что большинство характеристик коррелируются в основном с форматом военных действий или статусом войны. Лишь религиозная и законодательная составляющая сопоставимы с мирной жизнью. Кроме того, если вспомнить социальное положение женщин в тот период, то становится очевидным гендерная определенность критериев. Можно логически предположить, что по отношению к женщинам действовала или другая система восприятия образа «идеальной гражданки», или такие постулаты гражданственности в целом отсутствовали.

Чаще всего историки ассоциируют расцвет понятия «патриотизм» с периодом Великой французской революции, где зарождается образ гражданина-патриота, восплаемого в народной культуре. Именно в этот период патриотизм, благодаря усилиям со стороны идеологов того периода, начинает ассоциироваться, в первую очередь, с лояльностью по отношению к государству и его поддержкой. Этот постулат получит дальнейшее развитие в период философии Нового времени. Во многом актуализацию вопроса патриотических качеств личности можно связать с расцветом темы гражданственности в социальных науках, однако, помимо теоретических предпосылок можно обратить внимание и еще на несколько характерных черт того периода: сложные социальные отношения в обществе, рост числа конфликтов, в том числе военных противостояний, усиление миграцион-

ных процессов. Все это так или иначе дестабилизировало привычные социальные реалии и требовало формирования определенных новых ценностей, которые бы смогли помочь удержать общество от полного нравственного упадка. Именно поэтому актуальность формирования гражданских идеалов имела не только теоретически обусловленное основание, но и реальную социальную потребность.

На сегодняшний момент, учитывая значительный терминологический опыт предшествующих поколений, разницу подходов изучения патриотизма с позиции отдельных научных направлений, различия в подходе, исходя из исторического и социального опыта, специфику национальных научных школ и ряд других факторов, поливариативность понимания феномена патриотизма является одной из проблем в формировании единой концепции патриотического воспитания. Тем не менее, как уже было обозначено выше, актуальность развития системы патриотического воспитания в современном социуме стремительно нарастает. Это может быть связано и с происходящими социальными процессами, в чем-то созвучными кризису гражданственности, который переживали несколько предыдущих поколений.

Если обратиться к нормативной документации, в частности, программам, направленным на развитие систем патриотического воспитания в Российской Федерации, то можно выделить ряд других особенностей понимания патриотизма, принятых за основу формирования современной молодежной политики в этом направлении. Например, значительную роль в патриотическом воспитании военно-патриотической составляющей. Таким образом, акценты в трактовке понятия «патриотизм» смещаются в сторону военных гражданских добродетелей. Если обратиться к тексту Постановления Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 1493 (в ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федера-

²¹ Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. С. 176–177.

ции на 2016–2020 годы»²², на основании которой последние годы строился патриотический компонент молодежной политики в нашей стране, то можно увидеть, что в задачах программы именно военно-патриотическое воспитание вынесено в отдельную задачу. В то же время цель программы, указанная выше в этом же документе, обозначает гораздо более широкие горизонты: «С учетом современных задач развития Российской Федерации целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию»²³. Однако, в дальнейшем перечне направлений, мероприятий, форматов работы акцент все равно смещается в сторону военно-патриотического воспитания.

Исходя из этого, можно обозначить еще одну проблему организации патриотического воспитания – смещение фокуса на военно-патриотическое воспитание при условии достаточно широкой патриотической повестки, включающей в себя и культурное развитие, повышение уровня образованности, уровня социальной активности, гражданской ответственности, развития идентичности. Тем не менее, охватить такой широкий

фронт работ через методы и техники работы в рамках военно-патриотического воспитания просто не представляется возможным.

Эта проблема закономерно перетекает и в несколько других. Прежде всего, восприятие системы патриотического воспитания через формат военно-патриотического направления приводит к тому, что на местах построение локальных воспитательных программ ведется с учетом тенденции на военную гражданственность. Мероприятия продумываются, исходя из военной тематики, к участию со стороны общественных организаций привлекаются структуры, занимающиеся непосредственно военно-патриотическим воспитанием. В свою очередь, возникает следующая проблема: военно-патриотическая тематика и форматы предлагаемых мероприятий часто не встречают понимания со стороны участников младшего возраста. Им не хватает ни социального опыта, ни знаний, ни умений или навыков, которые могли бы позволить осознанно и с интересом не только воспринимать транслируемые ценности и установки, но и примерять их на себя. Но именно с младшего возраста выстраивается комплексная система воспитания и формирования определенных гражданских ценностей. Соответственно, к более зрелому возрасту наступает пресыщенность и безразличие к данным мероприятиям. Это приводит к повышению формализма их организации, отсутствию осознанности участия, высокому порогу вовлеченности и ряду других препятствий продуктивной воспитательной деятельности.

В частности, если обратиться к одному из региональных исследований в рамках мониторинга эффективности реализации государственной молодежной политики в Тверской области, проведенному в 2021 году по заказу Комитета по делам молодежи Тверской области научно-образовательным центром социологических исследований кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета, в котором было

²² См.: Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://base.garant.ru/71296398>. Дата обращения: 15.07.2022.

²³ См.: Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://base.garant.ru/71296398>. Дата обращения: 15.07.2022.

опрошено 1300 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет, можно отметить снижение активности в разных возрастных группах. В частности, учащая молодежь в возрасте от 14 до 19 лет является наиболее активной. 13% не только слышали, но и довольно часто участвовали в мероприятиях патриотического или военно-патриотического характера за последние 2–3 года, в то время как в возрастной группе от 20 до 24 лет этот показатель не существенно снизился до 12%, а в возрастной группе от 25

до 35 лет уже стал 9%. Во всех возрастных группах прослеживается тенденция к осознанию значимости патриотического воспитания, причем как раз здесь прослеживается обратная закономерность: доля респондентов в возрасте 25–35 лет, однозначно высказывающихся о важности и необходимости патриотического воспитания, составила 45%, тогда как среди молодежи 20–24 лет этот показатель составил 32%, а среди младшей возрастной категории – 36% (рис. 1).

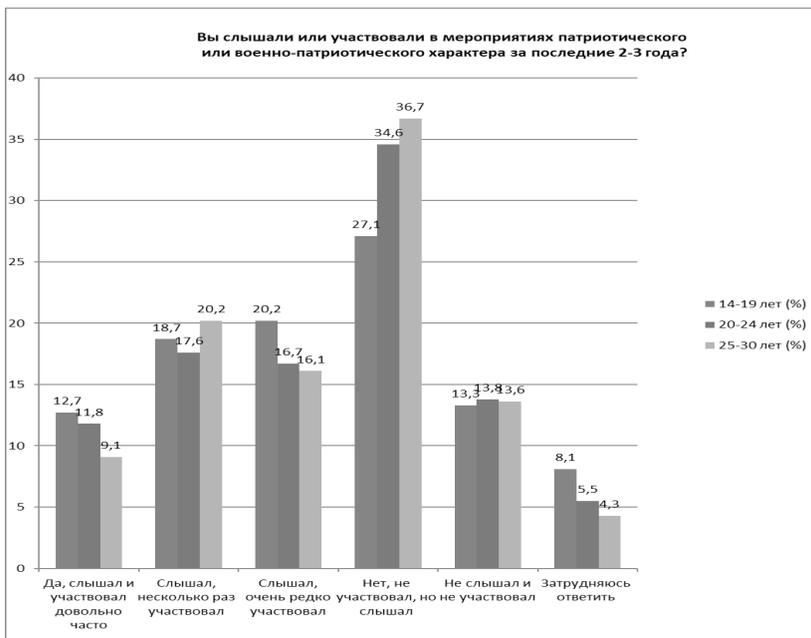

Рис. 1. Вовлеченность молодежи Тверской области в мероприятия патриотической тематики

Однако, если проанализировать особенности мероприятий, запланированных в рамках патриотического воспитания, можно заметить ту тенденцию, о которой говорилось выше: около 80% всех событий так или иначе посвящены военной тематике (табл. 1).

Анализируя данные показатели, следует отметить, что присутствует осознание потребности в патриотическом воспитании, причем, если обратить внимание на возрастные колебания, то можно предположить, что это происходит и потому, что молодежь в возрасте 25–35 лет

сама становится родителями и начинает по-другому воспринимать проблему воспитания, не только как объекты, но и как субъекты. Вероятно, участвуя в патриотических мероприятиях в рамках своей учебы в школе и далее в вузе, молодежь не сформировала тех навыков и знаний, которые могли бы помочь в семейном патриотическом воспитании, поэтому так высока потребность во внешнем участии. Это также можно назвать проблемным моментом системы современного патриотического воспитания: в рамках программы упор делается

только на молодое поколение, которое часто проще привлечь в организационном порядке, но программа не учитывает потребность в вовлечении в систему патриотического воспитания молодых семей, людей более зрелого возраста. Предложенные программные мероприятия имеют свои возрастные ограничения, что приводит к некоторой несоглас-

сованности: с одной стороны, в Программе говорится о роли семьи в патриотическом воспитании, но с другой – в рамках планирования мероприятий взаимодействие социальных институтов воспитания, общественных объединений и семей не организовано и не выделено в особую категорию.

Таблица 1. Вовлеченность молодежи в мероприятия государственной программы «Молодежь Верхневолжья»

Вариант ответа	14–19 лет (%)	20–24 лет (%)	25–35 лет (%)
Акция «Блокадный хлеб»	11,9	10,7	11,6
КВН Тверского региона	8,6	9,4	8,8
Областной слет «Снежный десант»	2,0	2,8	2,2
Фестиваль «Студенческая весна»	10,1	12,7	10,7
Областная Вахта Памяти	2,2	2,4	4,5
Акция «Георгиевская ленточка»	12,7	11,5	12,5
Областной день призывника	2,5	2,1	3,3
Областной форум «Молодежь Верхневолжья»	5,6	6,2	6,1
Областной слет «Школа молодого поисковика»	1,7	2,3	2,7
Военно-спортивная игра «Орленок»	11,8	10,2	8,8
Фестиваль авторской песни на Селигере памяти Ю.И. Визбора «Распахнутые ветра»	1,9	2,5	2,4
Форум детских и молодежных общественных объединений «Содружество»	1,7	2,3	2,0
День памяти воинов-сибиряков	2,5	1,8	1,7
Международная военно-историческая поисковая экспедиция «Ржев. Калининский фронт»	4,6	3,4	4,2
Областной форум «Я-патриот»	4,0	4,5	4,4
Областной форум «Доброволец Верхневолжья»	3,3	3,7	4,2
Юнармейские сборы	9,1	7,6	5,5
Форум сельской молодежи ЦФО	1,7	1,5	1,8
Ни о каких из вышеперечисленного	2,1	2,5	2,6
Всего	100	100	100

Подводя итог, можно выделить следующие проблемные аспекты и особенности организации патриотического воспитания в современном российском обществе:

- проблема однозначности используемых подходов к определению понятия «патриотизм» на всех уровнях воспитательного процесса;

- упор на военно-патриотическую тематику при наличии широкого круга возможностей и направлений работы;
- ограниченность инструментария военно-патриотического воспитания, что не предполагает его универсальности в рамках реализации патриотического воспитания;

- привязка Программ патриотического воспитания граждан, лежащих в основе всех нормативных документов и планирования локальных мероприятий, к работе с учащейся молодежью;
- утрата в рамках реализации мероприятий связи между семьей, как главным агентом воспитательного процесса и социализации, и иными социальными институтами, реализующими патриотическое воспитание.

Литература

1. Асеев С.Ю., Качусов Д.А. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 97–106.
2. Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 1. С. 118–129.
3. Более трети российских школьников плохо знают отечественную историю // ТАСС [электронный ресурс] режим доступа: <https://tass.ru/obshchestvo/7070620>. Дата обращения: 15.07.2022.
4. Гарашкина Н.В., Дружинина А.А. Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи // Вестник ТГУ. 2021. № 193. С. 134–140.
5. Голунов С.В. Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичность и практики // Известия АлтГУ. 2021. № 6 (122). С. 62–66.
6. Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: МАКС-ПРЕСС, 2013, с. 63.
7. Кочкина Т.В. Формирование гражданской идентичности младших школьников // Калининградский вестник образования. 2021. № 2. С. 62–71.
8. Кузнецов А.С. Патриотическое воспитание: теоретико-методологические проблемы педагогического исследования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 118–122.
9. Левашов В.К. Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий / Социологические исследования. 2006, № 8, С. 1–21.
10. Майкова Э.Ю., Симонова Е.В., Верпатова О.Ю., Блохина М.В., Вайсбург А.В., Вишнякова Э.М., Григорьев Л.Г., Евстифеева Е.А. Региональные модели местного самоуправления современной России. Тверь, Тверской государственный технический университет, 2020. 212 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь [электронный ресурс] режим доступа: <https://tolkovyj-slovarozhegova.slovaronline.com/20053-ПАТРИОТИЗМ> Дата обращения: 09.03.2022.
12. Павлов А.В. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. 2018. № 1. С. 175–191.
13. Павлов А.В. Патриотизм: социально-философский подход // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 83–94.
14. Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020) «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [электронный ресурс] режим доступа: <https://base.garant.ru/71296398>. Дата обращения: 15.07.2022.
15. Стрелецкий Я.И., Сидоренко Н.С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. 2018. № 6. С. 1–6.
16. Тимофеев А.А. Организационно-педагогические условия взаимодействия социальных институтов в формировании патриотической культуры учащейся молодежи // Педагогический журнал Башкортостана. 2021. № 1 (91). С. 98–109.
17. Шаповалова А.М., Вагина В.О. Развитие патриотизма в молодежной среде в онлайн-пространстве // Сау-

casian Science Bridge. 2021. № 3 (13). С. 44–52.

18. Яковлев Р.О. Исторические этапы развития патриотического воспитания в России // Наука и школа. 2017. № 2. С. 169–174.

PATRIOTIC EDUCATION IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: FEATURES AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Kalinich V.S., Verpatova O. Yu.

Lomonosov Moscow State University; Tver State Technical University

This article is devoted to the features and problems of patriotic education of citizens of modern Russia. This issue has become particularly relevant due to the rapid growth of geopolitical tensions in the world, the intensification of our country's confrontation with the countries of the «Collective West». Effective and harmonious patriotic education of citizens, primarily young people, becomes a matter of national security of Russia, its existence as an independent state and the prosperous development of our society in the present and future.

Keywords: patriotism, patriotic education, youth, security, youth policy, modern society, geopolitical confrontation, sociological research.

Reference

1. Aseev S.Y., Kachusov D.A. Evaluation of the effective of patriotic education programs by senior schoolchildren in the regions of the Siberian Federal District // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2021. № 1. pp. 97–106.
2. Aseeva T.A., Shashkova Y.Y. Ideas about patriotism of schoolchildren of the Siberian Federal District // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2021. № 1. pp. 118–129.
3. More than a third of Russian schoolchildren do not know Russian history well // TASS [electronic resource] URL: <https://tass.ru/obschestvo/7070620>. Date of access: 15.07.2022.
4. Garashkina N.V., Druzhinina A.A. Inclusion of university students in social projects for civil and patriotic education of children and youth // Bulletin of TSU. 2021. No. 193. pp. 134–140.
5. Golunov S.V. Patriotic education in post-Soviet de facto states: identity and practices // Izvestiya AltGU. 2021. No. 6 (122). pp. 62–66.

6. Elishev S.O. Youth as an object of socialization and manipulation. M.: MAX-PRESS, 2013, p. 63.
7. Kochkina T.V. Formation of civil identity of younger schoolchildren // Kaliningrad Bulletin of Education. 2021. № 2. pp. 62–71.
8. Kuznetsov A.S. Patriotic education: theoretical and methodological problems of pedagogical research // Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2021. No. 1 (30). pp. 118–122.
9. Levashov V.K. Patriotism in the context of modern socio-political realities / Sociological research. 2006, No. 8, pp. 1–21.
10. Maykova E.Y., Simonova E.V., Verpatova O.Y., Blokhina M.V., Weissburg A.V., Vishnyakova E.M., Grigoriev L.G., Evstifeeva E.A. Regional models of local self-government in modern Russia. Tver, Tver State Technical University, 2020. 212 p.11.
11. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary [electronic resource] URL: <https://tolkovyj-slovarozhegova.slovaronline.com/20053-PATRIOTISM>. Date of access: 09.03.2022.
12. Pavlov A.V. Patriotism. A very brief history of the idea // Philosophical Anthropology. 2018. No. 1. pp. 175–191.
13. Pavlov A.V. Patriotism: a socio-philosophical approach // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. № 2. pp. 83–94.
14. Decree of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 No. 1493 (as amended on March 30, 2020) «On the state program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020» [electronic resource] URL: <https://base.garant.ru/71296398>. Date of access: 15.07.2022.
15. Streletsky Y.I., Sidorenko N.S. The phenomenon of Russian patriotism: socio-philosophical analysis // Society: philosophy, history, culture. 2018. № 6. pp. 1–6.
16. Timofeev A.A. Organizational and pedagogical conditions for the interaction of social institutions in the formation of the patriotic culture of student youth // Pedagogical journal of Bashkortostan. 2021. No. 1 (91). pp. 98–109.
17. Shapovalova A.M., Vagina V.O. The development of patriotism in the youth environment in the online space // Caucasian Science Bridge. 2021. No. 3 (13). pp. 44–52.
18. Yakovlev R.O. Historical stages in the development of patriotic education in Russia // Science and School. 2017. No. 2. pp. 169–174.

Ограничение использования личного автотранспорта в пользу общественного: мнение россиян

Медведев Андрей Витальевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Транспортные и технологические системы», ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»

E-mail: medvedevav@tyuiu.ru

Медведев Роман Андреевич,

студент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет

E-mail: romanmedff@gmail.com

Статья посвящена отношению россиян к ограничению использования личных автомобилей. Актуальность исследования данной темы обусловлена социально-экономическими, экологическими и другими проблемами, сопутствующими массовой автомобилизации, а также курсом государства на существенное снижение личного транспорта в долгосрочной перспективе. В статье показаны издержки, связанные с владением личным транспортом на общесоциальном уровне. Рассмотрены преимущества отказа граждан от личного автомобиля в крупных городах в виде финансовой выгоды; улучшения состояния здоровья; повышения экологичности городской среды. Рассмотрено глобальное движение, активно развивающее и пропагандирующее концепцию городов без машин. Приведены и проанализированы результаты социологических опросов населения, реализованных ведущими российскими социологическими центрами. В частности, затронуты такие аспекты, как: мотивы владения личным транспортом, возможности ограничения использования личного транспорта, критерии выбора альтернативных личному автомобилю видов транспорта и др. Сделан вывод о том, что в ближайшее время добровольного резкого отказа населением от личного транспорта в пользу общественного не произойдёт, а одна из заложенных в Транспортной стратегии России до 2035 года целей – «безальтернативное» ограничение использования гражданами личных автомобилей в пользу общественного транспорта может быть реализовано комплексом действий, включающим формирование у населения соответствующих культурных установок.

Ключевые слова: автомобилизация, личный транспорт, общественный автотранспорт, экология, город, мобильность.

Актуальность. Наряду с достижением беспрецедентного в истории человечества уровня мобильности, тотальная автомобилизация современного социума сопряжена с рядом проблем. Их решение стоит на актуальной повестке практически всех развитых стран и в целом сводится к поиску способов ограничения использования личного транспорта, в том числе в принудительном порядке (как, например, в Китае). В нашей стране «безальтернативное» ограничение использования гражданами личных автомобилей в пользу общественного транспорта нашло отражение в Транспортной стратегии России до 2035 года – рамочном документе, принятом в конце 2021 года. Стратегия включает долгосрочные планы по развитию автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного и других видов транспорта на ближайшие 13 лет [5]. Мероприятия программы направлены на минимизацию использования транспорта с неэкологичными двигателями, установкой контроля за шумовыми загрязнениями, тотальном наращивании станций для зарядки электромобилей, совместном использовании гражданами транспортных средств, ограничения использования личных автомобилей и стимулирование использования общественного транспорта. Учитывая вектор, обозначенный в документе, проблематика изучения мнений и установок россиян относительно личного автотранспорта представляется актуальной социологической задачей. Современные исследователи солидарны в оценке роли автомобилей в социуме – технический объект, выйдя за рамки технологической культуры перестал быть лишь средством передвижения и превратился в ценностно-смысловой алгоритм, регламентирующий повседневную жизнь людей.

Разработанность проблемы. Интерес социальных учёных к роли автомобиля в культуре современного общества,

его влиянии на жизнь людей, развитие экономики и культуры возник с момента появления массового автомобилестроения и пережил период бурного роста в 70-х годах прошлого века в США. П. Уолленом был введён термин «аутопия», обозначающий особый тип городского устройства, предназначенного для использования автомобилей. Исторический аспект автомобиля в американском обществе представлен в работах М. Бергера, Дж. Флинка, М. Фостера. Современные зарубежные исследователи акцентируют внимание на социокультурных переменных, возникновении рисков и неравенств, вызванных массовой автомобилизацией (Н. Трифт, Дж. Урри и М. Физерстоун, С. Бойм, К. Джонс, Дж. Конли, М. Крон, Б. Финчман и др.).

В отечественной социальной науке автомобильная проблематика исследована значительно в меньшей степени. Социология автомобильности в нашей стране ещё не сформировалась как самостоятельная отрасль исследований, хотя отдельные публикации появились ещё в советский период (Л. Афанасьев, В. Ефимов), социологический характер носили публикации А. Ноздрякова. К числу заметных работ современных социальных исследователей можно отнести тексты, посвященные социальной истории советского автомобиля (В. Перевалов), месту автомобиля в городской культуре (Т. Николаева). Репрезентация «женщины за рулем» в советский и постсоветский периоды оражена в работах Т. Дашковой. Статусно-символический характер автомобильного потребления рассматриваются И. Березиным, Б. Гладаревым, Ж. Цинманом, Э. Шов. Анализ социокультурных изменений в процессе автомобилизации российского общества нашёл отражение в кандидатской диссертации Р.В. Кононенко [2]. В целом можно отметить о недостаточной разработанности тематики социологии автомобильности, что подчёркивает необходимость дальнейших исследований в данном направлении.

Методы. Статья базируется на материалах вторичного характера, находящихся в открытом доступе. Это,

в частности, результаты исследований крупных российских исследовательских центров изучения общественного мнения (ВЦИОМ, GFK), экспертные мнения, представленные на ключевых интернет-порталах, посвящённых автомобильной тематике, статистические данные, публикации международных исследователей и организаций.

Преимущества отказа от личного транспорта. Отказ от личного автомобиля в крупных городах, сегодня один из самых заметных трендов, связанных со здоровьем и благополучием человека, экологией окружающего пространства. Сторонники безавтомобильного образа жизни выделяют ряд преимуществ такого подхода к городской мобильности.

Во-первых, это экономия, поскольку личный транспорт обходится значительно дороже, чем общественный. Так, например в Европе стоимость владения автомобилем в десятки раз превышает годовые затраты на общественный транспорт. В России этот разрыв также велик и близок к Европейским. По расчётам экспертов аналитического агентства «Автостат» на автомобиль В-класса тратится около 140–170 тыс. рублей в год. В указанную расчётную стоимость входят расходы на страховку, транспортный налог, топливо, покупку шин и техобслуживание [9]. По результатам другого исследования, проведённого автомобильным порталом Авто.ру, в среднем в России стоимость владения автомобилем составляет около 32,2 тыс. рублей в месяц, включая стоимость самого автомобиля [8]. Штрафы за нарушения ПДД, время, высвобождаемое от нахождения в пробках, поиска парковок, прохождения бюрократических процедур, техосмотров и т.п. также можно считать косвенной экономической выгодой, которую человек приобретает отказываясь от автомобиля.

Во-вторых – здоровье. Согласно исследованиям учёных Кембриджского университета, снижение двигательной активности по причине наличия личного автомобиля на 30% увеличивает риск возникновения сердечно-сосудистых за-

болеваний – одной из лидирующих причин смертности населения в современном мире [3]. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в России около 20 миллионов взрослых людей ведут малоподвижный образ жизни [11]. Увеличение умеренных физических нагрузок на организм, возникающих по причине отказа от автомобиля, по мнению ряда исследований может полностью компенсировать потребность посещения фитнес-центра, снизить риск появления избыточного веса, послужить профилактикой для многих заболеваний опорно-двигательной системы. Отдельно следует отметить личный автотранспорт как источник дорожно-транспортных происшествий, в том числе с пострадавшими и погибшими.

В-третьих – улучшение экологии городского пространства. По данным составителей транспортной стратегии России на 2030–2035 годы в больших городах на машины приходится свыше 30% всех выбросов в атмосферу. В Москве эта доля достигает 90%. Основными компонентами выбросов являются взвешенные частицы, оксиды азота, серы и др. Важно понимать, что внедрение автомобилей с более экологичными видами топлива (в т.ч. газомоторного и электричества) не способны полностью решить проблему. Чистый выхлоп или его полное отсутствие может существенно повлиять на выбросы газов, в то время как 82% выбросов взвешенных частиц образуются за счет «стирания дорожного покрытия и составных частей автомобиля» [5].

Издержки, связанные с владением личным транспортом, имеют место не только на личном, но и общесоциальном уровне. По мнению Б.Б. Родомана, являясь фактором социальной изоляции, массовая автомобилизация формирует экофобную структуру расселения, способствуя разрастанию городских агломераций. Зачастую ключевыми мотивами использования автомобилей становятся не рациональные а эмоциональные стимулы, среди которых удовольствие от вождения, повседневное социальное самоутверждение. Учёный

считает, что внутренняя логика автомобилизации требует устранения любых «препятствий», а результатом является упадок уличной жизни, деградация городской среды и социальное отчуждение. Автомобилизация приводит к сокращению горожан между собой и внутри одной семьи, деградации межпоколенческих контактов [6]. Данный тезис подтверждают результаты английских исследователей, показавших прямую корреляцию между снижением социальных контактов между жителями улиц Бристоля по мере роста уровня автомобильного движения [12].

Города, свободные от машин.

Осознавая социально-экономические преимущества, которые даёт полный или частичный отказ населения от личных автомобилей, в западных мегаполисах возникло движение, активно развивающее и пропагандирующее концепцию городов без машин (Carfree city). Благодаря им возникли такие инициативы, как «Международный день без автомобиля», «Свободные от автомобилей пространства», ежегодная всемирная конференция «Навстречу городам без автомобилей» и др. Одной из наиболее известных теоретических работ в этом контексте стала книга Дж. Кроуфорда, в которой он описывает город без машин. По мысли автора личные автомобили в современных городах – это атавизм. Они занимают много места, требуют инфраструктуру, которая сильно портит городскую среду. Основные потребности любого горожанина по мнению урбаниста, должны быть доступны на расстоянии, не превышающем пяти минут ходьбы, а время движения общественного транспорта между любыми двумя точками в городе должно быть не более, чем 35 минут [10].

Проектирование свободных от автомобилей зон осуществляется с планированием соответствующей инфраструктуры. Создаются велодорожки, парковки, станции ремонта и подкачки колёс для велосипедов. Особое внимание уделяется функциональности общественного транспорта: создаются удобные маршруты, совершенствуются системы контроля за графиком движения. Сам транспорт

оборудуются креплениями для перевозки велосипедов для тех пассажиров-велосипедистов, кому необходимо оперативно добраться в другой конец города. Основная цель подобных действий – максимально приблизить комфортность использования общественного и личного транспорта.

Следствием развития упомянутого движения стало возникновение нового урбанизма, направления городского дизайна, подразумевающего развитие зонирования, городского сельского хозяйства, удаленной работы и способов застройки, снижающих необходимость дальних перевозок в повседневной жизни. Новые урбанистические районы проектируются с вынесением парковочных зон под землю или в многоэтажные паркинги, освобождая дворы для исключительно рекреационных целей. Также парковки выносятся за пределы главных улиц, на которых обычно располагаются значимые архитектурные сооружения. Таким образом стимулируется развитие туристического потенциала территории, пешеходных маршрутов

и, соответственно, малого бизнеса в сфере обслуживания.

Важно отметить, что отказ от личного автомобиля как социально значимую цель необходимо рассматривать относительно владельцев, проживающих в крупных мегаполисах. Как средство, обеспечивающее необходимое качество жизни, автомобиль целесообразно использовать, например, жителям пригородов, населенных пунктов с плохо развитой транспортной инфраструктурой, многодетным семьям и другим категориям населения.

Результаты эмпирических исследований. Несмотря на развитие в крупных городах транспортной инфраструктуры, россияне не спешат отказываться от личного транспорта и пытаются адаптироваться к увеличению стоимости владения автомобилем [8]. Согласно исследованию, проведенному в 2020 году порталом «Авто.ру» совместно с компанией GfK, основными причинами выбора личного автомобиля россиянами являются удобство, комфорт, свобода передвижения и возможность выбраться за город [7] (рис. 1).

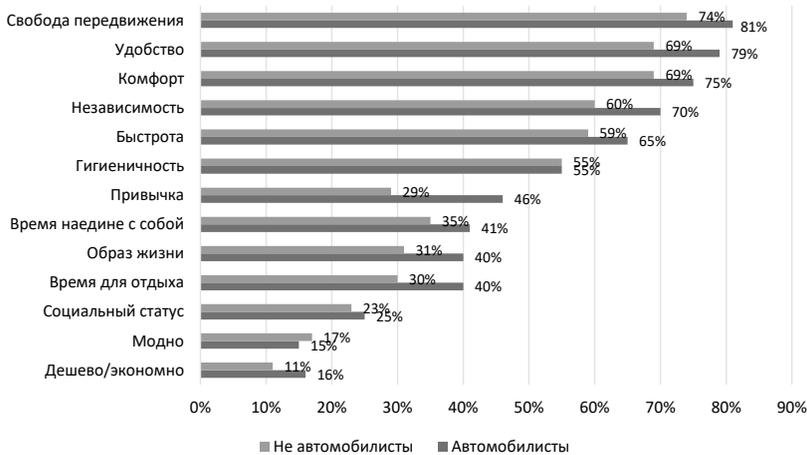

Рис. 1. Мотивы владения автомобилем и покупки автомобиля¹

Приведённые результаты подтверждают тезис, что для значительной части

населения автомобиль выступает в качестве предмета потребления, важного элемента повседневных практик. Владение собственным автомобилем играет значительную роль в самооценке человека и позволяет определить уровень удовлетворенности жизнью.

¹ Исследование по общероссийской выборке в городах с населением свыше 100 тыс. чел. Объем выборки 2,5 тыс. чел. Опрашивались две равные группы: те, кто пользуется личным автомобилем, и те, у кого в данный момент нет машины.

Рассмотрим результаты опросов ВЦИОМ, по тематикам, связанным с отказом населением от личного транспорта. Первый анализируемый опрос был реализован в мае 2018 года и проводился совместно с сервисом Яндекс.Такси. Исследование проводилось среди владельцев личных автомобилей, проживающих в городах-миллионниках, о потенциальной готовности отказаться от использования частного автотранспорта². Второе релевантное исследование было проведено в рамках инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ–Спутник» в сентябре 2021 г. и приурочено к Всемирному дню без автомобиля, ежегодно отмечаемому 22 сентября³. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров, сформированной на основе полного списка телефонных номеров, действовавших на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Объем выборки составляет 1600 человек, максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,5%.

На сегодняшний день доля россиян, допускающих полный отказ от личного транспорта, составляет всего 5%. Почти три четверти автовладельцев (74%) не допускают ограничений или полного отказа от использования личного автотранспорта. Каждый пятый (20%) допускает ограничения, а 1% – затруднились с ответом на соответствующий вопрос.

Отвечая на вопрос о критериях, на которые будут обращать внимание респонденты, при выборе альтернативного вида транспорта, на первое место вышла безопасность (41%), на второе – стоимость поездки, а третье и четвертое места разделили варианты «комфорт

² Личное авто: отказаться нельзя оставить? // Аналитический обзор компании ВЦИОМ (22 мая 2018). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/lichnoe-avto-otkazatsya-nelzya-ostavit>

³ День без автомобиля – 2021 // Аналитический обзор компании ВЦИОМ (22 сентября 2021). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-bez-avtomobilja-2021>

поездки в целом» и «скорость поездки» (по 38%). Рассмотрение данного вопроса среди подгрупп респондентов с детьми различных возрастов и бездетных, указывает на различие в приоритетах внутри групп. Так, наиболее высокие значения критерия «безопасность» характерны для участников опроса с детьми до 6 лет и от 7 до 12 лет (по 46%). Для бездетных безопасность менее важна (36%), а на первый план выходят такие критерии, как стоимость, скорость и комфорт поездки (табл. 1).

Таблица 1. На какие критерии Вы будете обращать внимание в первую очередь при выборе альтернативного личного автомобиля вида транспорта? (закрытый вопрос, не более 3-х ответов, % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Нет детей	Есть дети до 6 лет	Есть дети 7-12 лет	Есть дети 13-17 лет
Безопасность	41	36	46	46	40
Стоимость поездки	39	43	39	35	38
Комфорт поездки в целом	38	42	35	35	36
Скорость поездки	38	43	37	35	25
Удобство маршрута	29	32	24	33	27
Удобство передвижения с детьми	22	9	38	30	26
Другое	5	6	3	3	6
Отказ от ответа	3	3	2	3	1

Отвечая на вопрос, какую альтернативу респонденты могли бы рассмотреть, как основную замену для себя лично (закрытый вопрос, не более 2-х ответов), чаще всего участники опроса выбирали такси (27%), на втором месте наземный транспорт (Автобус/Троллейбус/Трамвай) – 23%, на третьем – метро (21%). Далее следуют каршеринг,

машина напрокат (18%) и маршрутное такси (12%). Довольно высокая доля респондентов (23%) не видит альтернативы личному автомобилю, а ещё 9% выбрали другой вариант ответа.

Частота использования личного автотранспорта населением практически не изменяется. На это указывают ответы респондентов на вопрос о том, стали ли они использовать автомобиль реже или чаще за последние год-два. Почти равное число автомобилистов выбрали варианты «Сейчас реже» и «Сейчас чаще»: 18% и 17% соответственно, а ещё две трети (65%) указали, что используют машину так же часто, как и раньше.

Респондентам, отметившим снижение частоты использования машины было предложено указать причины более редкого её использования. Вопрос носил полужакрытый характер, а совокупность ответов респондентов можно разделить на две группы: позитивные и негативные. К негативным можно отнести: рост цены топлива (49%), отсутствие парковок (29%) и увеличение стоимости обслуживания автомобиля, длительное время ожидания в пробках (11%). Среди позитивных выделяются: утрата необходимости более частого использования автомобиля (30%), более частое использование общественного транспорта (21%), такси (11%). Другие причины, которые респонденты отмечали в единичных случаях, это – из-за работы (в т.ч. уход на пенсию и особенность графика) – 4%, наличие корпоративного автомобиля – 2%, использование каршеринга – 1%, плохое состояние здоровья – 1%, плохое состояние дорог – 1%, несоблюдение правил дорожного движения и некомпетентность других водителей – 1%. Ещё 1% затруднились указать причину, а 7% указали иные варианты.

По результатам другого исследования ВЦИОМ, реализованного 22 сентября 2021 г., приуроченного к Всемирному дню без автомобиля, в двух третях семей в России есть автомобиль (47% владеют одним, 15% более чем одним автомобилем). В территориальном разрезе существенных различий в доле населения, владеющего личным авто-

транспортом, не наблюдается. Исключения составляют города-миллионники, где число респондентов, не владеющих автомобилем (47%) значительно выше, чем в других типах поселений (там, в среднем – 37%).

Рассмотрим социально-демографические характеристики водителей личных авто. В основном, водителями в семье являются мужчины: 80% респондентов-мужчин, отметили, что лично водят автомобиль, принадлежащий семье. Доля женщин, положительно ответивших на тот же вопрос, составила 35%. В отношении возраста, можно отметить нормальное распределение с пиком в 35–44 года: 18–24 года – 42%, 25–34 года – 64%, 35–44 года – 69%, 45–59 лет – 63%, 60 лет и старше – 43.

Большинство автомобилистов водят ежедневно, на это указали 63% участников опроса. Несколько раз в неделю водят автомобиль 26%, несколько раз в месяц – 7%, один раз в месяц и реже – 3%. В целом, это распределение справедливо практически для всех типов поселений, из общей картины выбиваются Москва и Санкт-Петербург, где значительно ниже доля водителей, управляющих машиной ежедневно (52%) и выше доля тех, кто водит несколько раз в неделю (37%).

К числу причин, по которым респонденты не могут использовать автомобиль реже, чаще всего упоминались необходимость ездить на работу (12%). В равной мере (по 10%) упоминались такие причины, как «Необходимость по работе / работаю водителем / автомобиль кормит семью», «Плохая работа общественного транспорта / высокая плата за проезд / отсутствие транспортного сообщения», «Необходимость отвозить детей в школу, сад, на секции», «Автомобиль необходим для личных целей / поездка по магазинам / домашние дела». 8% отметили удобство передвижения на автомобиле / комфорт / экономию времени / доступность в любое время. Значительно реже респондентами высказывались такие варианты, как: «Автомобиль необходим (без уточнения)» – 5%, «Удаленность работы от дома» – 4%,

«Живу за городом / далеко до центра» – 4%, «Необходим по состоянию здоровья / нужно ездить в больницу» – 3%, «Автомобиль необходим для семьи / удобно путешествовать семьей» – 2%. Примечательно, что ещё 21% респондентов указали, что могут использовать автомобиль реже.

Выводы. Таким образом, результаты социологических исследований демонстрируют, довольно высокий уровень автомобилизации российского общества. Сам автомобиль рассматривается как неотъемлемая часть жизни респондентов: подавляющее большинство не рассматривают возможности ограничений или полного отказа от использования личного автотранспорта. Ключевыми требованиями к общественному транспорту у россиян являются: безопасность, стоимость, комфорт и скорость поездки, что не в полной мере соответствует существующим реалиям в текущей ситуации с общественным транспортом в нашей стране.

В связи с вышесказанным логично предположить, что в ближайшее время резкого добровольного отказа от личного транспорта в пользу общественного не произойдёт. Усилия государства по принудительному ускорению данного процесса могут привести к негативным последствиям, повышению уровня социальной напряжённости. Для достижения цели «безальтернативного» ограничения использования гражданами личных автомобилей в пользу общественного транспорта, отражённого в Транспортной стратегии России до 2035 года, важно не только совершенствовать инфраструктуру общественного транспорта, но и осуществлять работу по формированию установок населения, лояльных к жизни без личного автотранспорта.

Литература

1. Буранов И. Автомобиль не средство, а повод // Сайт общественно-политической газеты «Коммерсантъ» (04.12.2021). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5113626> дата обращения: 03.07.2022).
2. Кононенко Р.В. Автомобилизация российского общества: социокультурные аспекты: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.06 / Кононенко Ростислав Вадимович; [Место защиты: Сарат. гос. техн. ун-т]. – Москва, 2010. – 166 с.
3. Малышев М.И. Инновации в области городского общественного транспорта и перспективы внедрения принципов новой мобильности // Научный вестник МГТУ ГА. 2022. № 3. с. 36–50.
4. Отказ от автомобиля: как отказаться и чем вредит автомобиль // Интернет-журнал «Экология сегодня». URL: <https://ecologynow.ru/knowledge/tehnologii-i-ekologia-goroda/otkaz-ot-avtomobila-kak-otkazatsa-i-chem-vredit-avtomobil> дата обращения: 03.07.2022).
5. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 N3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СПС Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (дата обращения: 03.07.2022).
6. Родоман Б.Б. Автомобильный тупик России и мира // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepis.net/library/id_2101.html (дата обращения: 03.07.2022).
7. Россияне назвали любимый вид транспорта // Автомобильный сайт Авто.ру. URL: <https://mag.auto.ru/article/lovelytransrus/>
8. Хасанов Т. Все-таки роскошь: россиянин платит за машину больше, чем англичанин // Интернет-газета «Известия» (25 декабря 2019). URL: <https://iz.ru/957842/timur-khasanov/vse-taki-roskosh-rossiianin-platit-zamashinu-bolshe-chem-anglichanin> (дата обращения: 03.07.2022).
9. Чупров А. Стоимость владения автомобилем: как сократить расходы на его содержание? // Сайт аналитического агентства «Автостат» (13 января 2022). URL: https://www.autostat.ru/editorial_column/50393/ дата обращения: 03.07.2022).

10. Crawford J. H. (2000) *Carfree Cities*. International Books. 324 p.
11. Guthold R, Stevens G.A., Leanne M Riley L.M., Bull F.C. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1.9 million participants // *The Lancet Global Health* (Elsevier) October 2018. pp. 2–15. <http://dx.doi.org/10.1016/>
12. Hart, Josh and Graham Parkhurst. "Driven To Excess: Impacts of Motor Vehicles on the Quality of Life of Residents of Three Streets in Bristol UK." // *World Transport Policy and Practice* 17 (2011): pp. 12–30.

LIMITATION OF THE USE OF PERSONAL VEHICLES IN FAVOR OF PUBLIC: THE OPINION OF RUSSIANS

Medvedev A.V., Medvedev R.A.

Tyumen Industrial University; Tomsk Polytechnic University

The article is devoted to the attitude of Russians to the restriction of the use of private cars. The relevance of the study of this topic is due to the socio-economic, environmental and other problems associated with mass motorization, as well as the state's course towards a significant reduction in personal transport in the long term. The article shows the costs associated with the ownership of personal transport at the general social level. The advantages of refusal of citizens from a personal car in large cities in the form of financial benefits are considered; health improvement; improving the environmental friendliness of the urban environment. Considered a global movement that actively develops and promotes the concept of cities without cars. The results of sociological surveys of the population, implemented by leading Russian sociological centers, are presented and analyzed. In particular, aspects such as: the motives for owning personal transport, the possibility of limiting the use of personal transport, the criteria for choosing alternative modes of transport to a personal car, etc. were touched upon. will happen, and one of the goals laid down in the Transport Strategy of Russia until 2035 is the "uncontested" restriction of the use of private cars by citizens in favor of public transport, which can be implemented by a set of actions, including the formation of appropriate cultural attitudes among the population.

Keywords: motorization, personal transport, public transport, ecology, city, mobility.

References

1. Buranov I. A car is not a means, but a reason // Website of the socio-political newspaper "Kommersant" (04.12.2021). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5113626> date of access: 07/03/2022).
2. Kononenko R.V. Motorization of Russian society: socio-cultural aspects: dissertation ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.06 / Kononenko Rostislav Vadimovich; [Place of protection: Sarat. state tech. un-tj]. – Moscow, 2010. – 166 p.
3. Malyshev M.I. Innovations in the field of urban public transport and prospects for the introduction of the principles of new mobility // *Scientific Bulletin of MSTU GA*. 2022. № 3. With. 36–50.
4. Refusal of the car: how to refuse and what harms the car // Internet magazine "Ecology Today". URL: <https://ecologynow.ru/knowledge/tehnologii-i-ekologia-goroda/otkazot-avtomobila-kak-otkazatsa-i-cem-vredit-avtomobil> date of access: 07/03/2022).
5. Decree of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 N3363-r "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035" // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (date of access: 07/03/2022).
6. Rodoman B.B. Automotive dead end of Russia and the world // *Scientific and educational journal "Skepsis"*. URL: https://scepsis.net/library/id_2101.html (Accessed: 07/03/2022).
7. The Russians named their favorite mode of transport // *Automotive site Avto.ru*. URL: <https://mag.auto.ru/article/lovelytransrus/>
8. Khasanov T. Still, luxury: a Russian pays more for a car than an Englishman // *Izvestia Internet newspaper* (December 25, 2019). URL: <https://iz.ru/957842/timur-khasanov/vse-taki-roskosh-rossiianin-plitza-mashinu-bolshe-chem-anglichanin> (date of access: 07/03/2022).
9. Chuprov A. The cost of owning a car: how to reduce the cost of its maintenance? // Website of the analytical agency "Avtostat" (January 13, 2022). URL: https://www.avtostat.ru/editorial_column/50393/ accessed 07/03/2022).
10. Crawford J. H. (2000) *Carfree Cities*. International Books. 324p.

11. Guthold R, Stevens G.A., Leanne M Riley L.M., Bull F.C. Worldwide trends in insufficient physical activity from 2001 to 2016: a pooled analysis of 358 population-based surveys with 1 9 million participants // The Lancet Global Health (Elsevier) October 2018. pp. 2–15. <http://dx.doi.org/10.1016/>
12. Hart, Josh and Graham Parkhurst. "Driven To Excess: Impacts of Motor Vehicles on the Quality of Life of Residents of Three Streets in Bristol UK." // World Transport Policy and Practice 17 (2011): pp. 12–30.

Проблемы и перспективы цифровизации в высшей школе: социологический аспект

Осмоловская Светлана Михайловна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет (МГПУ)
E-mail: svetlas99@list.ru

В статье рассмотрены цифровые инструменты, применяемые в быстроразвивающейся цифровой среде. Указана необходимость цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава. Определены пути и методы совершенствования цифровизации в высшей школе. Анализируются проблемы воздействия цифровизации в вузе. Особое внимание уделено информационным технологиям в образовании, созданию онлайн курсов, разработке единого портала дистанционного образования, программному обеспечению высшей школы, лицензированию программ и демоверсий. В статье раскрываются проблемы обработки цифровых данных, работы с большими данными, их виртуализации. На основе обобщения знаний, изложенных в научной литературе, и результатов конкретного социологического исследования предлагаются новые теоретические положения идеологии цифровизации в высшей школе и практические рекомендации по их реализации в социальной практике.

Ключевые слова: цифровизация, высшее образование, идеология, высшая школа, виртуализация, сетевизация.

Цифровизация образования затронула весь мир. Цифровые инструменты необходимо применять в быстроразвивающейся цифровой среде. Федеральный государственный образовательный стандарт ставит задачу высшей школе формировать у каждого обучающегося способность самостоятельно управлять своим обучением. Такая цифровая трансформация высшего образования должна решить поставленную задачу.

Исследование системы цифровизации в высшей школе, путей и методов ее совершенствования, является одной из наиболее важных задач социологической науки. Цифровизация образования предполагает обновление содержания, форм учебной работы, методов обучения, развитие цифровой инфраструктуры, учебных и методических материалов, сервисов. Высшей школе кроме финансового обеспечения необходимо техническое, кадровое и программное обеспечение. Особое внимание необходимо уделить цифровой грамотности профессорско-преподавательского состава, компетенциям в сфере компьютерных технологий, что отражается на качестве образования в вузе.

Цифровизация затрагивает и внедрение информационных технологий в образование, создание онлайн-курсов, разработку единого портала дистанционного образования, программное обеспечение высшей школы, лицензирование программ и демоверсий.

Что касается высшей школы, педагог является ключевой фигурой в процессе цифровизации. Воронов М.В. и Толкачев В.А. в научной работе «Методологические аспекты цифровизации гуманитарного образования» уточняют базовое понятие цифровизации и определяют ее как процесс переноса в цифровую среду функций ранее выполнявшихся непосредственно людьми.

Конечно, компьютерная система дает преимущества в скорости, в обработке, в эффективном решении большого круга задач [2, с.67].

Цифровая связь представляет более широкие возможности для передачи данных по сравнению с традиционными технологиями. Так, с помощью цифровизации можно передавать большой объем данных, хранить большой объем информации.

Минина В.Н. отмечает: «Перевод образовательной среды высшей школы в цифровой формат относится к государственной стратегической задаче, направленной на развитие онлайн обучения, создание информационного ресурса». Практика показывает, что многие преподаватели независимо от возраста, стажа работы с трудом адаптируются к цифровой среде. К сожалению, исследований по данной проблематике не так много и носят локальный характер [10, с. 84]

Как указывает Ф.И. Шарков «...для обеспечения безопасности цифровой информации, используется система блокчейн». Например, технологии блокчейна используются для создания криптовалюты [16, с. 33].

В трактовке авторов Ryabov V.V., Ananishnev V.M.: «Цифровой формат, т.е. создание, кодирование, распространение и декодирование информации создают новый тип медиапространства в высшей школе. Цифровизацией охвачен не только процесс создания контентов. Сегодня цифруется все, ранее созданное на традиционных носителях» [19, с. 3420].

В высшей школе цифровая трансформация осуществляется по трем направлениям: развитие цифровой структуры, цифрового пространства; развитие цифровых учебно-методических материалов, сервисов; разработка и распространение новых направлений организации учебной деятельности.

Гаирбекова П.И. в научной статье «Актуальные проблемы цифровизации образования в России» выделяет положительные стороны цифровизации в высшей школе: диагностику ка-

чества образования, создание цифровых копий, перевод учебного материала в цифровой формат, доступность информации к электронной образовательной среде, анализ оценки степени освоения материала, создание онлайн платформ на всей территории страны [4].

Представитель американской школы Гэри Стэнли Беккер обосновал эффективность вложений в человеческий капитал и сформулировал экономический подход к человеческому поведению (G. Becker Human Capital, New York: Columbia University Press, 1964). Г. Беккер указывал, что цифровое окружение, в котором отдельные люди или группы могут действовать вместе в одно и то же время. В цифровом пространстве можно создавать звуковую среду, визуальную, контролировать запись и доступ к ней. Цифровое общество расширяет сферу общения, устраняя физические границы между людьми, меняется традиционное социальное общение [1].

Результаты анализа зарубежного опыта позволяют утверждать, что не прямой связи между уровнем владения цифровыми технологиями студентами и преподавателями и их использование в процессе обучения. В книге «Edited by F. Rosen» (2007) Jeremy Bentham отмечает: «Одной из тенденций цифровизации в высшей школе является подавление потоком доступной информации процессов усвоения смыслов получаемых знаний. Отсюда поверхностность знаний и суждений. Но и здесь же все больше интеллектуальных усилий требует поиск в интернете действительно нужной информации» [3].

Американская система высшего образования является основной в плане модернизации, в ней впервые сформировалась и была апробирована цифровизация. Система высшей школы в США представляет собой университетские инициативы, т.е. «аккредитацию снизу». В Америке доминирует частное образование, и именно негосударственная высшая школа сформули-

рвала правила, определившие облик современной образовательной модели. Система управления высшей школы США отличается от большинства систем своей децентрализованностью.

Кули Ч.Х. акцентирует внимание на низких показателях успеваемости в процессе цифровизации высшей школы, так как материал лучше усваивается на бумажных носителях. Во-вторых, утрачивается способность обучающихся к творчеству. В-третьих, возникает боязнь устных ответов, проявление инициативы, формальное выполнение заданий. Конечно, вредное влияние компьютеров, различных гаджетов, влияющих на психическое и физическое здоровье [7, с. 327].

В аспекте исследования международного опыта развития цифровизации особого внимания заслуживает индекс сетевой готовности стран NRI – Networked Readiness Index, который ежегодно рассчитывается международной организацией и отражает уровень готовности стран к повсеместному использованию компьютеров для различных целей [6]. Международная организация «Всемирный экономический форум» совместно с Международной школой бизнеса «Insead» разработали четыре измерения индекса сетевой готовности:

1. Люди – это сами граждане, государственные органы.
2. Технологии – это доступ, технологии будущего, включая искусственный интеллект.
3. Управление – регулирование и доверие.
4. Влияние – вклад цифровизации в достижение целей устойчивого развития, качество жизни.

Регулярно проводятся исследования в области цифровизации посредством предоставления грантов. США стабильно занимает лидирующие позиции в международных рейтингах цифровизации, в частности, в глобальном инновационном индексе они занимают 3 место [13].

«Цифровизация является глобальной тенденцией, которой следуют все

страны, нацеленные на устойчивое развитие, на улучшение качества жизни населения», – считает Сакович С.М. [15, с.46]. На данный момент наблюдается переход из количественного состояния (увеличение цифровых платформ, массовая компьютеризация, оцифровка различных процессов) в качественное (внедрение искусственного интеллекта, работа с большим объемом данных). На примере высшей школы – это переход от межличностного коммуникативного процесса в технологический процесс, зависящий от информационных технологий.

Не менее значимым в процессах дальнейшего развития высшей школы является активное применение больших данных. С помощью аналитики, специальных программ и алгоритмов можно оптимизировать учебный процесс. Новые технологии дают больше свободы, нестандартных подходов и форматов в обучении (например, VR-лекции), т.е. рутинные задачи можно автоматизировать с помощью чатов, онлайн-отчетности. Появление различных агрегаторов и онлайн платформ (Яндекс.учебник, платформа Coursera). Таким образом, в высшей школе происходит цифровая трансформация и людям нужно быть готовыми освоить новые специальности, новые технологии, уметь работать с ними. Цифровизация требует формирования нового образовательного контента, организации смешанного обучения, навыков цифровой педагогики.

«Цифровизация приводит и к появлению новых профессий в высшей школе – разработчиков цифровых образовательных платформ и ресурсов, педагогических дизайнеров, методистов онлайн курсов, цифровых тьюторов и кураторов направлений обучения. Проблему нехватки кадров можно частично решить с помощью привлечения студентов, волонтеров, цифровых консультантов», – уточняет Сакович С.М. [14, с. 10].

В рамках цифровой помощи преподавателям организуют курсы цифровой грамотности, предоставляют видеоматериалы.

териалы для самообучения цифровым навыкам. Новая модель университета – цифровой университет.

Известный американский политолог, профессор Йельского университета Луман заметил: «Для того, чтобы все получилось, необходимо перестроить и программы обучения, и весь подход к обучению, ориентироваться на студента высшей школы. Использование цифровых технологий позволит сформировать индивидуальный подход, учесть интересы преподавателя и обучающегося» [11, с. 256]

Авторы мониторинга университетов в мировом пространстве отмечают уход образовательного процесса в сферу цифровизации, которая наблюдается во всем мире [20, с.56]. Стали появляться и развиваться виртуальные университеты, институты, колледжи, т.е. образовательные организации, где нет физических зданий. Обучение ведется виртуально. Важно, что вузы могут находиться в партнерстве с бизнесом, предприятиями.

Таким образом, цифровизация высшей школы обуславливает построение нового общества, внедрение в учебный процесс и, в последующем, в практическую деятельность информационных технологий. Это способствует эффективности сформулированных целей. Потенциал цифровизации может и должен использоваться современным обществом и системой высшей школы, в частности.

Цифровизация высшей школы стала важной стратегической темой во всех странах мира. Многие аспекты университетской системы были радикально изменены. Процесс цифровизации необходимо методично реализовывать, учитывая зарубежный опыт, особенности современной российской высшей школы, состояние цифровой экономики РФ.

Литература

1. Беккер Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение// THE-SIS. – 1993. Т. 1, вып.1. С. 38 (англ.

Economic Analysis and Human Behavior)

2. Воронов М.В., Толкачев В.А. Методологические аспекты цифровизации гуманитарного образования // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2021): сб. статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 11–12 ноября 2021 г. / Под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 67–78 с.
3. Jeremy Bentham. Edited by F. Rosen. Aldershot, 2007 (International Library of Essays in the History of Social and Political Thought).
4. Гаирбекова П.И. Актуальные проблемы цифровизации образования в России // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 2; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30673> (дата обращения: 29.07.2022).
5. Добрынин Н. М. (2005). Концептуальные подходы в оценке механизма общественного контроля за государственной публичной властью в конституционно-правовой действительности Российской Федерации//Право и политика. № 9.
6. Индексы устойчивого развития РСПП // Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП): офиц. сайт. – URL: <http://rspp.ru/simplepage/858> (дата обращения: 27.06.2022).
7. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок [Текст] / Пер. с англ. Смирновой Н.М., Зотова О.А. – [2-е изд., испр.]. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги. – М.: Идея-Пресс. – 2001. 327 с.
8. Маркузе Г. (2002). Одномерный человек [Текст]. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 331 с.
9. Минина В.Н. (2020) Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университе-

- та. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
10. Луман Н. (2005) Реальность масс-медиа. М.: Праксис. – 256 с.
 11. Осмоловская С.М. (2019) Коммуникационные практики высшей школы: социологический анализ. Коммуникология. Т. 7. № 3. С. 47–56.
 12. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года //База данных документов ООН: офиц. сайт. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 14.06.2022).
 13. Сакович С.М. (2018). Высшее образование в информационном обществе. Москва. В книге: УНИВЕРСИТЕТ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ. Тезисы научно-практической конференции. 2018. С. 10–11
 14. Сакович С.М. (2018). Традиции и инновации в системе высшего образования: социально-управленческий аспект//В сборнике: Непрерывное образование: эффективные практики и перспективы развития. Материалы I Международной научно-практической конференции». С. 46–52.
 15. Шарков Ф.И., Омельчук И.С. (2021). Цифровые технологии: преимущества и проблемы развития и киберпреступность // Коммуникология. Том 6. № 2. С. 33–43.
 16. Шарков Ф.И. (2016). Визуализация политического медиапространства. Полис. Политические исследования. № 5. С. 97–107
 17. Элвуд П. 1934. Государственное образование в США. Boston: Houghton Mifflin.
 18. Ryabov V.V., Ananishnev V.M., Fursov V.V., Tkachenko A.V., Osmolovskaya S.M., Frolova T.N. THE POSSIBILITY OF INCLUDING MEDICAL INSTITUTIONS INTO GLOBAL RANKINGS (2020). Talent Development and Excellence. Т. 12. № S2. С. 3420.
 19. Ryabov V., Ananishnev V., Fursov V., Tkachenko A., Osmolovskaya S., Berestova L. MONITORING A UNIVERSITY'S EDUCATIONAL AND

SCIENTIFIC ACTIVITIES: UNIFYING THE MONITORING PROCESSES WITH EUROPEAN INTERNATIONAL STANDARDS. International Journal of Innovation, Creativity and Change. Т. 11. № 4. 2020. С. 56–69.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DIGITALIZATION IN HIGHER EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Osmolovskaya S.M.

Moscow City Pedagogical University (MGPU)

The article discusses digital tools used in a rapidly developing digital environment. The necessity of digital literacy of the teaching staff is indicated. The ways and methods of improving digitalization in higher education are defined. The problems of the impact of digitalization in higher education are analyzed. Special attention is paid to information technologies in education, the creation of online courses, the development of a single portal of distance education, software for higher education, licensing of programs and demos. The article reveals the problems of digital data processing, working with big data, and their virtualization. Based on the generalization of the knowledge presented in the scientific literature and the results of a specific sociological study, new theoretical provisions of the ideology of digitalization in higher education and practical recommendations for their implementation in social practice are proposed.

Keywords: digitalization, higher education, ideology, higher school, virtualization, networking.

References

1. Becker G.S. Economic analysis and human behavior// THESIS. – 1993. Vol. 1, issue 1. P. 38 (Eng. Economic Analysis and Human Behavior)
2. Voronov M.V., Tolkachev V.A. Methodological aspects of the digitalization of humanitarian education // Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2021): Sat. articles of the II All-Russian scientific-practical conference with international participation. November 11–12, 2021 / Ed. V.V. Rubtsova, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. M.: Publishing house of FGBOU VO MGPPU, 2021. 67–78 p.
3. Jeremy Bentham. Edited by F. Rosen. Aldershot, 2007 (International Library of Es-

- says in the History of Social and Political Thought).
4. Gairbekova P.I. Actual problems of digitalization of education in Russia // Modern problems of science and education. – 2021. – No. 2; URL: <https://science-education.ru/article/view?id=30673> (date of access: 07/29/2022).
 5. Dobrynin N. M. (2005). Conceptual approaches in assessing the mechanism of public control over state public power in the constitutional and legal reality of the Russian Federation // Law and Politics. No. 9.
 6. Indexes of sustainable development of the RSPF // Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPF): official. website. – URL: <http://rspf.ru/simplepage/858> (date of access: 06/27/2022).
 7. Cooley C.H. Human nature and social order [Text] / Per. from English. Smirnova N.M., Zotova O.A. – [2nd ed., Rev.]. – M.: Idea-Press, House of Intellectual Books. – M.: Idea-Press. – 2001. 327 p.
 8. Marcuse G. (2002). One-dimensional man [Text]. – M.: ACT: ACT Moscow, 2009. – 331 p.
 9. Minina V.N. (2020) Digitalization of higher education and its social results // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. Issue. 1. S. 84–101.
 10. Luman N. (2005) The reality of mass media. M.: Praxis. – 256 p.
 11. Osmolovskaya S.M. (2019) Communication practices of higher education: a sociological analysis. Communicology. T. 7. No. 3. S. 47–56.
 12. Agenda in the field of sustainable development for the period up to 2030 // Database of UN documents: official. website. – URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (date of access: 06/14/2022).
 13. Sakovich S.M. (2018). Higher education in the information society. Moscow. In the book: UNIVERSITY IN THE GLOBAL WORLD. Abstracts of the scientific-practical conference. 2018. S. 10–11
 14. Sakovich S.M. (2018). Traditions and innovations in the system of higher education: social and managerial aspect // In the collection: Continuous education: effective practices and development prospects. Materials of the I International Scientific and Practical Conference. pp. 46–52.
 15. Sharkov F.I., Omelchuk I.S. (2021). Digital technologies: advantages and problems of development and cybercrime // Communicology. Volume 6. No. 2. C. 33–43.
 16. Sharkov F.I. (2016). Visualization of political media space. Policy. Political studies. No. 5. P. 97–107
 17. Elwood P. 1934. Public Education in the USA. Boston: Houghton Mifflin.
 18. Ryabov V.V., Ananishnev V.M., Fursov V.V., Tkachenko A.V., Osmolovskaya S.M., Frolova T.N. The possibility of including medical institutions into global rankings (2020). Talent Development and Excellence. T. 12. No. S2. S. 3420.
 19. Ryabov V., Ananishnev V., Fursov V., Tkachenko A., Osmolovskaya S., Berestova L. Monitoring a university's educational and scientific activities: unifying the monitoring processes with European international standards. International Journal of Innovation, Creativity and Change. T. 11. No. 4. 2020. S. 56–69.

Эволюция института социального выбора

Алиев Захид Гаджиали оглы,

преподаватель, кафедры социологии Института философии и социологии, Азербайджанская международная академия развития образования и науки, Национальная академия наук Азербайджана
E-mail: zahidaliyev061@gmail.com

Данный вопрос, таким образом, в свою очередь, подчеркивает важность профессионального выбора для правильной реализации собственного потенциала как всех людей, так и, следовательно, является, пожалуй, основным источником дискуссий в большинстве современных гуманитарных наук.

В новой и новейшей истории, характер свободы выбора, как индивидуального, так и общественного, изменился почти полностью. Так, открытость межгосударственных границ, быстрое развитие общественного производства и скорость социальной мобильности людей значительно расширили рамки индивидуального выбора специальностей.

Все эти проблемы приобретают все большую актуальность у молодежи в подростковом и юношеском периодах. В то же время, эти проблемы с выбором становятся препятствием в жизни молодежи. Одновременно, отсутствие у молодежи правильного решения в жизни становится причиной многих неразрешимых жизненных проблем. Все это одновременно препятствуют формированию и воспитанию юношей как личности. Ввиду того, что данная проблема полностью всесторонне не изучена, в данной теме учтена актуальность этого вопроса.

Ключевые слова: труд и вопрос раннего выбора у людей, Общественный раздел труда, гипотеза устойчивости, методы выбора.

Проблема выбора имеет своеобразные подходы в различных отраслях науки, особенно в социологии в последние два столетия. Прежде чем выяснить различные научные течения в этом направлении, следует рассмотреть некоторые аспекты истории появления и генезиса выбора в целом как в человеческих, так и общественных взаимоотношениях. На основе разработанных и рассмотренных публикаций по этой проблеме имеется определенная классификация по периодам и характерные особенности выбора по главным вопросам человеческой деятельности.

При определении и выбора методов для выяснения и исследования данной проблемы использованы в основном сравнительные анализы, принятые в гуманитарных науках; кроме этого приняты в социологии лонгитюдный подход к указанной проблеме, конкретно точный выбор литературы, описательный анализ научных гипотез по понятию выбора в целом.

Хотя история проблемы выбора в человечестве восходит практически к возникновению человека, показать сущность выбора во всех областях строго определенной формулой пока не удалось.

Во всех областях науки до сих пор остается интересной проблема решить, какой тип выбора является правильным и окончательным при решении задач. Поскольку эта проблема в основном связана с человеком и человеческой жизнью, социология также изучает эту проблему, как одну из приоритетных тем.

Теория выбора и отбора в социологии как относительно новое научное направление в самом широком смысле в рамках общепринятых решений в последние 20–30 лет стало самостоятельным направлением. Сегодня существуют сотни статей и исследований по теории выбора. В этих научных исследованиях логико-методологические принципы отбора в основном нашли отражение в конструктивной модели среди научных кругов, а также в рассуждениях о видах

выбора при решении конкретных задач [1; 2; 3; 4].

Свобода выбора интересует не только социологов, но и филологов и психологов в силу сложности проблемы. Это, в свою очередь, подчеркивает важность профессионального выбора для правильной реализации собственного потенциала и, следовательно, является, пожалуй, основным источником дискуссий в большинстве современных гуманитарных наук.

Таким образом, исторические корни индивидуального и социального характера выбора, генезиса возникновения и развития можно разделить на периоды, характеризуя их следующим образом:

1. В ранних формах общества, возникших в период первобытнообщинной – проблема выбора в племенах, общинах и племенах, возможность определения большинства людей мифологическим мировоззрением подтверждается в таких науках, как археология и антропология, историческая этнология. При этом ученые указывают на уровень развития производительных сил и на отношения между людьми как на ключевой фактор, как способ определения. При рассмотрении с указанных точек зрения выбор, вероятно, будет предвзято ограничен другими людьми. Однако, согласно исторической социологии и культурной антропологии, эта проблема возникла в связи с тем, что решение проблемы направления выбора людей индивидуально, или появляются сообществом в этот период.

Согласно другой научной точке зрения, констатируется, что поскольку разделения труда у первобытных людей в каменном веке почти не существовало, каждый был вынужден уметь делать, учиться и выполнять ту работу, которую делали все остальные. Поэтому выбора человека, как полного отрыва от процесса труда еще не могло быть.

В некоторых местах, где зародился антропогенез, только после открытия металла произошло общественное разделение труда, и отдельно стали действовать земледельцы, скотоводы, ремесленники и, наконец, купеческий класс.

2. Когда возникновение классовых обществ привело к образованию государств, вопрос выбора человека зависел от того, к какому классу он принадлежит. В таких обществах выбор людей зараннее «формализован» правилами религии и мифологии.

Таким образом, вопрос о человеческом выборе ставился в очень узкие рамки: богатые и их близкие, у которых не было выбора, кроме как жить так, как они хотят: рабы, которые полностью зависели от бесчисленного богатого класса и не имели никаких прав.

Следует отметить, что причины и следствия этих человеческих отношений интересовали даже Платона, видного философа античного мира. Так, некоторые ученые, изучавшие взгляды Платона на этот предмет, отмечают, что одной из главных причин тотального разрушения государств было то, по мнению философа: » Каждый должен заниматься своим делом и не переходить из одного класса в другой. В этом случае может быть нанесен ущерб государству и может произойти крупное государственное преступление» [9, с. 88].

Однако в древности можно было, хотя и в небольшом количестве, например «выбрать самого достойного художника» или продвинуть по карьерной лестнице высокооплачиваемых чиновников, которые не были из зажиточных семей. Однако, известно, что в раннем средневековье массовость миграции во время «великого переселения народов» не позволяла «отдельным таким талантам» делать самостоятельный выбор.

В новейшей истории, как и в наше время, характер свободы выбора, как индивидуального, так и общественно-го, изменился почти полностью. Так, открытость межгосударственных границ, быстрое развитие общественного производства и скорость социальной мобильности людей значительно расширили рамки индивидуального выбора специальностей.

Интерес к общим проблемам теории выбора обусловлен несколькими причинами. В математике:

– Проблема нахождения наиболее оптимального варианта среди множества возможных ответов при решении многих задач прикладной математики и теории управления.

Например, в оптимальной модели управления планы и стратегические схемы больше используются при выборе базовых решений в математическом программировании. При решении таких задач предпочтительно использовать векторный отбор в соответствии с оптимальными критериями [7].

В этом выборе предполагается, что большое количество критериев может фактически соответствовать правильной реализации такого выбора. При этом главный вопрос: действительно ли целенаправленный, продуманный выбор является самым оптимальным решением?

Вопрос о правильности ответов на эти и другие вопросы является одной из проблем теории выбора. Таким образом, теория выбора стала играть ключевую роль в решении многих проблем социологии [4, с. 45–67; 7]

В некоторых вариантах выбора под коллективом понимается не только совокупность людей, работающих в одной сфере труда, но и семья, поколение, группа населения, связанные между собой по многим параметрам.

В качестве альтернативы можно указать на такой пример:

– в процессе изучения каждодневных потребностей людей стала ясно, что в этой области экономики играют роль отношения между большими и малыми группами людей в маркетинговых исследованиях; формирование конкурентного рынка; глобальные экономические модели, а также модели голосования в отдельных системах управления и т.д.

Итак, важную роль в развитии исследования по проблеме выбора являются актуальные вопросы общества во всех отраслях человеческой жизни.

Основной проблемой социологического изучения всех этих моделей является изучение причин и последствий выбора индивидов или выбора коллективов. Здесь форматы, принятые соци-

ологами в теории выбора, следующие: – «лучший выбор для себя», «лучший выбор для коллектива» [2].

Таким образом, общее значение теории выбора состоит в том, что она позволяет понять основные черты выбора, ядро, понять структуру логических решений выбора.

В истории наук на протяжении многих лет существовало мнение, что выбор задач является нормативным подходом: т.е. решения о выборе принимаются извне или изнутри, и исследователи уже не являются источником этих решений. Это формальный процесс сам по себе.

Теория выбора в социологии восходит к 18 веку. Некоторые социологические работы этого периода впервые содержат подобное описание разных видов выбора, а в их теоретических построениях встречаются мнения о наилучшей, высшей и других формах выбора. В середине XX века оптимальным выбором стали называть в социологии более широкую, разнообразную, включающую систему «бинарных» отношений по ряду критериев [5; 11].

В дальнейшем развитии этой теории вопрос о понимании выбора как рациональной аксиомы продолжился.

Начиная с 1970-х годов вокруг теории выбора вовсе стали возникать самые разные мнения и научные соображения. Эти научные соображения основывались на том, что теории о классическом, рациональном выборе основывались скорее на интуиции, далекой от науки и логики, и, конечно, на необходимости разработки более серьезных вариантов по указанному проблеме социологами [10, с. 28–45].

В последние годы некоторые ученые используют анализ иллюстративных интерактивных примеров, чтобы полностью понять природу теории выбора. Например, российские социологи Айзерман М.А., Алескеров Э.Т. на наш взгляд, проводили эксперименты в более интересных областях [2, с. 14–15, 27–38; 11, с. 41–86].

Так, для выделения важных элементов акта отбора авторы использовали термин «гипотеза устойчивости» и обо-

значили три сферы современного мира, к которым относятся все люди, особенно молодежь. Это:

1. Отбор чемпионов по видам спорта
2. Выбор потребительских товаров
3. Выбор основных принципов отбора деятельности отдельных комитетов внутри коллективов, например, профсоюзов.

Основная идея «гипотезы устойчивости» состоит в том, чтобы иметь не менее двух сравнительных позиций в каждом из трех вариантов и делать из них выбор [11, с. 42–56].

В частности, в финальном туре спортивных соревнований при выборе чемпиона учитываются общие результаты спортсмена или спортсменов или команды или команд, и после анализа побед последних шести месяцев выбираются кандидаты на первенство и выбор объективен.

При этой гипотезе нет необходимости даже в непрерывной конкуренции; Главная цель – правильно выбрать победителей.

По варианту II исследуются товары, предпочитаемые потребителем, уточняется их ежедневное количество для продажи, и практически без изменения состава магазины обеспечивают потребителей этими товарами на регулярной основе, не меняя состава товара

Согласно теории «гипотезы устойчивости», после изучения мнения коллективов о различных комитетах и организациях на основании варианта III, если какой-либо из них имеет более высокий рейтинг, они продолжают работать.

Таким образом, всегда есть сомнения в том, что выбор во всех трех вариантах адекватен, оптимален и окончательный. Социологи делают выводы, анализируя набор более мелких, но важных элементов подгруппы при решении таких проблем.

Однако сегодня как в связи со спортивными соревнованиями, так и в связи с поставками товаров народного потребления в этих сферах работает специальная группа менеджеров, и их анализ зачастую приводит к правильному выбору в мире.

Правильное решение проблем выбора по варианту III уже зависит от истории общественных отношений, общественного сознания граждан стран.

Пример, который мы показали выше, состоит в том, что почти во всех странах мира с 18-го века люди отдают предпочтение профсоюзу, как организации, которая в значительной степени принята трудовыми коллективами в экономически развитых, развивающихся или отсталых странах.

В целом, когда реализуется цель эквивалентности процессуальных правил отбора в условиях массовости, разнообразия, конкуренции, недовольства у людей почти не возникает.

Особенно в последние 50 лет особенно бросается в глаза тот факт, что молодежь не приемлет односторонний выбор во всех сферах общественной жизни. Это может привести даже к беспорядкам в некоторых районах развитых стран. Исследования показывают, что правила процедуры отбора зависят от формальной модели отбора.

Формальная модель – предварительный сбор всех имеющихся данных; заранее заданное выполнение конкретных алгоритмов работы этого сборника; затем определение результатов выбора объекта

Средняя математическая процедура для этой процедуры следующая;

Если мы пометим данные в первую очередь знаком X, сформируется следующее правило:

X – отбор – анализ – результат

Или, если использовать символы x и y в широком смысле:

x выбор _____ y ±

Это выразилось такой формулой, приблизительно упрощающей формальный выбор [10, с. 46–53].

Итоговой отчет: В целом, можно констатировать, что когда реализуется цель эквивалентности правил процедуры отбора в условиях массовости, разнообразия, конкуренции, недовольства у людей становится почти меньше. В частности, в последние 50 лет стал очевиден тот

факт, что молодежь не приемлет односторонний выбор во всех сферах общественной жизни. Это может привести даже к массовым беспорядкам в некоторых районах развитых стран.

Развитие молодежных обществ и решение вопросов специализации в силу их социально-экономических условий играют важную роль в уточнении индивидуально-социальных аспектов выбора.

Выбор профессии является одним из ключевых вопросов на всех этапах жизни человека, в том числе и в ранней юности. В истории человечества в исторической науке существует примерная хронологическая таблица начала и конца первого и второго разделения труда. Основные специальности – земледелие, скотоводство, ремесленничество и профессии, связанные с последним промыслом, – продолжают носить несколько иные названия и по сей день [6].

Возникновение вопроса о сотрудничестве в области искусства в новейшей истории связано с учреждением первого представительства в Страсбурге, Франция в 1903 г., в 1908 г. в США и Бостоне. Идеологическая основа обоих видов услуг была основана на «трехфакторной» модели Парсона [8].

Для молодежи на выбор искусства в этой модели:

- специальные возможности
- соответствующие психологические качества
- Требовалось предварительное определение степени творчества [8].

На самом деле молодежная модель не была новшеством в художественном отборе. Так, в древней Вавилонии до н.э. В середине третьего тысячелетия выпускников школ проверяли, и тех, кто умел правильно и ясно писать, отбирали и назначали на государственные должности; или, в древнем Китае, есть научные сведения об отборе желающих работать госслужащими по особым требованиям.

В Новое время индивидуальная и социальная природа свободы выбора почти полностью изменилась. Таким образом, открытость некоторых межгосу-

дарственных границ, быстрое развитие общественного производства и скорость мобильности общества – людей – значительно расширили масштабы индивидуального выбора по специальности

Свобода выбора интересует не только социологов, но и философов и психологов в силу сложности проблемы. Это, в свою очередь, подтверждает важность профессионального выбора в правильной реализации собственного потенциала и является чуть ли не предметом дискуссии в современных гуманитарных науках.

Течение жизни в современном мире, беспрецедентный темп социальных изменений ставит человечество, а также молодежь, которая всегда является главной движущей силой общества, перед чуть ли не «срочным» выбором.

Таким образом, в итоге следует отметить, что проблема выбора в социологии представляет собой важный процесс, затрагивающий все сферы жизни человека; человек определяется прежде всего как личность в двух аспектах. Во-первых, личность понимается как прочная устойчивая система общественно важных качеств члена общества, единства, группы, класса и класса, во-вторых, как свободный, ответственный субъект сознательной, добровольной деятельности, индивидуальный носитель этих социальных качеств. Молодежь всегда и везде считалась одной из главных движущих сил, как один из элементов социальной структуры общества.

И правильный выбор является успехом не только отдельных личностей, но и в целом общества.

Литература

1. Айзерман М.А. Некоторые новые задачи общей теории выбора (обзор одного направления исследований) // Автоматика и телемеханика, 1984, № 9, с. 5–43.
2. Айзерман М.А., Алескеров Ф.Т. Синтез локальных моделей коллективного выбора // Автоматика, 1988, № 1, с. 74–83.
3. Айзерман М.А., Алескеров Ф.Т. Теория коллективного выбора // Системы

- управления – теория и техника. М.: Институт проблем управления, 1985, с. 27–38.
4. Березовский Б. А., Гнедш А.В. Задача наилучшего выбора. М.: Наука, 1984, 196 с.
 5. Данилов В.И. Структура бинарных правил агрегирования предпочтений // Экономика и математические методы, Т. 20, вып. 5, 1984, с. 882–893.
 6. Канеман, Д. Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, Е. Тверски // Психологический журнал, – Москва: – 2003. – Т. 24. – № 4, – с. 31–42.
 7. Либкин Л.О. Алгебраические методы построения и анализа классов функций выбора//Проблема выбора и нечеткие множества. М.: ВНИИСИ, 1987, Вып. 14, с. 46–53
 8. Парсонс, Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. Американская социологическая мысль / Пер. с английского Н.Л. Полякова. – Москва: 1996. – с. 494–526. [Электронный ресурс] 10.02.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3096>
 9. Платон. Избранные диалоги / Платон. – Москва: Художественная литература, – 1965. – 442 с.
 10. Arrow K.J. Rational Choice Functions and Orderings //Economica (N. S.), 1959, V. 26, p.121–127
 11. Ferejohn J. A., Fishburn P.C. Representation of binary decision rules by generalized decisiveness structures // Economic Theory, 1977, v. 21, N 1, p. 28–45

THE EVOLUTION OF THE INSTITUTION OF SOCIAL CHOICE

Aliyev Z.H.

Azerbaijan National Academy of Sciences

Since ancient times, humanity has always had interest in freedom of choice in all branches of life and relationships between people. Since sciences have developed, this vital interest has logically found its place in the circle of problems not only of sociologists but of philologists and psychologists and other sciences due to the complexity of public relations. Thus, this issue, in its turn, emphasizes the importance of profes-

sional choice for the correct realization of one's own potential of all people, and therefore, it is perhaps the main source of discussions in most modern humanitarian sciences.

In early forms of society that emerged during the period of primitive communal system, the choice problem and all that concerns this issue is confirmed in such sciences as archeology and anthropology, historical ethnology. Scientists involved with these branches of science, point to the level of development of productive forces and relationships between people as a key factor in determining choice. In the emergence of class societies and the formation of states, an issue of a man's choice depended on which class he belonged to. In such societies, the choice of people in advance is formed with rules of religion and mythology. These facts fall within the scope of such sciences as epigraphy, genealogy, psarography, etc. In the new and recent history, the nature of freedom of individual and social choices, have almost totally changed.

Thus, the openness of inter-state borders, rapid development of international production and speed of social mobility of people has greatly expanded the scope of individual choice of specialties.

All these problems appear as more actual challenges of the young, teenagers and during the youth period. Meanwhile, such livelihood problems affect all their life. This also may cause to unsolved problems when they fail to make correct decisions. All these hinder the young in growing and becoming as an individual. As this problem has not been studied thoroughly, the urgency of this issue is considered in the current topic.

Keywords: labor and the issue of early choice in people, Social division of labor, stability hypotheses, methods of choice.

References

1. Aizerman M.A. Some new problems of the general theory of choice (a review of one area of research) // Automation and Telemechanics, 1984, No. 9, pp. 5–43.
2. Aizerman M.A., Aleskerov F.R. Theory of collective choice// Management systems – theory and technology M.: Institute for problems of management, 1985, pp. 27–38.
3. Aizerman M.A., Aleskerov F.T. Synthesis of local models of collective choice // Automation, 1988, No. 1, pp.74–83.
4. Berezovskiy B.A., Gnedsh A.V. The best choice task. M.: Science, 1984, p.196.

5. Danilov V.I. The structure of binary rules for Aggregating Preferences// *Economy and mathematical methods*, Vol.20, ed. 5., 1984, pp.882–893.
6. Kaneman D. Rational choice, values and frames / D. Kaneman, Y. Tversky // *Psychological journal*, – Moscow: – 2003. – V. 24. – No. 4, – pp.31–42.
7. Libkin L.O. Algebraic methods of construction and analysis of classes of choice functions//the problem of choice and fuzzy sets. M.: All-Union Research Institute for System Research, 1987, ed.14, pp. 46–53.
8. Parsons T. The concept of society: components and their relationships. American sociological thought / Translated from English by N.L. Polyakov. – Moscow: 1996. – pp. 494–526. [Electronic resource] 10.02.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3096>
9. Plato. Selected dialogues/Plato – Moscow: Fiction,– 1965. – p. 442.
10. Arrow K.J. Rational Choice Functions and Orderings // *Economica* (N. S.), 1959, V. 26, p.121–127.
11. Ferejohn J. A., Fishburn P.C. Representation of binary decision rules by generalized decisiveness structures // *Economic Theory*, 1977, v. 21, No. 1, pp. 28–45.

Структура и механизмы управления мегаполисом

Черкасова Ирина Константиновна,

старший преподаватель кафедры теории и истории культуры, Российский университет дружбы народов
E-mail: chik-lady@mail.ru

В статье рассмотрены структура и механизмы управления мегаполисом. Город – сложная социально-экономическая и территориальная система, постоянно меняющаяся и обеспечивающая не только функционирование и развитие города, но и совокупность методов и различных способов взаимодействия.

Выявлены определяющие механизмы работы органами местного самоуправления, представлена система критериев эффективного менеджмента. Рассмотрены не только цели, задачи и перспективы роста, но и проблемы возникающие в процессе моделирования города. Раскрывается структура инновационного развития городов, состоящего из качественно новых инструментов в управлении. Внедрение и реализация инновационных проектов меняет роль городских территорий, и вследствие этого появляются связывающие звенья соприкосновения, а также новые возможности, новые вызовы для экономики, которые создают взаимовыгодные преимущества как для жителей города, так и для бизнеса. Средствами реализации выступают активности городских властей с комьюнити горожан. В рамках целостного городского управления существует необходимость создания смешанной структуры инструментариев, комбинируя различные способы, методы, приёмы сбалансированного характера для достижения целевых показателей.

Управление в современном мегаполисе представляет собой сложную организационно-техническую систему, и для комплексного решения экономических, социальных, информационных, экологических и многих других задач, следует рассматривать стратегическое планирование, целеполагание и контроль как целостность и эффективность работы.

Ключевые слова: урбанизация, мегаполис, управление, стратегическое планирование, потенциал деятельности, мегарегион, целеполагание.

Быстрые темпы урбанизации, концентрации плотности населения, вызов научно-технического прогресса – эти факторы формируют стандарты качества жизни, дающие мощный импульс для развития социально-экономического потенциала общества.

Крупные мегаполисы аккумулируют в себе многие потенциалы деятельности – финансы, промышленность, кадры, традиции, науку, и т.д. Это сложная экономическая и социальная система, по многим параметрам похожая на государство. Система управления в мегаполисе подчинена структуре отдельных секторов.

Мегаполис не только большой город, это город со сложной системой управления, и место притяжения большого количества людей. Концепцию определения мегаполиса предложил американский учёный Жан Готтман, по мнению которого развитие новых информационных технологий, коммуникаций и региональных иконографий даёт возможность формироваться мегаполисам [1].

Бурное развитие мегаполисов стало явлением XX века, что обусловлено целесообразностью развития экономических зон, которые создают выгодные преимущества для населения, управления, бизнеса. Мегаполисы обладают рядом особенностей, как позитивных, так и негативных. Из позитивных особенностей мы выделяем преимущества инноваций в различных сферах деятельности, которые повышают факторы роста и быстрого реагирования и развития города. Из негативных особенностей важно отметить фактор большой нагрузки на окружающую среду из-за большого количества автомобилей, а также бурного роста производства и разрастания жилищного фонда. Совершенствование новых механизмов управления, адаптация к новым реалиям положительно скажется на эффективную работу управления мегаполисом.

На сегодняшний момент тенденции инновационного развития мегаполисов наблюдаются во многих странах. Важно отметить, что многие мегаполисы становятся ядром, дающим мощную энергию комплекса развития для генерации прогресса всей экономической и социальной системы города.

Беспрецедентный рост городов и высокий темп развития территории провоцируют и вскрывают многие проблемы, с которыми сталкиваются крупные мегаполисы. Давно устоявшиеся города, как правило не испытывают внезапных проблем во всех сферах социальной жизни. Имея план развития города, власти распределяют свои обязанности между федеральными и городскими управленцами выполняющих свои координационные действия в соответствии с генеральной концепцией развития. В таких мегаполисах больше плюсов, чем минусов. В них сосредоточен огромный потенциал технических и экономических ресурсов, выгодное географическое положение, высокий рост инноваций. В этих городах задан высокий темп жизни, что не исключает, а наоборот вынуждает оперативно искать новейшие решения в кратчайшие сроки для решения многочисленных вызовов. Несомненно, чем больше людей в городском пространстве, тем динамичнее их взаимодействие во всех социальных сферах, и соответственно сложнее и многограннее инфраструктура. Вследствие этого появляются связывающие звенья соприкосновения, новые возможности, новые точки роста для экономики, которые создают взаимовыгодные преимущества как для жителей города, так и для бизнеса.

Проблемы мегаполисов имеют разные формы и задачи, и каждый город по-своему справляется с возникшими потребностями. Яркий пример мегаполиса – Москва, имеющая статус супер агломерации и важный экономический донор федерального бюджета страны. Московская агломерация меняет карту страны посредством открытия новых секторов экономики, предоставляя новые рабочие места не только в своих границах,

но и за пределами агломерации. Важный агломерационный эффект Москвы – показатель-ускоритель экономического роста, то есть: показательная результативная экономика, большое число рабочих мест, высокая производительность труда, открытие разнообразных бизнесов, всё это приносит в бюджет доходы, которые потом перераспределяются также и в других регионах.

Развитие мегарегионов нельзя сводить к простому разрастанию соседних агломераций. Усложнение всей структуры играет важную роль в развитии урбанизации [2]. Известный теоретик Ричард Флорида в своей работе «Кто твой город?» попытался раскрыть понятие мегарегионов: «город всегда был естественной экономической единицей, но в последние несколько десятилетий то, что когда-то называлось городами, что состояло из ядра, окруженного селами, а позднее пригородами, выросло в мегарегионы, включающее две и более агломерации» [3]. Главный мегаполис, ядро, деловой и экономический центр вовлекает близлежащие территории в свой раскручивающийся механизм, образуя всё новые области с потенциалом и высоким уровнем работоспособности. При всех этих обстоятельствах и происходит слияние всех взаимодополняющих факторов воедино. «Мегарегион – это новая естественная экономическая единица, – результат взаимопритяжения центров инноваций, производства и потребления.» [3]

Все крупные города имеют множественные параметры функционирования, тем самым постоянно модернизируя и наполняя свою среду. Зная полную информацию о развитии, можно составить пакет универсальных показателей, основанных на комплексных характеристиках и целеполагающих свойствах конкретного города, что является важным элементом в управлении городом и дальнейшего его моделирования. Исследование городских критериев усложняется тем, что их может быть различное множество в зависимости от многих факторов. Поэтому их можно группировать и систематизи-

ровать любым способом. В эффективном менеджменте существуют 4 этапа управления: грамотное планирование, мотивация, управление, контроль. Но все эти критерии не будут работать эффективно, если нет контроля по всем направлениям.

Нам представляется следующая система распределения (табл. 1).

Таблица 1. Система показателей/критериев эффективного управления

Городские сферы	Показатели критериев	Цель
Территориальная/градообразующая	ЖКХ, дорожно-транспортная инфраструктура, строительство, демография	Грамотное управление ЖКХ; Развитие ДТИ; Рост и темпы строительства; Стимулы для повышения демографии
Социальная	Трудовые места, здравоохранение, образование, досуг, культура, социальная напряжённость	Увеличение рабочих мест; Развитие образования; Культурная политика;
Экономическая	Бизнес, инвестиции	Поддержка малого и среднего бизнеса
Управленческая	Органы власти, законодательная база	Взаимодействие горожан с органами власти
Информационная	СМИ, интернет-ресурсы	Новые технологии в медиапространстве

Таким образом, мы видим, что для эффективного управления всегда нужны целевые показатели, будь то небольшое предприятие или городское управление.

Цель всегда показывает важность развития той или иной сферы, и задаёт вектор прогресса для формирования благоприятных, комфортных, безопасных условий для совершенствования социально-экономических функций развития территорий.

Предполагается в процессе управления городом внедрять комплексные

методы городского самоуправления, а также на постоянной основе обеспечивать активное участие не только городской администрации, но и частного сектора. Специфика заключается в том, что имея особые формы взаимодействия внутри городского социума, решаются значимые проблемы, а спланированная концепция выводит управление на новый качественный уровень.

Большинство современных технологий менеджмента можно использовать с успехом не только в коммерческой сфере, но и в государственном и муниципальном управлении. Все перечисленные технологии необходимо адаптировать под городское управление, для успешного внедрения в социальную сферу общества.

Сегодня в практику работы учреждений муниципального управления проникает технология создания команд, т.е. гибких временных творческих групп, ориентированных на создание нового или совершенствование старого «продукта». Временные творческие коллективы создаются по инициативе властей для решения конкретных управленческих задач [4].

Концептуальный подход к управлению городом, систематизация новых направлений и разработок, планирование, стратегический алгоритм станет важным преобразованием к положительным тенденциям.

Как показывает практика, многие важнейшие преобразования во многих сферах города внедрялись стихийно и непоследовательно, что привело к негативным последствиям. Вследствие этого, в новых условиях, многие управленческие инициативы столкнулись с проблемами: мало квалифицированных кадров, сложность организации процесса, нехватка необходимых ресурсов и т.д.

Для качественного управления городом, прежде всего органы местного самоуправления должны внедрять практики стратегического планирования и тесно взаимодействовать с властями города, гражданами и частным бизнесом.

Управление в современном мегаполисе представляет собой сложную организационно-техническую систему, тесную взаимосвязь и полное взаимодействие всех выделенных структур. Механизм управления городом должен соответствовать его специфике, территориальности, учитывать уровень его развития и стратегических планов.

Литература

1. Вершинина И.А. Концепция мегаполиса Жана Готтмана. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019;25(3):36–48.
2. Смирнягин Л.В. Мегарегионы как новая форма территориальной организации общества. Вестник Московского университета. Серия 5. География. М.2011.№ 1. с. 13
3. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / пер. с англ. М.: Strelka Press, 2014. С. 46–49
4. Заборова Е.Н. Городское управление. Екатеринбург, из-во Уральского университета, 2014, с. 235

THE STRUCTURE AND MECHANISMS OF MANAGEMENT OF THE METROPOLIS

Cherkasova I.K.
RUDN University

The article considers the structure and mechanisms of management of the metropolis. A city is a complex socio-economic and territorial system that is constantly changing and ensures not only the functioning and development of the city, but also a set of methods and various ways of interaction.

The defining mechanisms of work by local governments are identified, a system of criteria for

effective management is presented. Not only the goals, objectives and growth prospects are considered, but also the problems arising in the process of modeling the city. The structure of innovative development of cities, consisting of qualitatively new tools in management, is revealed. The introduction and implementation of innovative projects is changing the role of urban areas, and as a result, connecting links of contact appear, as well as new opportunities, new challenges for the economy, which create mutually beneficial advantages for both city residents and businesses. The means of implementation are the activities of the city authorities with the community of citizens. Within the framework of holistic urban management, there is a need to create a mixed structure of tools, combining various ways, methods, techniques of a balanced nature to achieve targets. Management in a modern metropolis is a complex organizational and technical system, and for a comprehensive solution of economic, social, informational, environmental and many other tasks, strategic planning, goal setting and control should be considered as integrity and efficiency of work.

Keywords: urbanization, metropolis, management, strategic planning, activity potential, megalopolis, goal setting.

References

1. Vershinina I.A. The concept of megalopolis by Jean Gottman. Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2019;25(3):36–48.
2. Smirnyagin L.V. Megaregions as a new form of territorial organization of society. Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography. M.2011.No. 1. p.13
3. Florida R. Who is your city? Creative economy and choice of place of residence / translated from English. M.: Strelka Press, 2014. pp. 46–49
4. Zaborova E.N. City Administration, Yekaterinburg, Ural University Publishing House, 2014, p.235

Современные тенденции обеспечения инклюзивности в парадигме высшего образования

Деточенко Людмила Станиславовна,

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: detochenko@sfnedu.ru

Образовательные среды, сформированные в различных государствах, можно условно разделить на эксклюзивные и инклюзивные. В России инклюзивность образования зафиксирована в ключевых законодательных актах, но в реальной практике можно увидеть многочисленные примеры эксклюзивности вузовской среды. В данной связи в статье рассмотрены важнейшие проблемы и перспективы развития концепции инклюзии в высшем образовании. Отмечена важность разработки конкретных педагогических технологий, позволяющих обеспечить инклюзию в высшем учебном учреждении. Вузы нуждаются в специальных образовательных модулях, которые будут учитывать состояние здоровья обучающихся. Проблема поиска педагогических технологий, обеспечивающих инклюзию в вузах, связана с проблемой инклюзивной цифровизации высшей школы. Перспективными также являются вопросы дистанционного и смешанного образования лиц, имеющих ограничения возможностей. Переход на дистанционное обучение актуализирует проблемы жилищных и финансовых условий социально незащищенных слоев населения. Кроме прочего, в статье рассмотрена проблема поиска и разработки средств педагогической диагностики качества и степени инклюзивности образования в вузах. Среди актуальных тенденций в области инклюзивного высшего образования – медицинское сопровождение инклюзии: высокое качество инклюзивного высшего образования возможно исключительно при условии интеграции усилий педагогов, психологов и медицинских работников. Отмечена тенденция внедрения практики повышения цифровой компетентности педагогов. Все инновации в плане обеспечения инклюзии возможны в рамках «кампусов будущего», сочетающего в себе преимущества цифровой образовательной среды, инноваций и безбарьерного пространства. Наконец, автором рассмотрена тенденция развития «инклюзивного языка» в сфере образования.

Ключевые слова: инклюзивность, высшее образование, безбарьерная среда, педагогическая технология, инклюзивное образование, вуз.

Адаптация образовательного процесса к потребностям людей с ограниченными возможностями здоровья на основе концепции инклюзивного образования в вузах – проблема, носящая критически важный характер. Во многих вузах разных стран мира практика введения инклюзивного высшего образования только зарождается, несмотря на то, что многие из них достаточно давно являются участниками международной Конвенции о правах инвалидов от 24 сентября 2008 г. Несмотря на то, что в развитых странах мира уже накоплен положительный опыт введения инклюзивного образования в высшей школе, получение высшего образования лицами с ограниченными возможностями здоровья до сих пор не является массовой практикой.

Данная проблема представляется особенно актуальной, если учесть тот факт, что в общей сложности в мире насчитывается около 1 миллиарда людей с инвалидностью, или 15% населения. При этом, согласно данным Программы развития Организации Объединенных Наций, уровень грамотности среди взрослого населения планеты с инвалидностью составляет 3%, среди женщин-инвалидов данный показатель достигает всего 1%. В данной связи крайне важно, чтобы лица с ограниченными возможностями здоровья были полностью включены в общественные процессы, в том числе и в образовательные практики [13].

Для того чтобы преодолеть существующее неравенство образовательных возможностей, международное сообщество взяло на себя обязательства по обеспечению инклюзивного и справедливого качественного образования. Данные обязательства были зафиксированы в 2015 г. в рамках Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 г. (2030 Agenda for Sustainable Development), представленной

под руководством Организации Объединённых Наций. Данный документ декларирует, помимо сокращения масштабов нищеты и достижения экологической устойчивости, обеспечение социальной справедливости и расширение прав и возможностей людей с ограниченными возможностями здоровья и удовлетворение их потребностей.

Н.Ю. Родыгина (с соавт.) указывает, что условно механизмы, приводящие к неравенству в сфере образовательной политики, можно разделить на универсальные и специфичные – определяемые социальными, культурными и экономическими условиями конкретной территории. Следуя устоявшимся в социально-культурной среде стереотипам и представлениям, местные правительства могут, сознательно или нет, отдавать предпочтение одним группам обучающихся, лишая другие группы возможностей получения качественного высшего образования. Деятельность государственных учреждений, таким образом, может приводить к коррекции диспропорций прав и возможностей граждан, либо, напротив, усугублять неравенство [9, с. 104].

Все это привело к формации двух типов образовательных сред: эксклюзивное и инклюзивное образовательное пространство. Безусловно, эксклюзивное образовательное пространство имеет дискриминирующий характер: в его рамках человек, отличающийся от большинства, отстранён от социума, не имея возможности продемонстрировать свои возможности. Л.А. Чиндина с соавт. именуют подобную среду дарвиновской [12, с. 190]: индивид, выделяющийся из группы, хоть и получает доступ к образовательной среде, но вынужден функционировать в ней наравне с другими участниками образовательного процесса, получая образование на общих основаниях.

Современное российское общество также сталкивается с вышеописанными проблемами, в связи с чем в научных и законодательных кругах все чаще высказываются мнения о реформировании сферы образования по модели,

позволяющей полноценно реализовать идею инклюзивности. Тем не менее, изменения сферы образования в сторону инклюзивности, происходящие сегодня, нельзя назвать существенными. Возможной причиной этого можно считать нежелание пересмотра существующего «удобного» уклада национальной образовательной системы. Кроме того, общество еще не пришло к осознанию того, что инклюзивность в образовании – необходимый и неизбежный этап эволюции современной цивилизации [3, с. 55].

Нацеленность на качество и модернизацию средней и высшей школы В. Дунаев называет декларативной: *де юре* многие государства имплементируют инклюзивную образовательную политику, разрабатывая законодательные массивы под эти цели, но *де факто* образовательная среда во многом остается недоступной для лиц с ограниченными возможностями здоровья [4]. Данный тезис подтверждается реальными фактами и статистикой: по данным исследования Т.Ю. Богомоловой и С.В. Коржук, большинство российских вузов не учитывают образовательные потребности студентов с инвалидностью и не имеют четко установленных технологий их обучения. Около трети исследуемых авторами вузов отличаются выраженностью ориентации на обучение людей с инвалидностью [2, с. 258].

В связи с вышеизложенным обозначим перспективные направления реализации концепции инклюзивности в высшей школе как в России, так и за рубежом. Прежде всего, следует отметить вопрос **разработки конкретных педагогических технологий, позволяющих обеспечить инклюзию в высшем учебном учреждении.** В рамках гуманистической парадигмы современной педагогики усилия учителей должны быть направлены на формирование условий, «способствующих гармоничному саморазвитию и самореализации личности в согласии с самой собой и обществом» [3, с. 56]. На сегодняшний день педагоги имеют ряд соответствующих педагогических техно-

логий, которые, тем не менее, должны быть усовершенствованы и «отфильтрованы» согласно современным представлениям об инклюзии. Перспективным направлением совершенствования образовательного процесса является **внедрение вариативных программ**, направленных на вовлечение учеников с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс. Применяются такие формы работы, как командные игровые турниры, коллективные исследования, разновозрастное обучение, взаимное обучение. В перспективе весьма желательно разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты для каждого обучающегося [3, с. 56]. Современный комплексный педагогический инструментарий, примененный в соответствии с гуманистическим вектором образования, безусловно, способен снизить риски эксклюзии и расширить диапазон методов сотрудничества между разными типами обучающихся, вне зависимости от состояния их здоровья.

Важным вопросом является разработка специальных образовательных модулей, которые будут учитывать, во-первых, состояние здоровья обучающихся, и, во-вторых, – их специализацию. Представляется невозможным разработать единый адаптивный модуль, общий для всех образовательных программ вуза. Программа, если следовать принципам инклюзивного образования, должна быть вариативной и, в конечном итоге, обеспечивать качественное образование лиц с ограничениями возможностей и лиц, не имеющих подобных ограничений. Согласно наиболее распространенному мнению, перечень, количество и содержание адаптивных модулей должно определяться каждым вузом самостоятельно и фиксироваться соответствующими нормативными актами. Необходимость выработки отдельного вузовского программного контента обусловлена вариативностью контингента обучающихся, особенностями кадрового состава и направленностью конкретного образовательного учреждения.

Вышеизложенная проблема поиска педагогических технологий, обеспечивающих инклюзию в вузах, тесно связана с проблемой **инклюзивной цифровизации высшей школы**. Современная образовательная среда характеризуется углублением цифровизации во все образовательные процессы и естественной сменой представлений о качественном образовании. Широко применяются облачные образовательные системы, интернет-сервисы; лекции и семинары все чаще проходят в формате видеоконференций. Абсолютное большинство вузов располагает электронными медиатеками и электронными учебными пособиями [10, с. 243]. Все эти инновации вызваны ростом требований современных студентов к формату подачи учебного материала. Цифровые технологии, естественно, применяются и в инклюзивном образовательном пространстве. В данной связи возникает вопрос об оптимальных формах работы со студентами, имеющими ограничения возможностей здоровья. Множество исследователей и педагогов-практиков склоняются к визуализации образовательного пространства (более того, важность визуального компонента информации в современном обществе породило отдельную научную отрасль – «социальную визиософию»). Визуализация в вузовском образовании подразумевает, как правило, инфографические средства или видеоматериалы, а потенциал их практического использования в учреждении образования практически неисчерпаем. В данной связи исследователям предстоит найти ответы на следующие вопросы: какую степень визуализации можно считать избыточной и в какой мере визуализация снижает критическое восприятие информации и приводит к фрагментарности и поверхностности восприятия [10, с. 244]. Тем не менее, визуализация, безусловно, выступает ключевой инновацией при обучении лиц с нарушением слуха. Лица с нарушением работы органов зрения, напротив, должны обучаться

в контексте, предполагающем аудиализацию образовательного процесса.

Одной из причин цифровизации образовательных систем является поворот вузовского образования к дистанционным формам проведения занятий. Система дистанционного обучения в вузе – важнейшее средство формирования образовательной среды. Перспективными, на наш взгляд, являются **вопросы дистанционного и смешанного образования лиц, имеющих ограничения возможностей**. Неизбежной тенденцией последних лет стала так называемая домоцентричность. Информатизация общества, наряду с недавней пандемией, привела к тому, что значительная часть людей стала работать и получать услуги (в том числе образовательные) удаленно. Д.Б. Литвинцев с соавт. справедливо отмечают: в условиях пандемии и после нее домоцентричность любого индивида колоссально повысилась [7, с 84]. Подобная тенденция результирует во множество проблем, связанных с психологическим и эмоциональным состоянием людей, ухудшающиеся вследствие изолированности от социума. Лица с ограниченными возможностями здоровья, при этом, и ранее были домоцентричными, а в современных условиях тотальный отрыв от общества может восприниматься ими крайне болезненно. Несмотря на очевидную простоту и очевидность данного умозаключения, попыток преодоления данного барьера социализации в стране, к сожалению, не наблюдается. Существующие практики мейнстриминга, способные смягчить домоцентричность, остаются дискретными.

Все вышесказанное, помимо прочего, повышает роль жилища в жизни современного человека, что актуализирует **исследования жилищных и финансовых проблем социально незащищенных слоев населения**. По данным множества зарубежных и отечественных исследований, значительная часть людей с инвалидностью страдает от бедности – как в развивающихся, так и в развитых странах. Домохозяйства, в которых есть члены семьи с ограни-

ченными возможностями, с большей вероятностью окажутся на пороге или даже за чертой бедности и утратят социально-экономический статус в случае экономического кризиса в стране или по причине изменения индивидуальных финансовых условий. Многие исследования, проведенные учеными из разных стран, достоверно подтверждают сильную степень корреляции между бедностью и инвалидностью. Недостаток средств напрямую влияет на доступ к высшему образованию. В результате лицо, имеющее ограничения, связанные с состоянием здоровья, может поступить в вуз, но не сможет продолжать обучение в нем из-за нехватки средств или отсутствия оборудования для прохождения домашнего курса обучения. Данную проблему мы считаем одной из наименее разработанных в современных исследованиях.

Одной из важных тенденций в обеспечении инклюзивности высшего образования является **поиск и разработка средств педагогической диагностики**. Тогда как эффективность и качество образования в целом подлежит измерению посредством целой батареи разнообразных диагностических методик, изучение и установление результатов обучения, воспитания и развития в условиях развития инклюзивного образования – относительно неразработанный вопрос теории и практики [11, с.108].

Важной тенденцией в области инклюзивного высшего образования становится **медицинское сопровождение инклюзии**. Высокое качество инклюзивного высшего образования возможно исключительно при условии интеграции усилий педагогов, психологов и медицинских работников; подобная комплексность – «обязательное условие построения индивидуального образовательного маршрута» [11, с. 110]. При этом постепенно функционеры национальных систем высшего образования приходят к осознанию того, что педагогическая, психологическая и медицинская диагностика не должна реализовываться в виде единичных замеров.

В современной парадигме инклюзивного образования предполагается системность проведения замеров, наряду с оперативным мониторингом количественных и качественных параметров.

Отметим, помимо прочих, тенденцию **интенсификации практик повышения цифровой компетентности педагогов**. Цифровая компетентность сегодня – неотъемлемый компонент квалификационного портрета педагога. При этом, как пишет Г.Ф. Арстангалева (с соавт.), методики ее оценки до сих пор не разработано. Безусловно, требуется инструмент, который бы позволил оценить цифровые компетенции педагога [1, с. 143]. Отсутствие цифровых компетенций, по нашему мнению, означает не только бедность обучающего инструментария, который может применить педагог, но и его неспособность к обеспечению принципа инклюзии, ведь множество обучающихся с ограничениями возможностей здоровья обучаются в дистанционном формате. По данным вышеотмеченных исследователей, наиболее высокий уровень сформированности цифровых компетенций ожидаемо фиксируется среди учителей информатики; критическим можно считать отставание по данному параметру среди педагогов гуманитарных дисциплин [1, с. 149]. Важность сформированности цифровых компетенций обусловлена также и тем фактом, что подавляющее большинство цифровых образовательных ресурсов не имеют адаптированных версий и не ориентированы на инклюзивное обучение, из-за чего являются малоэффективными при обучении учащихся с особыми потребностями. Таким образом, готового образовательного контента для лиц с особыми потребностями, как очевидно, недостаточно, а педагогов, способных его создать или адаптировать имеющийся, практически нет.

Среди перспективных векторов совершенствования инклюзивного высшего образования отметим **реформирование системы физического воспитания**. Вместо освобождения от за-

нятий физической культурой или включения в малоинтенсивные группы ЛФК в вузах проводится разработка адаптивных программ по физическому воспитанию, способствующих максимальному вовлечению студентов с ограничениями возможностей здоровья в занятия физической культурой [8, с. 77].

Глобальной тенденцией, которая в дальнейшем, возможно, определит путь развития концепции инклюзии в вузах, является **создание «кампусов будущего»**. «Кампус будущего» – такой тип университетского городка, который сочетает в себе преимущества цифровой образовательной среды, инноваций и безбарьерного пространства. Несмотря на то, что в целом данная тенденция соответствует глобальной, российские реалии зачастую вносят свои коррективы в имплементацию идеи «кампуса будущего». Речь идет, прежде всего, о таких барьерах, как низкий уровень финансирования вузов, износ зданий, недостаточно развитая транспортно-пешеходная инфраструктура, сниженный комфорт общежитий, низкие темпы внедрения ресурсосберегающих технологий. Тем не менее, в целом российская система высшего образования движется именно в сторону внедрения «кампусов будущего» [5, с. 226].

За рубежом при проектировании новых зданий учебных и жилых корпусов инклюзивность закладывается уже на этапе черновых проектов. За рубежом накоплен достаточно показательный опыт создания в кампусах так называемых *Deaf Space*, ориентированных на лиц с нарушениями работы органов слуха. В данных пространствах зрение и осязание являются основными средствами пространственного восприятия и ориентации студентов, а ключевым принципом проектирования выступает «сенсорная досягаемость» [14].

Наконец, отметим глобальную тенденцию **развития «инклюзивного языка» в сфере образования**. Одним из эффективных способов избавиться от стигматизации инвалидов является сознательное использование «инклюзивного языка» как в пределах учеб-

ной среды, так и вне ее. Подобный язык основывается на позитивных образах учащихся с инвалидностью и смещает акцент с физических или психических недостатков на уникальные потребности и характеристики таких учащихся [14]. Несмотря на то, что некоторые исследователи сопоставляют подобные изменения языковой практики с «новоязом» Дж. Оруэла, необходимость исключения определенных формулировок в отношении лиц с ограничениями возможностей здоровья неоспорима. Исследования в данной области многочисленны, но, при этом, авторы до сих пор не пришли к единому мнению о сущности и функциях инклюзивного языка в сфере образования. В качестве причин этого можно отметить вариации в дефинициях политической корректности и поляризацию общества в ее отношении. Кроме того, наблюдается динамика политически корректного языка: многие номинации, считающиеся приемлемыми сегодня, могут в последствии расцениваться как недопустимые [6, с. 198].

Таким образом, инклюзивность в высшей школе – довольно проблемный компонент функционирования образовательных систем государств. Многие из этих проблем пока не находят своего решения, тогда как другие – вполне разрешимы в ближайшей перспективе. Задача современных законодателей, управленцев сферы образования и педагогов – сделать так, чтобы декларируемая инклюзивность в вузах трансформировалась в инклюзивность реальную, ощутимую. Только в этом случае можно будет говорить о полноценном доступе к образовательным услугам, заявленном в ключевых законодательных актах нашей страны.

Литература

1. Арстангалеева, Г.Ф. Оценка сформированности цифровых компетенций педагогических работников / Г.Ф. Арстангалеева, М.Н. Тезина, С.М. Слободчикова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – № 3. – С. 140–155.
2. Богомолова, Т.Ю. Высшее образование для людей с инвалидностью в России: на пути к инклюзивному формату / Т.Ю. Богомолова, С.В. Коржук // Мир экономики и управления. – 2018. – № 4. – С. 254–268.
3. Дельцова, И.А. Инклюзивность как новый ориентир образования / И.А. Дельцова // Ноосферные исследования. – 2020. – № 2. – С. 55–58.
4. Дунаев, В. Школы и вузы: деформации образовательной политики / В. Дунаев // Белорусский ежегодник. – 2020. – № 1. – С. 158–167.
5. Елисеев, А.М. Кампусы будущего в университетских городах России и Франции в условиях цифровой экономики, инноваций и безбарьерной среды / А.М. Елисеев, Ю.В. Подопригора, Т.В. Захарова // Вестн. Том. Гос. Ун-та. Экономика. – 2020. – № 49. – С. 225–235.
6. Леонтович, О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий / О.А. Леонтович // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2021. – № 1. – С. 194–220.
7. Литвинцев, Д.Б. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии / Д.Б. Литвинцев, Л.Б. Можейкина, В.В. Дегтярева // Вестн. Том. Гос. Ун-та. – 2021. – № 468. – С. 84–92.
8. Минская, Е.В. Адаптивная физическая культура для студентов с нарушениями здоровья в рамках инклюзивного образования в вузе / Е.В. Минская // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». – 2021. – № xviii. – С. 76–79.
9. Родыгина, Н.Ю. Опыт зарубежных стран по экспорту образовательных услуг в рамках обеспечения цели устойчивого развития / Н.Ю. Родыгина, В.И. Мусихин, И.А. Арзуманов, С.В. Молева // образование и право. – 2021. – № 12. – С. 102–110.
10. Треушников, И.А. Преподавание в эпоху цифрового общества /

- И.А. Треушников, М.Б. Ротанова // юридическая наука и практика: вестник нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 243–244.
11. Челнокова, Т.А. Диагностика и мониторинг в системе инклюзивного образования / Т.А. Челнокова // Гуманитарные науки. – 2022. – № 1 (57). – С. 107–113.
 12. Чиндина, Л.А. Развитие образовательного пространства через увеличение степени инклюзии (мировой опыт) / Л.А. Чиндина, М.В. Берсенев, А.Л. Козлитина // Вестн. Том. Гос. Ун-та. – 2018. – № 437. – С. 188–196.
 13. Disability and higher education: workforce preparedness for students with disabilities // United Nations Organization. – 2022. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/en/disability-higher-education-workforce-preparedness-students-disabilities>. – Date of access: 28.07.2022.
 14. Shaewitz, D. Higher education's challenge: disability inclusion on campus / D. Shaewitz, J.R. Crandall // Higher Education Today. – 2020. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.higheredtoday.org/2020/10/19/higher-educations-challenge-disability-inclusion-campus/>. – Date of access: 28.07.2022.

MODERN TRENDS IN ENSURING INCLUSIVENESS IN THE PARADIGM OF HIGHER EDUCATION

Detochenko L.S.
Southern Federal University

Educational environments formed in different states can be conditionally divided into exclusive and inclusive ones. In Russia, the inclusiveness of education is fixed with key legislative acts, but in real practice we can face numerous examples of the exclusivity of the university environment. In this regard, the article considers the most important problems and prospects for the development of the concept of inclusion in higher education. The importance of developing specific pedagogical technologies to ensure inclusion in a higher educational institution is noted. Univer-

sities need special educational modules that will take into account, firstly, the state of health of students, and secondly, their specialization. The problem of finding pedagogical technologies that ensure inclusion in universities is related to the problem of inclusive digitalization of higher education. The issues of distance and mixed education of persons with disabilities are also promising. The transition to distance learning actualizes the problems of housing and financial conditions of socially unprotected segments of the population. Among others, the article considers the problem of finding and developing means of pedagogical diagnostics of the quality and degree of inclusiveness of education in universities. Among the current trends in the field of inclusive higher education is medical support for inclusion. The high quality of inclusive higher education is possible only if the efforts of teachers, psychologists and medical workers are integrated. The trend of introducing the practice of increasing the digital competence of teachers is noted. All innovations in terms of ensuring inclusion are possible within the framework of the “campus of the future”, which combines the advantages of a digital educational environment, innovation and barrier-free space. Finally, the author considers the development trend of inclusive language in education.

Keywords: inclusiveness, higher education, wear-free environment, educational technology, inclusive education, university.

References

1. Arstangaleeva, G.F. Evaluation of the formation of digital competencies of pedagogical workers / G.F. Arstangaleeva, M.N. Tezina, S.M. Slobodchikova // Domestic and foreign pedagogy. – 2022. – No. 3. – S. 140–155.
2. Bogomolova, T. Yu. Higher education for people with disabilities in Russia: on the way to an inclusive format / T. Yu. Bogomolova, S.V. Korzhuk // World of Economics and Management. – 2018. – No. 4. – P. 254–268.
3. Deltsova, I.A. Inclusivity as a new landmark of education / I.A. Deltsova // Noospheric research. – 2020. – No. 2. – P. 55–58.
4. Dunaev, V. Schools and universities: educational policy deformations / V. Dunaev // Belarusian Yearbook. – 2020. – No. 1. – S. 158–167.
5. Eliseev, A. M., Podoprigora Yu. V., Zakharova T.V. Campuses of the future in university cities of Russia and France in the conditions

- of digital economy, innovations and barrier-free environment // *Vestn. Volume. State. University. Economy.* – 2020. – No. 49. – S. 225–235.
6. Leontovich, O.A. Political correctness, inclusive language and freedom of speech: dynamics of concepts / O.A. Leontovich // *Vestnik RUDN. Series: linguistics.* – 2021. – No. 1. – P. 194–220.
 7. Litvintsev, D.B. Inclusive living in Russia as an aspect of the multidimensionality of social inclusion / D.B. Litvintsev, L.B. Mozheykina, V.V. Degtyareva // *Vestn. Volume. State. University.* – 2021. – No. 468. – P. 84–92.
 8. Minskaya, E.V. Adaptive physical culture for students with health disorders within the framework of inclusive education at the university / E.V. Minskaya // *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference “Science and Society”.* – 2021. – № xviii. – P. 76–79.
 9. Rodygina, N. Yu. Experience of foreign countries in the export of educational services in the framework of ensuring the goal of sustainable development / N. Yu. Rodygina, V.I. Musikhin, I.A. Arzumanov, S.V. Moleva // *education and law.* – 2021. – No. 12. – P. 102–110.
 10. Treushnikov, I.A. Teaching in the era of digital society / I.A. Treushnikov, M.B. Rotanova // *legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* – 2020. – No. 1 (49). – P. 243–244.
 11. Chelnokova, T.A. Diagnostics and monitoring in the system of inclusive education / T.A. Chelnokova // *Humanities.* – 2022. – No. 1 (57). – P. 107–113.
 12. Chindina, L. A., Bersenev, M. V., Kozlitsina, A.L. Development of educational space through increasing the degree of inclusion (world experience) // *Vestn. Volume. State. University.* – 2018. – No. 437. – S. 188–196.
 13. Disability and higher education: workforce preparedness for students with disabilities // *United Nations Organization.* – 2022. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.un.org/en/disability-higher-education-workforce-preparedness-students-disabilities>. – Date of access: 07/28/2022.
 14. Shaewitz, D. Higher education’s challenge: disability on campus / D. Shaewitz, J.R. Crandall // *Higher Education Today.* – 2020. [Electronic source]. – Mode of access: <https://www.higheredtoday.org/2020/10/19/higher-educations-challenge-disability-inclusion-campus/>. – Date of access: 07/28/2022.

Применение лингвистических методов для определения культурных кодов в семиотике культуры

Кащеев Сергей Иванович,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: Skash1766@mail.ru

Гусева Светлана Владиславовна,

кандидат философских наук, кафедра философии,
Саратовская государственная юридическая
академия
E-mail: gusevasvetlana19@mail.ru

Семиотика культуры постоянно сталкивается со значительной проблемой, связанной с отсутствием единых правил интерпретации культурных кодов, что, в свою очередь, определяется невозможностью установить строгие синтаксические правила связи знаков в языке культуры. Именно этот факт, отмеченный еще Э. Бенвенистом, не позволяет семиотике культуры приобрести ту строгость и законченность, которую мы в достаточной мере наблюдаем в когнитивной семиотике. В данной работе делается попытка преодолеть эту трудность путем нестандартного использования методов лингвистического анализа. Определенные структуры языка сами по себе являются знаками, указывающими на состояние общественного сознания в данном конкретном социуме. Соответственно, для семиотического анализа культуры необходимо вычленивать, во-первых, такие же смысловозграничительные единицы, какими в лингвистике являются фонемы, во-вторых же, определить хотя бы минимальный набор правил связи этих единиц, т.е. установить некий синтаксис культурного кода. Настоящая работа посвящена решению этих задач.

Ключевые слова: знак, культурный код, синтаксис культуры, семиотика.

Любое живописное произведение (более того – архитектурное сооружение, предметы одежды, сервировку стола и т.д.) можно рассматривать как некое сообщение, обладающее определенным содержанием. Иными словами, любой культурный артефакт является знаком, а вместе они составляют определенную знаковую систему, а значит, могут быть рассмотрены с точки зрения семиотики. Целью данной работы является выявление некоторых законов синтаксиса культурного кода.

На первый взгляд, проблема кажется давно разрешенной. Любое произведение живописи можно рассматривать как иконический знак (напомним, Ч. Пирс ввел разделение знаков на иконические, знаки-индексы и знаки-символы; иконический знак содержит элементы сходства обозначаемого и обозначающего) [см.:6], и в качестве такового оно автоматически попадает в сферу исследований семиотики. В частности, У. Эко в «Отсутствующей структуре» считает проблему снятой: «...в иконических знаках преобладают, и иногда значительно, те элементы, которые применительно к словесному языку называют факультативными вариантами и суперсегментными характеристиками. Но признать это вовсе не значит утверждать, что иконические знаки ускользают от кодификации». [11; 181]

Однако Э. Бенвенист, говоря о попытках семиотического анализа изобразительных искусств, справедливо замечает: «Здесь с самого начала мы сталкиваемся с одной принципиальной трудностью: лежит ли в основе всех этих искусств нечто общее, кроме расплывчатого понятия “изобразительное”? Можно ли в каждом или хотя бы в одном из них обнаружить формальный элемент, который можно было бы назвать *единицей* рассматриваемой системы? Но что такое единица живописи или ри-

сунка? Фигура, линия, цвет? И вообще, имеет ли смысл вопрос, поставленный подобным образом?». [3; 80–81]. Речь идет о том, что не всякий набор знаков является знаковой системой, отдельные элементы живописного произведения представляют собой «мешанину знаков». Чуть ниже Бенвенист высказывается еще более определенно: «Таким образом, художник творит свою собственную семиотику: в расположении мазков на холсте он создает свои оппозиции, которые он сам делает значимыми в пределах их собственного яруса, он не получает готового и признанного набора знаков и не устанавливает его сам. Материал, то есть цвет, обладает свойством безграничных градаций оттенков, ни одну из которых нельзя приравнять к языковому 'знаку'» [3; 83].

Здесь следует обратить особое внимание на даты выхода книги. Первое издание «Проблемы общей лингвистики» было опубликовано в Париже в 1966 году, второе – в 1972. При подготовке обоих изданий автор не изменяет текста указанной статьи, несмотря на множество работ, в которых, как уже было сказано, проблема объявляется решенной. Уже созданы «Семиотика» Р. Барта, «Система вещей» Ж. Бодриера, «Отсутствующая структура» У. Эко, «Сырое и вареное» К. Леви-Стросса, и везде речь идет о семиотике (или, что то же, семиологии) культуры. Тем не менее, Бенвенист не признает этого решения, более того, он утверждает, что создание семиотики культуры – дело будущего: «Окажется ли возможным выделить в системе культуры формальные структуры, подобные тем, которые Леви-Стросс ввел в системы родства? Будущее покажет» [3; 42].

Проблема, которую поставил Бенвенист, может быть переформулирована в терминах семиотики культуры следующим образом: существуют ли в рамках культурного кода (в частности, в изобразительном искусстве) такие смыслоразграничительные единицы, которые соответствовали бы смыслоразграничительным единицам (фонемам) естественного языка?

Эко вслед за Бартом считает возможным рассмотрение любого артефакта культуры как сообщения, следовательно, – семиотически: «Иконический код порождается архитектурным... и становится предметом коммуникативного обмена... И тогда происходит то, что имеет в виду Р. Барт, когда пишет, что 'с того мига, как возникает общество, всякое использование чего-либо становится знаком этого использования'. Использовать ложку для того, чтобы донести до рта пищу, значит, кроме всего прочего, реализовать некую функцию при помощи орудия, которое позволяет ее осуществить, но сказать, что данное орудие позволяет осуществить эту функцию, значит указать на коммуникативную функцию самого орудия, – орудие сообщает об исполняемой им функции; тогда как тот факт, что некто пользуется ложкой, в глазах общества разворачивается в сообщение об имеющемся навыке пользования данным орудием в отличие от других способов принятия пищи, как то: еда руками или прямо из любой содержащей пищу емкости» [10; 205–206]. Эко считает, что наличие коммуникативной функции у предмета культуры является достаточным основанием для применения методов семиотического анализа, и на первый взгляд это кажется вполне обоснованным, ведь семиотика изучает именно сообщения, коммуникации, все то, что связано с использованием знаков. На самом же деле здесь скрыта логическая ошибка, на которую почти никогда не обращают внимания. Дело в том, что мы имеем полное право, несколько перефразировав Барта, на которого опирается Эко, сказать: «с того мига, как возникает общество, любое явление природы становится знаком этого явления». Молния и гром, составляющие природное явление «гроза», являются для человека знаками грозы, дым и пепел, вылетающие из жерла вулкана, являются извержением и в то же самое время сообщают нам об извержении, и т.д. Однако никому не приходит в голову говорить о семиотике урагана, семиотике землетрясе-

ния, говоря в общем – о семиотике природы, абсурдность такой концепции была бы слишком очевидной. Но концепция семиотики культуры (по крайней мере в том виде, который представляет Эко), базирующаяся на абсолютно тождественных исходных посылах, почти ни у кого не вызывает сомнений.

На эту несообразность указывал Р. Якобсон, когда писал: «Среди индексов существует широкий круг знаков, интерпретируемых их получателем, но не имеющих явного отправителя. Животные не оставляют умышленно следов для охотников, но тем не менее эти следы выполняют роль *signantia*, позволяющих охотнику вывести соответствующие *signata* и тем самым определить вид дичи, а также направление и давность движения животного. Сходным образом симптомы болезней используются врачами как индексы; тем самым *семиологию* (или, иначе, *симптоматологию*) – отрасль медицины, занимающуюся знаками, которые указывают на недуг и уточняют его характер, – можно было бы включить в сферу семиотики, если вслед за Пирсом считать непреднамеренные индексы подвидом более широкого семиотического класса. Тот факт, что их необходимо интерпретировать как сущности, служащие для выведения существования других сущностей (*aliquid stat pro aliquo*), заставляет нас считать непреднамеренные индексы разновидностью знаков, однако мы не должны упускать из виду кардинальное различие между *коммуникацией*, которая имплицитно реального или предполагаемого адресанта, и *информацией*, источник которой нельзя считать адресантом тех знаков, которые интерпретируются их получателем» [11; 325]. Якобсон пытается снять противоречие, разведя понятия «информация» и «коммуникация». Действительно, на генетическом уровне они различны, тем не менее, для адресата и интерпретатора нет никакой разницы, оставлены знаки целенаправленно или непреднамеренно. И в первом, и во втором случае адресат будет воспринимать знаки как не-

кое сообщение, нуждающееся в интерпретации.

По сути, мы должны посмотреть, какие знаки-индексы существуют в природе, и какие – в обществе. Якобсон говорит о непреднамеренных природных индексах, но это заблуждение. К непреднамеренным будут относиться такие знаки, как гром или столб дыма и пепла. Однако когда медведь встает на дыбы и сдирает кору с сосны, показывая свой рост, – он делает это явно преднамеренно, и его сообщение, хотя и адресовано исключительно другим медведям, может быть прочитано любым желающим. Является ли задиры на сосне, в таком случае, информацией или коммуникацией? У Якобсона мы не найдем ответа на этот вопрос. А ведь возможен и третий тип природных знаков-индексов. Когда лиса путает следы перед тем, как вернуться в нору, когда она кружит, несколько раз пересекает свой собственный след и т.д. – она делает все, чтобы ее след *не превратился* в сообщение. Это можно назвать «антииндексом».

Абсолютно аналогичную картину мы наблюдаем в обществе. Когда ямы пишем: «Обратите внимание на фрагмент из Якобсона», – и далее указываем год издания и номер страницы, мы, очевидно, оставляем преднамеренный знак-индекс, в точности как медведь, метящий территорию. Если же эта фраза будет прочитана кем-либо еще, кого мы не имели в виду, но кто интересуется проблемой семиотики культуры, это ничего не убавит в информативности нашего сообщения, – он точно так же сможет найти указанный фрагмент из Якобсона. Второй вариант – мы захожу в помещение и видим там забытую записную книжку, на первой странице которой обнаруживаем фамилию и номер телефона владельца. Несмотря на то, что потерять книжку, совершенно очевидно, не входило в намерения хозяина, она дает нам совершенно недвусмысленный знак-индекс: ее хозяин был в данном помещении. Это – непреднамеренный индекс человеческого общества, такой же, как гром, указыва-

ющий на грозу, в природе. И, наконец, когда диверсант, уходя с места задания, брызгает на дорожку следов средство, отбивающее нюх у собак, он поступает также, как и путающая следы лиса – оставляет «антииндексы». Таким образом, и знаки природы, и знаки человеческого сообщества могут быть как информацией, так и коммуникацией, но и в первом, и во втором случае реципиент имеет полное право рассматривать их как сообщение.

В этом пункте и кроется главная трудность. Количество знаков природы, очевидно, бесконечно. Такую же бесконечность отмечает Бенвенист и в семиозисе культурных сообщений, не относящихся к языку. Число знаков языка также, по крайней мере, потенциально, бесконечно, но в каждом языке имеются определенные базовые единицы – фонемы, не имеющие самостоятельного значения и служащие лишь одной цели – определять тождество или различие значимых единиц – морфем или слов (чуть ниже мы увидим, что смысловоразличителями, не имеющими собственного смысла в языке являются не только фонемы). Среди знаков природы, «непреднамеренных индексов», по Якобсону, невозможно найти ничего подобного. Есть ли какой-либо аналог фонемы в знаковых системах культуры, отличных от языка? Многочисленные семиотики культуры утверждают, что да, Бенвенист же с полным на то основанием говорит «нет», поскольку не может существовать знаковая система, состоящая из бесконечно большого количества единиц, имеющих к тому же бесконечно широкие правила интерпретации. Такую же оценку мы находим у Ю. Лотмана: «Система, количество элементов которой не ограничено, не может служить средством информации» [5; 401]. Каждый отдельный знак имеет свое значение, то есть мы можем говорить о *семантике* культурных знаков. Каждый знак поддается интерпретации, он оказывает определенное воздействие на адресата, то есть можно рассматривать *прагматику* культурных знаков, анализировать отношения меж-

ду знаком и реципиентом. Но вот *синтаксическую составляющую культурных знаков* при таком подходе не представляется возможным выделить ввиду бесконечного разнообразия самих этих знаков и правил взаимоотношений между ними. В лучшем случае мы можем говорить о синтаксисе внутри какой-либо одной культурной традиции, жанра или даже – совсем узко – творчества отдельного художника. Видимо, именно поэтому Бенвенист относит создание полноправной семиотики культуры в будущее, имея в виду отсутствие синтаксиса.

Есть ли выход из этого противоречия? Б.А. Успенский видит его в различении «двух семиотик»: «...знак может рассматриваться сам по себе, независимо от процесса коммуникации, или же как часть некоторой системы, на которой осуществляется коммуникация; эта система знаков, выступающая как средство коммуникации, определяется как *язык*... Итак, целесообразно различать *семиотику знака* и *семиотику языка* как языковой системы; первая восходит к Пирсу и Моррису, вторая – к Соссюру» [8; 9–10].

Проблемами семантики, прагматики и синтаксиса занимается «первая семиотика», вторая же «...сосредотачивает свое внимание не на отдельном знаке, но на языке как механизме передачи информации, пользуясь определенным набором элементарных знаков» [8; 9–10].

На первый взгляд, разграничение вполне корректное, тем не менее, при ближайшем рассмотрении видно, что исходная проблема – правил взаимодействия между знаками – не решена, а всего лишь опущена. По умолчанию предполагается, что при исследовании культурного кода нет нужды в триединой синтезе «семиотики знака». Однако «определенный набор элементарных знаков» может стать языком только в том случае, если он подчиняется правилам синтаксиса. Даже бессмысленные понятия, будучи синтаксически организованными, приобретают если не денотативный, то коннотативный

смысл (знаменитая «глокая куздра»). Таким образом, структура в значительной степени определяет значение, следовательно, мы вновь возвращаемся к тому, с чего начали – нельзя рассматривать знаки культуры в отрыве от их взаимосвязи и правил этой взаимосвязи.

На наш взгляд, выход может заключаться в попытке вычленив бинарные оппозиции не внутри культурных систем, чем до сих пор занималась семиотика культуры, а между различными культурами.

Традиционная семиотика культуры наследует как достоинства лингвистики, так и ее «родовые пятна», первым из которых является стремление науки о языке вычленив сходство, обнаружить признаки единства и в конечном счете – найти некий универсальный пра-код, «код кодов», лежащий в основе языковых структур. Подобный подход вполне вписывается в генеральную линию западной философии вообще; вспомним, что ее возникновению мы обязаны греческим натурфилософам, поставившим задачу поиска субстанции – первоматерии, содержащей в себе возможность всех форм бытия. Как семиотика, так и «чистая» лингвистика основной задачей до сих пор видят поиск сходства, несмотря на знаменитое сосюрвовское «в языке нет ничего, кроме различий»; в лингвистике это поиск единого корня у различных языков, убеждение в его существовании восходит, очевидно, еще к библейским временам – миф о вавилонской башне. «Самые ранние попытки такой <генеалогической> классификации <языков> восходят к эпохе Возрождения... уже сам факт сходства между языками очень скоро привел к объединению их в семьи... объяснение же различий между языками искали тогда в библейских мифах» [2; 36]. Семиотика занята проблемой общего единого пра-кода, к которому можно свести все разнообразие существующих кодов. Однако в этом случае мы не продвигаемся в области семиотики культуры: для того, чтобы возникла необходимая бинар-

ная оппозиция, надо, чтобы проявилось не сходство, а различие, только тогда артефакты культуры могут стать знаками, доступными семиотическому анализу. Для языка это означает, что различия в лексике, грамматике, синтаксисе и т.д. сами по себе являются знаками, позволяющими дать подлинно семиотический анализ, не сводя его лишь к одной из составляющих – семантике, синтаксису или праксису. Для культуры в целом, имея в виду применение семиотического метода, необходимо рассматривать артефакт культуры как знак только в том случае, если в иных культурах встречаются иные проявления этого знака, его формы, правил и законов построения и употребления или даже само существование этого артефакта. Следовательно, необходим анализ не просто знаков культуры, но различных пластов бытия, инобытия или небытия знака. Таким образом, предложенный метод заключается в анализе артефактов, относящихся к единым проявлениям бытия человека в разных культурах, но в одной и той же предметной среде. По сути, первоочередной задачей семиотики культуры должно стать обнаружение неких эквивалентов языковых фонем среди культурных артефактов. Такие «эквивфонемы» позволят установить отношения между знаками культуры, т.е. дадут необходимую синтаксическую составляющую семиотики культуры. Таким образом, мы вновь возвращаемся к переформулированной «проблеме Бенвениста» – существуют ли в рамках культурного кода такие смысловозграничительные единицы, которые соответствовали бы смысловозграничительным единицам (фонемам) естественного языка?

Следует отметить, что подобный подход прослеживается и непосредственно в лингвистике. Вопреки расхожему мнению, фонема не является единственным смысловозграничителем. Эквивфонемой в языке, например, может служить ударение, перенос которого меняет смысл слова: «... если...мы вместо kOsit скажем kosIt, то мы получим совсем другое значение» [11; 44].

Абсолютно одинаковый набор звуков (фонем) обладает различным значением.

Подобный же пример – нечитаемые буквы, меняющие смысл слова. Английские слова *night* и *knight* («ночь» и «рыцарь») звучат абсолютно одинаково.

Изменение ударения – пример инобытия знака. Таким же инобытием можно считать флексивные изменения падежных окончаний – знак присутствует, но меняет свою форму. Задумаемся – какое значение имеет флексия, если она сама является знаком?

Во-первых, флексия обладает **экзистенциальным смыслом** – она указывает на само существование семиотической системы со строго определенными свойствами, такими, как развитый синтаксис, сохранение лексического значения слова при изменении грамматической структуры и др. **Во-вторых**, наличие флексий показывает определенный уровень **эмансипации мышления**, допускаемой данным языком. Само наличие флексий служит основанием для известного деления языков на синтетические и аналитические. «Синтетический способ заключается в выражении грамматики в рамках слова, а аналитический – за его пределами... В языках синтетического строя слово, будучи изъятым из контекста, сохраняет свои грамматические свойства... В языках аналитических слово сохраняет только свою номинативную функцию, грамматическую характеристику оно приобретает только в синтаксическом контексте» [7; 873–877]. Определяющее воздействие языка на мышление описано давно, но, насколько нам известно, до сих пор ни разу не поднимался вопрос о том, в какой степени это воздействие реализуется в двух вышеуказанных типах языков. Очевидно, что ориентация на значение слова или на синтаксическую составляющую должна иметь влияние на интерпретационную возможность языка. В свою очередь, богатство интерпретаций определяет большую или меньшую закрепощающую составляющую языка. Эта проблема, очевидная на интуитивном

уровне, безусловно, требует дальнейшего тщательного рассмотрения. Наконец, **в-третьих**, флексии указывают на определенный тип культуры в ее ценностной ориентации. Этот смысловой аспект, который может быть назван **аксиологическим смыслом** флексий, проясняет Ю. Лотман в своей семиотической типологии культур: «Уже в наших бытовых представлениях намечается связь между понятиями значения и ценности. Когда мы говорим: “Это значительное событие” – или: “Не обращайте внимания, это ничего не означает”, мы тем самым утверждаем, что “иметь значение” в нашем сознании выступает как синоним “быть ценным”» [5; 401]. Выделяя четыре типа культуры – «семантический», «синтаксический», «асемиотический и асинтаксический» и «семантико-синтаксический», Лотман показывает взаимную зависимость ценностной ориентации, принятой в той или иной культуре, и отношений между знаком и обозначаемым.

Завершая разговор о флексиях, необходимо указать на еще один способ словообразования – супплетивизм. Как правило, флексивный процесс генерирования новых значений в рамках одной парадигмы связан с изменением какой-либо части слова, однако из этого правила существуют исключения. В ряде случаев флексивные изменения приводят к полной замене фонем, в результате различные значащие формы одного и того же слова не имеют между собой ничего общего. В первую очередь это касается личных местоимений (в русском языке *Я – МНЕ*, в английском *I – ME*). Также супплетивные пары характерны для некоторых глаголов (в русском *ЕСТЬ – БЫЛ, ИДУ – ШЕЛ*, в английском *AM – WAS, GO – WENT*). Наконец, супплетивный способ используется при построении степеней сравнения прилагательных «хороший» и «плохой» (в русском *ХОРОШИЙ – ЛУЧШИЙ, ПЛОХОЙ – ХУДШИЙ*, в английском *GOOD – THE BEST, BAD – THE WORST*). С точки зрения грамматики этот способ действительно является исключением и занимает незначитель-

ное место. Но его роль в философско-семиотическом анализе трудно переоценить, поскольку супплетивизм относится к самым глубинным, сущностным сторонам человеческого бытия и ставит перед философом самые фундаментальные проблемы. Первое, что бросается в глаза – связь с проблемой субъекта. Человеческое *Я* в данном случае проявляет всю свою исключительность, причем это относится именно к его актуальному состоянию – первое лицо единственного числа настоящего времени. Реальность, данная мне и только мне «здесь и сейчас», в отличие от прошлого, которое реальностью уже не является, и будущего, которое еще не реальность – таков основной смысл супплетивного образования данных форм слова. Характерный пример дает нам английский язык: «Современные формы настоящего времени английского глагола *be* “быть” представляют три корня: 1-го л.ед.ч. *am*, 3-го л.ед.ч. *is*, мн.ч. *are*. В далеком прошлом эти формы обладали одной и той же основой *es-*, но в результате разных фонетических законов они изменились до неузнаваемости» [9; 94]. Представляется весьма вероятным, что изменение формы произошло в первую очередь из-за изменения общественного сознания в его отношении к человеческой самости, что и привело в действие те самые фонетические законы. На подобную детерминацию указывает и Ш. Балли: «Слова, подчиняющиеся “фонетическому закону”, подчиняются ему ... в зависимости... от роли, какую они играют в речи» [1; 31]. Очевидно, что роль слов, выражающих суть бытия, несравнима с остальными, что и отражается в особом способе словообразования. Образование прошедшего и будущего времен не подвержены супплетивному способу словообразования (*БЫЛ – БУДУ*). Здесь мы имеем дело с «обычной» корневой флексией, форма же *Я ЕСТЬ* подчеркивает соотношенность человека с бытием и укорененность в нем: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая

есть свойство *быть*, – понятию “Ego” – “мое я”... Тот есть “Ego”, кто говорит “Ego»» [3; 293–294].

Далее, необходимо отметить, что супплетивный способ словообразования касается оценочных прилагательных, что, очевидно, связано с понятием ценности. Сам способ словообразования дает нам триаду «субъект – бытие – ценность», выделяющуюся, помимо прочего (или даже – в первую очередь!), семантико-синтаксической уникальностью. Интересно, что супплетивизм характерен далеко не для всех языков, видимо, только в достаточной мере развитое сознание и язык используют этот способ.

Нечитаемые буквы – смысловоразличители иного рода, они дают не изменение знака, а самую настоящую бинарную оппозицию по типу двоичного кода: «наличие – отсутствие». Такую же бинарную оппозицию дают и корневые флексии: «рот – рта». Здесь мы имеем дело с потрясающим феноменом языка, который Якобсон вслед за Шарлем Балли назвал «нулевым знаком»: «Согласно основному положению Ф. де Сосюра, язык довольствуется противопоставлением наличия признака его отсутствию... Нулевое окончание (или нулевая ступень), противопоставленное наличию некоторой фонемы в грамматических чередованиях... в точности соответствует определению Ш. Балли: “знак, имеющий определенную значимость, но не воплощенный в реальных звуках”. Язык довольствуется противопоставлением наличия некоторого признака его отсутствию не только в плане означающих, но также и в плане означаемых» [11; 222–333].

Все вышеперечисленные примеры убеждают нас в том, что фонема – далеко не единственный смысловоразграничитель. В естественном языке существуют и другие классы явлений, которые, подобно фонеме, генерируют новые смыслы в рамках одной парадигмы. Этот факт позволяет надеяться, что и в культурных кодах, не относящихся к естественным языкам, мы можем обнаружить подобные элементы. Знак,

не воплощенный в звуках, совершенно очевидно не может быть фонемой.

Можно привести огромное количество примеров, позволяющих обнаружить подобные бинарные оппозиции. Различные типы перспективы в живописи – линейная перспектива Запада, аксонометрия Древнего Китая и обратная перспектива русской иконописи – могут быть рассмотрены в качестве тех самых аналогов языковых фонем, которых не мог обнаружить Бенвенист, – минимальных смысловых различителей, не обладающих собственным значением. Другие примеры того же рода:

1) Наличие такого жанра, как натюрморт в западной живописи. Факт отсутствия натюрморта в живописи Древнего Китая дает необходимую бинарную оппозицию.

2) Героический эпос западной культуры. В Китае до XI века не существовало эпических произведений, что также дает требуемую бинарную оппозицию.

3) Европейская наука вырабатывает собственную терминологию. До соприкосновения китайской цивилизации с европейской Китай не знал понятия «термин» – еще одна бинарная оппозиция.

Множить подобного рода примеры можно, очевидно, не до бесконечности (в противном случае проблема останется неразрешимой), но, все же, очень долго. Однако сказанного, думается, достаточно для того, чтобы сформулировать основной тезис данной работы:

Семиотика культуры может существовать только в виде сравнительной семиотики культур, иначе та трудность, на которую указывает Бенвенист – бесконечное множество «культурных знаков» – оказывается не просто неразрешимой, а принципиально не имеющей решения. Если же мы принимаем представленную методологию, появляется возможность подлинно семиотического подхода к анализу культуры. Собственно говоря, подобный подход не является чем-то абсолютно новым, он лишь возвращает нас к исследованиям Леви-Стросса – в том случае, когда речь идет о синхронном

исследовании, и Лотмана – при диахронии. Примером подобного подхода служит, например, одна из «частных» проблем, поставленная Леви-Строссом в «Структурной антропологии»: «...следует ли оставлять без внимания свободу в отношениях до брака у одних племен и соблюдение целомудрия у других под предлогом того, что эти обычаи сводятся к одной функции – обеспечению прочности брака?» [4; 22]. В данном случае мы имеем дело именно с инобытием культурного знака, относящегося к одной предметной сфере, но по-разному проявляющемуся в разных культурных традициях. Это родство культурных знаков со знаками естественного языка и, как следствие, родство этнографии и этнологии с лингвистикой – по крайней мере в том, что касается методологии исследования – подчеркивал и сам Леви-Стросс: «... если в нескольких языках обнаруживается наличие одинаковых фонем или употребление одинаковых пар оппозиций, он не сравнивает между собой различные по своей индивидуальности явления; это та же фонема, тот же элемент, что удостоверен в этой новой плоскости глубинное сходство эмпирически различных явлений. Речь идет не о двух подобных явлениях, а об одном... Следовательно, в этнологии, как и в лингвистике, не обобщение основывается на сравнении, а, напротив, сравнение на обобщении» [4; 22]. Однако завершение этой методологии дает возможность широчайшего рассмотрения культурных феноменов. Оппозиционный анализ, очевидно, следует начинать с самых широких пластов – с противопоставления культурных знаков Запада и Востока. Но на этом процесс не заканчивается. Следуя схеме деления цивилизаций Хантингтона можно попытаться обнаружить бинарные оппозиции между генетически близкими, но все же различными культурами, такими, как современная западная и латинская. Если спуститься еще глубже, можно найти подобные оппозиции в рамках одной культуры, вынужденной развиваться в различных политических

и социальных условиях, примерами здесь могут выступать оппозиции русской и украинской культуры или культуры Южной и Северной Кореи. Наконец, даже в рамках одной культуры можно обнаружить подобные противопоставления, скажем, между ортодоксальной и эмигрантской культурой России после 1917 года. Исследование французского периода творчества Бунина и Эренбурга в рамках семиотической бинарной оппозиции может дать для понимания данной эпохи больше, чем многие учебники истории.

Всего вышеизложенного, думается, достаточно для понимания того, что семиотика культуры, если она действительно хочет быть семиотикой, должна стать в первую очередь интегральной дисциплиной. Невозможно говорить о семиотике культуры в рамках исследования одной культурной традиции, не может существовать семиотики «Черного квадрата» или собора Святого Петра.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
2. Бенвенист Э. Классификация языков. Новое в лингвистике. вып. 3. М., 1963.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
5. Лотман Ю. Семиосфера. СПб., 2000.
6. Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб., 2000.
7. Решетникова Н.Д., Савинова А.О. Языки аналитические и синтетические // Молодой ученый. – 2013. – № 12.
8. Успенский Б. Избранные труды в 2х тт. Т. 1. М., 1996
9. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику. М., 2005.
10. Эко. У. Отсутствующая структура. СПб., 2004.
11. Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

APPLICATION OF LINGUISTIC METHODS TO DETERMINE CULTURAL CODES IN THE SEMIOTICS OF CULTURE

Kashcheev S.I., Guseva S.V.
Saratov State Law Academy

The semiotics of culture constantly faces a significant problem associated with the lack of uniform rules for the interpretation of cultural codes, which, in turn, is determined by the inability to establish strict syntactic rules for the connection of signs in the language of culture. It is this fact, noted by E. Benveniste, that does not allow the semiotics of culture to acquire the rigor and completeness that we sufficiently observe in cognitive semiotics. In this paper, an attempt is made to overcome this difficulty by using non-standard methods of linguistic analysis. Certain structures of language themselves are signs indicating the state of public consciousness in this particular society. Accordingly, for the semiotic analysis of culture, it is necessary to isolate, firstly, the same semantic-delimiting units that phonemes are in linguistics, and secondly, to determine at least a minimum set of rules for the connection of these units, i.e. to establish a certain syntax of the cultural code. This work is devoted to solving these problems.

Keywords: sign, cultural code, syntax of culture, semiotics.

References

1. Bally Sh. General Linguistics and questions of the French language. Moscow, 1955.
2. Benveniste E.. Classification of languages. New in linguistics. vol. 3. M., 1963.
3. Benveniste E. General Linguistics. M., 1974.
4. Levi-Strauss K. Structural anthropology. M., 2001.
5. Lotman Yu. Semiosphere. St. Petersburg, 2000.
6. Pier Ch. The beginnings of pragmatism. St. Petersburg., 2000.
7. Reshetnikova N.D., Savinova A.O. Analytical and synthetic languages // Young scientist. – 2013. – No.12.
8. Uspensky B. Selected works in 2 volumes. Vol.1. M., 1996.
9. Shaikevich A. Ya. Introduction to Linguistics. M., 2005.
10. Eco. U. Missing structure. St. Petersburg, 2004.
11. Jakobson R. Selected works. M., 1985.

Герменевтический метод Ф. Шлейермахера как основа развития либерального и радикального протестантизма

Добреньков Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой истории и теории
социологии, социологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Vladimiro040239@mail.ru

В статье подробно проанализированы теология Ф. Шлейермахера, которая не просто открыла новый этап в развитии протестантской теологии, а положила начало целой эпохе в ее развитии. Шлейермахер был первым из протестантских теологов, который чисто философский способ обоснования религии, чисто философский способ рационалистической интерпретации религии, который был рожден эпохой Просвещения, перенес на богословскую почву, положив тем самым начало длительной истории либерально-апологетической антисупранатуралистической по своей сущности тенденции, которая тянется от него до настоящего времени. Его религиозно-философские идеи оказали непосредственное влияние не только на формирование либеральной теологии XIX века, но их влияние до сих пор живо ощущается и в теологических построениях современных протестантских модернистов.

Ключевые слова: либеральный и радикальный протестантизм, теология Ф. Шлейермахера, христианство, рационалистическая интерпретация религии, эпоха Просвещения.

Все традиционные христианские понятия и догмы Шлейермахер, следуя в этом традиции Просвещения, объявляет мифологичными. Под мифологией он имеет в виду «изложение чисто идеального предмета в исторической форме» [1, с. 244]. Но пользование традиционными христианскими мифологическими понятиями в теоретическом изложении религии, по его мнению, необходимо и не связано с какими-либо опасностями для самой религии, если строго иметь в виду, что их назначение и высшая ценность состоит в том, что через них сообщаются и воспроизводятся определенные религиозные настроения. Шлейермахер считает, что опасность для религии возникает тогда, когда сами эти понятия и догмы выдаются за сущность религии и тем самым превращаются, по его словам, в пустую мифологию. Поэтому Шлейермахер далек от того, чтобы отбросить традиционные символические формы христианской веры только за то, что они мифологичны. В отличие от философов-просветителей, которые, объявив все содержание христианства мифологичным, пытались отбросить его как совершенно ненужную и вредную для человека вещь, *Шлейермахер, как теолог, свою задачу видит не в том, чтобы отбросить христианскую мифологию, а в том, чтобы дать ей правильную интерпретацию*, поставив ее в связь с теми конкретно-историческими религиозными настроениями, которые в ней зафиксированы. *Именно Шлейермахер был тем первым протестантским теологом, который провозгласил необходимость постоянной демифологизации христианства, поставив ее в качестве основной апологетической задачи теологии, стремящейся быть созвучной своему времени и желающей всегда оставаться современной.*

Протестантский теолог Р. Бультман, выступивший в 40-е годы XX в. с про-

граммой демифологизации христианства, обосновавший ее необходимость, не был первооткрывателем, а шел уже по проложенному Шлейермахером пути.

Именно в теологии Шлейермахера впервые четко прозвучала мысль о том, что христианские мифы должны быть не отброшены, а реинтерпретированы заново, мысль, которая легла в основу и стала определяющей для возникновения и последующего развития всей либерально-теологической тенденции внутри протестантской теологии.

Резко осуждая стремление традиционных христианских ортодоксов «за топить религию множеством формул и отвлеченных определений и заковать ее в цепи так называемой системы» [1, с. 57], Шлейермахер, в принципе, не отвергал задачи систематического изложения христианской веры. Он лишь ратовал за другие принципы и формы систематизации христианских представлений. «А наилучшая форма систематизации религиозных представлений есть та, – считал он, – которая, с одной стороны, не выдает представления и понятия за первичное и конституирующее в этой области и, с другой стороны, – чтобы буква не омертвела и не убила духа – обеспечивает жизненную подвижность понятия и не только готова терпеть своеобразие и различие в пределах общего единомыслия, но даже пытается обосновать его (подчеркнуто мной. – В.Д.). Если всякий должен признать это главной чертой моего изложения христианской веры, то я смею думать, что нахожусь в полном согласии с самим собой» [1, с. 247].

Его резкая критика догматизирующей страсти христианских ортодоксов к «убогому системоискусательству» объясняется как раз тем, что система догматов, которую они защищали, исключала, не допускала никаких различий, отталкивала «от себя все чуждое, часто даже не исследовав надлежащим образом его притязания уже потому, что это чуждое могло бы нарушить стройные ряды собственной системы, требуя для себя места» [1, с. 57], и превращала тем самым религиозное учение в мертвую букву,

губила религию. Шлейермахер убежден в том, что религиозные догматы не должны быть собранием неприкосновенных вечных, однажды раз и навсегда строго сформулированных истин. *Нельзя, с его точки зрения, смотреть на религиозные понятия и догмы как на некое действительно объективное учение о боге и божественных вещах. Необходимо видеть в них лишь рефлексивное описание религиозных чувств, которое служит единственной цели сообщения и передачи его другим людям.* Догматы, с точки зрения Шлейермахера, представляют из себя не что иное как символические фиксации в рефлексии своеобразного индивидуализированного содержания религиозных переживаний, а не теоретические положения, истины о каких-то объективно существующих реалиях.

Для Шлейермахера самое главное – это религиозное чувство, а то, в каких понятиях будет выражаться его содержание, дело второстепенное и не такое важное. Понятия, в которых выражается содержание чувства, суть только оболочка для него, и притом такая, которая может быть очень разнообразной и которая «зависит от господствующего языка и от степени и характера его научного развития»; и сюда естественно включается и характер философствования» [1, с. 245]. Тысячи людей, по его мнению, могут иметь один и тот же вид религиозных переживаний, но каждый из них может обозначать его разными признаками, описывать его в различных понятиях, что будет определяться не самими религиозными переживаниями, а чисто внешними по отношению к ним условиями – наличием тех или иных господствующих теорий, к которым он обращается как к языковому средству выражения, обозначения этих переживаний. Исходя из этого, Шлейермахер считает не только допустимой, но и вполне естественной возможность выражения сущности христианства в совершенно иной, недогматической форме, отличной от традиционной, возможность реинтерпретации догматов христианской веры.

Таким образом, Шлейермахер не против принципа систематизации вероуче-

ния, а против того, чтобы считать определенным сложившийся и утвердившийся в христианстве тип систематического изложения христианской веры неизменным, раз и навсегда данным. Он очень воинственно настроен против того, чтобы основную задачу теологии видеть в том, чтобы охранять неприкосновенность этой системы, разрабатывать различные рациональные аргументы и доказательства для обоснования ее правильности и неизменности. Шлейермахер стремится, напротив, *обосновать жизненную необходимость для теологии постоянно вносить изменения в систему христианского вероучения, и в качестве основной задачи выдвигает перед теологией требование постоянного обновления сложившейся догматической системы.* И это логично вытекает из его понимания сущности религии. Если исходить из того, что религиозные понятия и догмы есть не что иное, как описания религиозного чувства и учитывать тот факт, что само религиозное чувство по природе своей очень изменчиво и различно по формам своего проявления у разных индивидов в различное время, то естественно отсюда заключить, что и система определенных догм, которая описывает его, *не может быть застывшей, а должна все время изменяться от одной конкретно-исторической ситуации к другой.* Изменения эти должны касаться не самой традиционной христианской символики, которая может сохраняться в неизменном виде, а *ее смысла, значения.* Теолог, по мнению Шлейермахера, не может не учитывать изменения, текучести, подвижности религиозного чувства, которое составляет основу религии, поэтому *его задача заключается в том, чтобы все время приводить в соответствие систему христианского вероучения с конкретно-историческими формами проявления религиозного чувства у людей, а это возможно при сохранении старой христианской символики посредством придания ей нового смысла с помощью языка определенных господствующих в данный момент каких-либо философских теорий.*

Теология, с его точки зрения, должна заниматься изучением и описанием

различных исторических модификаций вечно переживаемого человеком религиозного чувства – чувства безусловной зависимости и единства с бесконечным целым, вселенной.

«Весь объем религии, – по мнению Шлейермахера, – бесконечен и не может быть вмещен в одну определенную форму», застывшую систему. Поскольку «религия как способность остается всегда незавершенной и, следовательно, всегда развивается» [1, с. 56], постольку, считает он, она будет постоянно воспроизводиться во все новых и новых формах, более прекрасных и совершенных, чем были прежние.

Он убежден в том, что *христианская догматика должна быть исторической.* Причину культурной изоляции старой традиционной теологии Шлейермахер видит как раз в ее неисторичности. По его мнению, для того, *чтобы быть культурно приемлемой, теология должна представлять из себя историческую дисциплину, которая бы выражала религиозную жизнь в ее вечно изменчивом содержании.* В этом, безусловно, сказалось влияние того историко-критического метода изучения религии, основы которого были заложены Спинозой и который получил большое распространение в эпоху Просвещения, сориентировавшего мышление теологов на то, чтобы изучать религиозные явления в их исторической обусловленности, в их становлении и изменении.

Вместе с пересмотром целей теологии Шлейермахер меняет и традиционное ортодоксальное представление о предмете теологии. Его понимание предмета теологии самым тесным образом связано с трактовкой им природы теологических, религиозных понятий. С его точки зрения, *предметом теологии должен быть не бог как отдельное супранатуральное существо, находящееся вне и над миром, не божественные вещи, не имеющие никакого отношения к реальному миру, а конкретно-исторические по своим формам проявления религиозные чувствования людей, т.е. мир человеческих чувств, переживаний или просто реальный человеческий*

мир. Это ли не образец первой в истории протестантизма секулярной теологии, пытающейся сделать СВОИМ предметом реальный конкретно-исторический мир человеческой жизни.

С именем Шлейермахера связано новое понимание герменевтики как своеобразного теологического метода обоснования религии. Первоначальный термин герменевтики (от греческого слова – *hermeneid* – искусное толкование) означал «принципы интерпретации исторического текста или документа». Герменевтика конституировалась как учение о принципах правильного истолкования христианского священного писания в эпоху Реформации. В XVII–XVIII вв. герменевтика разрабатывалась как в теологической, так и в светской, главным образом, просветительской литературе. Расцвет герменевтики приходится на конец XVIII – первую половину XIX в., когда она ставится в непосредственную связь с методологическим обоснованием гуманитарных наук в Германии. *Шлейермахер был первым протестантским теологом, который расширил применение герменевтики как своеобразного метода, соотнеся его не только с христианскими текстами, но и с содержанием христианского вероучения вообще.*

И в этом сказалось опять-таки влияние философии Канта. Он перенял у него способ философско-рационалистической интерпретации религии, но в отличие от Канта, который использовал его для того, чтобы добиться с его помощью максимальной автономии, свободы философии от теологии, науки от религии, *Шлейермахер, будучи конфессиональным теологом употребил его в чисто апологетических целях – для спасения христианства, для примирения его с наукой.* Но независимо от разных мотивов, которые лежали в основе его употребления Кантом и Шлейермахером, как можно видеть из анализа сущности теологических воззрений последнего – результат был один и тот же – разрушение традиционных основ христианской религии.

Но Шлейермахер был первым из теологов, кто поднял в рамках самой тео-

логии вопрос не о пояснении традиционных положений христианской веры, а об их объяснении, затронув тем самым проблему их смысла. Христианская ортодоксия под герменевтической процедурой понимала такую интерпретацию традиционных догматических положений христианской веры, которая сводилась к пояснению или разъяснению их смысла для верующих с помощью языка каких-либо философских теорий. Она никогда не стремилась поставить под вопрос сам традиционный смысл христианских догматов. И это естественно, так как гарантом неизменности их смысла была неизменность и абсолютность бога и божественных вещей, которые якобы находили в них свое отражение. *Шлейермахер впервые с герменевтикой связал вопрос о пересмотре традиционного смысла догматических положений христианства, и это логически вытекало из его представления о догматах как о простых символах, метафорах религиозного чувства, не имеющих какого-либо своего, отдельного от последнего смысла.*

Но при таком понимании метода герменевтики, естественно, менялось и отношение к философии, изменялся сам принцип ее использования в теологии. *По мысли Шлейермахера, любая философская теория должна использоваться не для доказательства истинности застывших религиозных догматов, как это имело место в католической рациональной теологии, а для того, чтобы описывать различные состояния религиозных чувствований в зависимости от их исторических проявлений, что, по существу, означало – старым традиционным христианским символам, их обозначающим, придавать новый смысл.*

Из сущности самого теологического метода вытекала необходимость обязательного обращения к помощи какой-либо философской теории, ибо без нее интерпретация христианской символики становилась невозможной. Но сам метод предполагал также и возможность неоднозначного подхода к интерпретации смысла христианских символов веры, ибо все зависело от выбора

теологом того или иного вида философской теории. То есть он допускал использование для интерпретации христианства самых различных философских теорий. А это значит, что уже в самом методе была заложена потенциальная возможность, которая позднее по мере его использования в рамках протестантизма была реализована, *плюрализации теологических представлений о сущности христианства.*

Именно специфическими особенностями теологического метода, который был положен затем в основу целого направления в протестантской теологии, – либерального, можно объяснить тот факт, почему протестантизм, в отличие от католицизма, никогда не имел официально санкционированной какой-то одной собственной протестантской философии. Он ее не мог иметь, ибо метод, который лежал в основе либерально-рационалистического варианта протестантизма, не только допускал, но и требовал от теологов обращения к различным философским теориям.

Если ортодоксальный протестантизм не устраивала вообще никакая философия, если Лютер одну из главных своих задач видел в том, чтобы навсегда вытеснить философию из христианства, то вся последующая протестантская теология начиная со Шлейермахера вынуждена была в герменевтических целях постоянно обращаться к различным теориям философского идеализма. В этом проявляется характернейшая особенность развития всей протестантской теологии XIX–XX вв. В XIX в. на протестантскую теологию оказали большое влияние кантовская и гегелевская философия, в XX в. – различные формы антропологической, экзистенциалистской, аналитической, феноменологической и метафизической философии.

Начиная со Шлейермахера протестантская теология становится настолько же философской, насколько любая идеалистическая философия, помещенная в рамки протестантизма, становится теологической. Только ортодоксальный протестантизм Лютера и Кальвина был теологией в традиционном смысле это-

го слова, *яркой формой нефилософской теологии.* Последующее развитие протестантской теологии происходило в форме ее единства с различными течениями идеалистической философии.

После того как Шлейермахер ввел в протестантскую теологию метод герменевтики с его принципом использования языка философской теории для reinterpretации содержания традиционных религиозных догматов все последующее ее развитие в этом русле свелось к *поискам наиболее эффективной для этой цели философии и предопределило бесчисленные метания и шараханья протестантской теологии от одной философской теории к другой.*

Именно Шлейермахер дал образец философски мыслящего теолога, именно он впервые попытался придать теологии черты культурной «универсальности», незамкнутости посредством внедрения в нее приемов чисто светского философствования, положив тем самым начало развитию нового, специфически протестантского типа философской теологии, отличие которой от старокатолической философской теологии заключалось в принципиально ином принципе использования философии в деле обоснования религии.

Но Шлейермахер, как и современные протестантские модернисты, которые используют его теологический метод, не заметил или не хотел замечать того, что использование философии в рамках теологии для того, чтобы по мере изменения исторической ситуации придавать традиционным христианским символам веры новый смысл, значение, таит в себе большую опасность как для самой теологии, так и христианской религии. Ведь при таком использовании философии смысл традиционных христианских догматов начинает определяться не столько содержанием религиозных чувств, которые, по мнению Шлейермахера, должны лежать в их основе, сколько характером того философского языка, который используется для их описания. Отсюда легко заметить, что теология, помимо воли самого теолога, попадает в прямую зависимость от фи-

лософии, а вместе с этим становится реальной возможность растворения ее в философии. Стремление Шлейермахера преодолеть догматичность, доктринерство традиционного христианства посредством символической интерпретации природы христианских догматов, сохранить его в «снятом», чисто символическом виде, неизбежно ведет к тому, что вместе с устранением традиционного содержания христианских догматов само христианство лишается своей исторически определенной формы религиозной веры, а христианское содержание в значительной степени оказывается лишь видимостью. А христианство, лишённое своего специфически присущего ему традиционного смысла, легко может перестать быть тем, чем оно было на протяжении тысячелетий, – религией.

И эта потенциальная возможность разрушения «положительной» «исторической» религии, заложенная в самом теологическом методе, полностью реализуется в теологическом учении Шлейермахера, но в еще более яркой и отчетливой форме, как мы увидим ниже, она реализуется в различных теологических построениях современных протестантских модернистов.

Но, несмотря на все это, именно в методе реинтерпретации смысла христианских догматов, смысла христианской веры Шлейермахер увидел то средство, которое, по его мнению, способно было совершить чудо – сделать положения христианской веры близкими и понятными его современникам. Его вера в чудодейственную силу метода герменевтики во многом предопределялась его стремлением сориентировать теологию на секулярное сознание, адресовать ее не к тем, кто продолжал еще верить в традиционный смысл христианских догматов, а к тем, кто давно уже разуверился в нем и презрительно относился к христианству вообще.

Метод герменевтики, обоснованный Шлейермахером, по своей сути был *апологетическим*, и именно он лег в основу *нового типа христианской апологетики – либерально-теологического, в основу принципиально нового, специфически*

протестантского типа философской апологетики веры.

В методе герменевтики Шлейермахер видел средство, с помощью которого можно постоянно обновлять христианство, вливать в него живительные соки. «Христианству суждена еще долгая история, несмотря на все речи о его скорой или уже наступившей гибели», считал Шлейермахер, и хотя «его живой дух часто и подолгу дремлет и в состоянии оцепенения укрывается в мертвую оболочку буквы, но он всегда снова просыпается, как только погода в духовном мире благоприятствует его оживлению и приводит в движение его соки; и поэтому он еще часто будет возвращаться и принимать все новые формы» [1, с. 222]. А новые формы христианства, по мысли Шлейермахера, определяются целиком герменевтической процедурой и тем языком, который используется в качестве средства интерпретации. Он не сомневался в том, что время христианской религии в ее традиционной форме прошло, что она должна быть сдана в архив истории. *Новые времена требуют новых форм выражения сущности христианства, скрытой за прежней религиозной оболочкой.* «Только бы прошло время сдержанности и робости!» [1, с. 225] – восклицал Шлейермахер, с мольбой обращаясь к теологам и пытаясь убедить их в необходимости реинтерпретации христианства, придания ему новой формы, нового облика. Именно с наступлением такого времени Шлейермахер связывал свою надежду на возрождение христианства. Современная ситуация в протестантской теологии ярко свидетельствует о том, что именно сейчас наступило это время. У современных протестантских теологов нет больше ни робости, ни сдержанности, но, как мы увидим из анализа создаваемых ими теологических проектов обновления христианства, это не приносит и не может принести ощутимых облегчений самому традиционному христианству, не может приостановить объективную историческую тенденцию его отмирания.

Нетрудно заметить, что новаторство современных протестантских модерни-

стов, пытающихся вывести христианскую религию из современного кризиса с помощью переистолкования ее традиционного содержания, в свете вышеизложенного не выглядит столь уж оригинальным, и совершенно понятным и ясным становятся его истоки. Именно Шлейермахеру принадлежит приоритет идеи спасения христианства посредством герменевтической процедуры, и ему по праву должна быть отдана пальма первенства и в попытке на почве протестантского богословия совершить с помощью этой процедуры реинтерпретацию христианства.

Теологическая программа, провозглашенная Шлейермахером, обоснование им совершенно нового понимания задач, предмета теологии, ее главного герменевтического метода, предопределила дальнейшее развитие протестантской теологии в ее различных либерально-рационалистических вариантах. Теология Шлейермахера явилась той исходной точкой, от которой начали конвергировать в разные стороны различные тенденции протестантской теологии. В зависимости от типа, используемого для реинтерпретации христианства, философского языка начали возникать самые различные либерально-теологические концепции. Но как бы ни различались они по своему содержанию, в объединяющей их основе лежат те же самые принципы построения теологии, которые можно найти у Шлейермахера, то же самое понимание задач, предмета теологии и один и тот же теологический метод.

Многие буржуазные религиоведы и теологи признают влияние Шлейермахера не только на развитие протестантской теологии XIX в., но и говорят о том, что его влияние ощущается и в теологических конструкциях современных протестантских модернистов. Но пытаясь разобраться, в чем же конкретно выражается это влияние, все без исключения сбиваются только на то, чтобы обнаружить чисто внешнее сходство между тем или иным высказыванием Шлейермахера и точкой зрения на эти же вещи некоторых современных теологов,

или же факт прямого заимствования последними каких-либо идей, касающихся конкретных теологических проблем. Достаточно упомянуть в связи с этим лишь несколько наиболее фундаментальных теоретических исследований протестантских теологов: американских – П. Тиллиха, «Перспективы развития протестантской теологии XIX–XX веков», К. Велча «Протестантская мысль в XIX столетии», немецкого – К. Барта, «Протестантская мысль: от Руссо до Ричля», шотландского – Х. Макинтоша, «Типы современной теологии», английского – Кенетта Гамильтона, «Бунт против небес» [2–6], в которых обнаруживаются именно такого рода подходы. Конечно, вряд ли будет правильным отвергать, в принципе, такого рода подходы к выяснению вопроса о степени характера влияния Шлейермахера на современную протестантскую теологию. Но вместе с тем совершенно очевидно, что такие подходы не вскрывают и не могут вскрыть глубинные самые существенные причины, обусловившие огромное влияние его теологии на развитие современного протестантизма.

Шлейермахер не оставил после себя школы, т.е. таких последователей, которые бы буквально следовали по его стопам и исповедовали бы верность его манере теологической интерпретации христианства. Но его влияние можно объяснить прежде всего тем, что он заложил основы либерально-теологического типа апологетики, обосновав новое понимание задач, предмета теологии, создал новый либерально-рационалистический метод теологии. Кроме того, и целый ряд основных методологических положений теологического учения Шлейермахера, с помощью которых он пытался сделать христианство приемлемым для секулярного сознания, в частности, его антропоцентризм в понимании источников религиозной веры, пантеизм в интерпретации сущности бога и отношений между богом и человеком, антисупранатуралистическая направленность его теологии также оказались очень привлекательными для протестантских теологов. Его религиозно-философские воззрения об-

разуют основу и исходный пункт дальнейшего развития всей протестантской теологии. Идеи и теологический метод Шлейермахера в той или иной форме можно обнаружить у любого либерально мыслящего теолога.

Значение Шлейермахера как раз и состоит в том, что он открыл новую эпоху в развитии христианской теологии – эпоху либерального христианства, эпоху секулярных форм христианской веры.

Литература

1. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. М., 1911.
2. Tillich P. Perspectives on Nineteenth – and Twentieth Century Protestant Theology. N. Y., 1967.
3. Welch C. Protestant Thought in the Nineteenth Century. Vol. 1. 1799–1870. N. Y., 1972.
4. Barth K. Protestant Thought: From Rousseau to Ritschl. N. Y., 1959.
5. Machintosh H. Types of Modern Theology. L., 1937.
6. Hamilton K. Revolt against Heaven: an Inquiry into anti-supernaturalism. Mich., 1965.

F. SCHLEIERMACHER'S HERMENEUTIC METHOD AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF LIBERAL AND RADICAL PROTESTANTISM

Dobrenkov V.I.

Lomonosov Moscow State University

The article analyzes in detail the theology of F. Schleiermacher, which not only opened a new stage in the development of Protestant theology, but marked the beginning of a whole era in its development. Schleiermacher was the first of the Protestant theologians who transferred the purely philosophical way of justifying religion, the purely philosophical way of rationalistic interpretation of religion, which was born of the Enlightenment, to theological soil, thereby laying the foundation for a long history of a liberal-apologetic anti-supranaturalist trend in its essence, which stretches from him until now. His religious and philosophical ideas had a direct impact not only on the formation of the liberal theology of the 19th century, but their influence is still vividly felt in the theological constructions of contemporary Protestant modernists.

Keywords: liberal and radical Protestantism, F. Schleiermacher's theology, Christianity, rationalistic interpretation of religion, Enlightenment.

References

1. Schleiermacher F. Speeches about religion to educated people who despise it. M., 1911.
2. Tillich P. Perspectives on Nineteenth – and Twentieth Century Protestant Theology. N.Y., 1967.
3. Welch C. Protestant Thought in the Nineteenth Century. Vol. 1. 1799–1870. N.Y., 1972.
4. Barth K. Protestant Thought: From Rousseau to Ritschl. N.Y., 1959.
5. Machintosh H. Types of Modern Theology. L., 1937.
6. Hamilton K. Revolt against Heaven: an Inquiry into anti-supernaturalism. Mich., 1965.

Феномен человеческого потенциала в обществе эпохи индустрии 4.0

Макаренко Екатерина Дмитриевна,
студент, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kate.makarenko2003@mail.ru

В статье переосмыслены определения современных понятий человеческого потенциала и цифровой грамотности, которые были приведены в соответствие с изменившимся уровнем материально-технического и духовного развития человечества. Сделаны выводы о том, что оба понятия носят комплексный характер и усложняются в процессе развития человечества, требуя включения всё новых характеристик и навыков, а кроме того, подвергаются трансформации под воздействием научно-технического прогресса, в процессе которого формируется Индустрия 4.0, особенности которой также рассмотрены в статье. Также, доказывается, что повышение цифровой грамотности в современном мире приводит к накоплению и раскрытию человеческого потенциала, так как изменившаяся среда, в которой живёт современный человек, требует от него высокого уровня владения техническими навыками, понимания сложных цифровых процессов и умения обрабатывать масштабные потоки информации, непрерывно циркулирующей в цифровом пространстве.

Ключевые слова: человеческий потенциал, цифровая грамотность, информационное общество, технический прогресс, индустрия 4.0.

Индустриальный и технический прогресс затрагивает не только сферу производства, но и обычную жизнедеятельность человека. Новейшие средства коммуникации проникают в нашу ежедневную жизнь, меняя как её привычный облик, так и самих пользователей. В процессе информатизации, технологизации и цифровизации жизни предметом всё более бурных дискуссий становится вопрос о том, как обычному человеку научиться жить в новой реальности, “угнаться” за меняющимся миром и, что не менее важно, прогрессировать вместе с ним.

Для любого государства и общества в эпоху современной цифровой экономики, которая существует благодаря квалифицированным работникам, обладающим не только техническими навыками, но и сообразительностью и креативностью, становится крайне важным вопрос развития и накопления человеческого капитала, который включает в себя как биологические, так и психологические и духовные характеристики населения. Качественный человеческий капитал формируется при повышении общего уровня здоровья, образования, переходе к более гуманным и осозанным практикам в повседневной жизни. Таким образом, при разговоре о перспективах “накопления” человеческого капитала необходимо затрагивать и тему человеческого потенциала, его сущности в современном мире и вопросов его раскрытия.

Представляется, что современный индивид подвергается сильному воздействию техники и цифровых технологий. Уже в школьном образовании дети часто сталкиваются с цифровым и информационным пространством, которое неизбежно по-новому формирует и личность, развивает определённые навыки. В этой связи по-другому накапливается и реализуется человеческий потенциал каждого отдельного инди-

вида. Важным направлением исследований можно считать **проблему** роли цифровой грамотности, которой детей начинают обучать ещё со школьной скамьи, в накоплении и раскрытии человеческого потенциала.

В данной статье будет **проанализирована связь** между развитием цифровой грамотности и накоплением и раскрытием человеческого потенциала, под которым понимается совокупность навыков и умений, природных склонностей и задатков индивида, которые при должных условиях могут быть развиты во всей полноте, что поможет ему достичь успеха в определённой сфере человеческой и экономической деятельности, основываясь на личных склонностях и потребностях.

Для достижения **цели** исследования, которая заключается в выявлении связи между развитием цифровой грамотности и раскрытием человеческого потенциала, необходимо выполнить ряд задач. **Во-первых**, будет уточнено определение человеческого потенциала. **Во-вторых**, будет уточнено определение цифровой грамотности, которая выражается не просто в знании определённых базовых положений о телекоммуникационных технологиях, но и в способности жить в цифровой экономике и постиндустриальном информационном обществе. **В-третьих**, будут сделаны выводы о связи между культивацией цифровой грамотности и процессом эффективного накопления и реализации человеческого потенциала.

Человеческий потенциал: определение и вызовы современности

Человеческий потенциал – сложное понятие, которое по-разному определяется философами, социологами, демографами и иными исследователями человека в том или ином аспекте его жизнедеятельности. Ещё для Аристотеля [1, с. 478, 501] было очевидно, что каждый человек обладает некоторыми природными склонностями, задатками, которые, будучи выявленными, при должном воспитании и образовании могут быть

развиты и раскрыты в полной мере. Это воззрение можно считать фундаментом современного понимания человеческого потенциала.

Сам термин “человеческий потенциал” появился совсем недавно и получил широкое распространение именно в русскоязычных исследованиях. Если под потенциалом в общем понимаются «источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области» [8], то под человеческим потенциалом понимается совокупность таких внутренних ресурсов, задатков и даже черт характера, которые могут быть раскрыты и использованы для достижения индивидом определённых целей [9].

В дальнейшем, социальные учёные, размышляя уже в категориях необходимости обеспечения массового развития человеческого потенциала для повышения общего уровня человеческого капитала, также начали говорить о механизмах и каналах, с помощью которых каждый индивид в равной степени сможет получить от государства необходимые инструменты для культивации и развития собственного потенциала. Такие мыслители как Джон Ролз [6, сс. 103–110] писали и продолжают писать о необходимости обеспечения со стороны государства равных возможностей для развития потенциала каждого индивида в государстве, понимая при этом, что индивидуальный человеческий потенциал подразумевает задатки различной направленности, профиля.

Важной особенностью человеческого потенциала является именно его индивидуальный характер. Его составляют все природные и приобретённые задатки и способности человека, которые при определённых условиях могут быть развиты, раскрыты, а могут лишь остаться некоторой потенцией, то есть находиться в зачаточном состоянии. На раскрытие тех или иных компонентов потенциала конкретного индивида могут повлиять как личные склонности,

интересы, так и внешнее принуждение. При этом, как отмечают теоретики современного плюралистического государства и общества, подлинное раскрытие природного потенциала человека возможно именно в условиях отсутствия внешнего принуждения к реализации тех или иных конкретных черт, но при наличии механизмов и возможностей развивать любые позитивные задатки и способности, чтобы у человека оставалось пространство выбора.

Таким образом, в общем смысле под человеческим потенциалом можно понимать совокупность задатков, черт характера и способностей, которые при определённых условиях могут помочь человеку в достижении тех или иных целей, постановка которых может быть обусловлена как личными склонностями, так и запросами со стороны общества и иных структур. При этом, человеческий потенциал как способность достигать цели способен накапливаться, в том случае, если обеспечиваются комфортные условия для развития задатков и физического благополучия индивида. Развитие потенциала отдельных людей приводит, в том числе, к увеличению совокупного человеческого капитала общества и государства, который, в отличие от потенциала, приложим в первую очередь в вопросах экономического развития.

Человеческий потенциал – гуманистическое понятие, в том смысле, что оно подразумевает первоначальное положение о ценности каждого конкретного индивида, уникальной совокупности его черт, способностей и задатков. В современном мире, в частности, в России, перед человеческим потенциалом стоят новые вызовы. Как отмечают исследователи из НИУ ВШЭ [7], один из главных вызовов современного информационного общества – необходимость культивации самостоятельности каждого отдельного индивида. В процессе развёртывания технологизации, цифровизации и роботизации привычных процессов, люди всё меньше нуждаются в помощи других людей, что означает, что они должны учиться

самостоятельно пользоваться новыми технологиями для решения тех задач, которые раньше требовали совокупных усилий нескольких человек.

Кроме того, как было описано выше, для раскрытия человеческого потенциала крайне важно именно обеспечение условий его свободной жизнедеятельности, предоставление ему возможностей пользоваться механизмами, которые помогают развивать задатки и способности. В информационную эпоху такие условия подразумевают, в том числе, безопасность личных данных и персональной информации, так как многие процессы, в том числе обучение, осуществляются в цифровом пространстве. Таким образом, кибербезопасность становится важным условием развития человеческого потенциала.

Другим важным фактором раскрытия и накопления человеческого потенциала является образование. В современном мире всё большую популярность набирает онлайн-образование, которое, в том числе, помогает встроиться в новую цифровую реальность лицам старшего поколения (что уже само по себе предполагает накопление человеческого потенциала, так как происходит приращение новых навыков и знаний). В России доля онлайн-образования на рынке образования составляет от 7 до 12% при средних 4–5% по миру[3]. Это значит, что уже в начале 2020-х гг. цифровые технологии становятся важным фактором развития человеческого потенциала в России, так как на базе них многие могут получить образование.

Таким образом, можно констатировать, что накопление и раскрытие человеческого потенциала сегодня тесно связано с процессом цифровизации, с телекоммуникационными, информационными и цифровыми технологиями. С одной стороны, индивиду приходится встраиваться в новую digital-реальность, а с другой – он может развивать свои способности, пользуясь теми возможностями, которые она предоставляет. Однако, чтобы грамотно пользоваться ими, необходим не про-

сто доступ к ним, но и умение грамотно взаимодействовать с порой агрессивной информационной средой. Совокупность этих навыков сегодня называется цифровой грамотностью.

Цифровая грамотность, индустрия и человек 4.0

Понятие цифровой грамотности пережило несколько трансформаций, появившись во второй половине прошлого столетия. Первоначально под ней понималась всего лишь совокупность технических навыков пользования компьютерами и иными примитивными на тот момент техническими системами. При этом, цифровая грамотность на тот момент не считалась чем-то необходимым, была атрибутом, в первую очередь, технических специалистов, которым приходилось напрямую взаимодействовать с данными и системами.

В сегодняшнем мире наблюдается абсолютно иная картина. Как показало исследование, проведённое в России в 2020 году, до 60% граждан в возрасте 15–17 лет ежедневно активно пользуются Интернетом и смартфоном и до 50% – ноутбуком [5]. Можно предположить, что за время пандемии COVID-19 эти цифры, скорее всего, значительно возросли. Кроме того, увеличилась доля профессий, для овладения которыми стало необходимо умение пользоваться определёнными компьютерными технологиями, владение ПК как минимум на пользовательском уровне. Все эти факторы – атрибуты развития в России и мире Индустрии 4.0 [4], которая подразумевает широкую работу с данными при значительной индивидуализации занятости, расширению круга задач каждого отдельного индивида, гораздо большей роли креативности. Всё это связано как раз с процессами технологизации, роботизации и цифровизации.

Вместе с усложнением индустрии, информатизацией повседневной жизни человека, по-новому начинает пониматься и цифровая грамотность. Сегодня с потоком информации, как текстовой, так и аудио-визуальной ежеднев-

но сталкивается практически каждый человек, особенно молодое поколение. Это обуславливает необходимость приобретения новых навыков переработки и восприятия этой информации, которые в своей совокупности образуют комплексное понятие цифровой грамотности.

Современное понятие цифровой грамотности Т.А. Бороненко, А.В. Кайсина и В.С. Федотова определяют следующим образом: «это способность человека безопасно использовать цифровые технологии для получения, обработки, хранения, передачи информации, осуществления коммуникации и сотрудничества, управления цифровой идентичностью и репутацией, создания и редактирования цифрового контента с учетом знаний об авторском праве, этических норм и ответственности, организовывать безопасность устройств и личных данных, управлять настройкой конфиденциальности информации; осуществлять техническое обслуживание цифровых устройств; обеспечивать сохранение физического и психологического здоровья, социального благополучия, решать проблемы личного, профессионального и общественного характера» [2].

Как видно из определения, современная цифровая грамотность подразумевает совокупность большого числа навыков и умений, формирование которых – непростая задача. Именно поэтому авторы называют её «педагогическим феноменом», подчёркивая комплексность понятия, предполагающую целый ряд занятий и мероприятий, направленных на овладение цифровой грамотностью.

Как становится ясно из определения, современный грамотный в цифровых вопросах человек способен не просто на механическое выполнение тех или иных задач с использованием ПК или смартфона. Он способен предпринимать индивидуальное мыслительное усилие по анализу поступающей информации, способен встраиваться в сложные цепочки взаимодействия с другими индивидами в цифро-

вом и информационном пространстве. Цифровая грамотность включает умение воспринимать и трактовать визуальную информацию, не просто работать, но и обслуживать технические устройства, не просто воспринимать, но и самостоятельно генерировать контент. Это значит, что для овладения цифровой грамотностью сегодня индивид должен развивать как навыки самостоятельной, так и командной работы, уметь анализировать информацию, обладать критическим мышлением для отсеивания ложных сведений, обладать гибкостью и адаптивностью мышления. Процессы в современном информационном мире ускоряются, сведения становятся всё более обрывочными, и для формирования целостного представления о каком-либо факте реальности уже недостаточно воспользоваться одним источником – человек должен обработать большие массивы данных и произвести их анализ, а затем самостоятельно сконструировать новое знание из фрагментированных сведений.

Понятие цифровой грамотности и его актуальность тесно связаны с формированием Индустрии 4.0[10] – экономики нового типа, характеризующейся определённым способом производства, управления, коммуникации. В рамках индустрии 4.0 основными продуктами производства становятся систематически сложные устройства, часто наделённые искусственным интеллектом, так как посредством обработки больших массивов данных они способны «обучаться», то есть подстраиваться под требования среды и менять свой функционал в зависимости от неё. Такие устройства, как сложные компьютеры, 3D-принтеры, развитие облачных систем и всё большая виртуализация самых разных процессов – всё это является атрибутами индустрии 4.0. В рамках данного этапа развития меняется и производство, оно становится «умным», то есть подразумевает, во-первых, активную работу с большими массивами данных, после обработки которых совершенствуются производственные процессы, во-вторых, связано

с сетями коммуникаций между устройствами и приборами, так как коммуникации способствуют передаче данных, обмену информацией, а также являются необходимыми из-за усложнения каждого этапа производства, когда на каждом уровне производится лишь малая, но очень сложная часть конечного продукта.

Индустрия 4.0 предполагает подготовку профессиональных кадров нового уровня, принципиальные изменения в образовании людей, что ведёт к формированию человека 4.0. Так как новые способы производства предполагают непрерывный процесс передачи, накопления, обработки и анализа информации, новый человек должен уметь справляться с этими непрерывными потоками. Именно поэтому с развитием Индустрии 4.0 тесно связано внедрение институтов непрерывного образования, что предполагает постоянное восприятие человеком новой информации и непрерывное совершенствование навыков. Это связано также с ускорением технического прогресса, который постоянно предъявляет к человеку всё новые требования. Человек должен быть адаптивным и гибким, обладать навыками работы с цифровыми системами, выполнять аналитические операции и справляться с постоянным информационным потоком. Как мы видим, требования, которые к человеку предъявляет индустрия 4.0, перекликаются с данным выше определением цифровой грамотности. Действительно, именно такие умения и знания нужны человеку для того, чтобы встроиться в новый способ производства. Вместе с тем, усвоение этих навыков и знаний, с одной стороны, само по себе является процессом накопления человеческого потенциала, а применение навыков, связанных с новой цифровой грамотностью, в рамках индустрии 4.0, способствует раскрытию этого потенциала.

В рамках индустрии 4.0 меняются и способы управления производством и человеком. Машины становятся умнее, человек – самостоятельнее, так как использование передовых информаци-

онных технологий предполагает замену многих звеньев производственной цепи усилиями одного индивида, который сам становится более компетентным и целостным. В таких условиях управление должно видоизменяться: теперь оно должно быть направлено, в первую очередь, не на осуществление жёсткого контроля, а на предоставление возможности творить в определённом направлении с широкой степенью автономии каждого управляемого. Процессы становятся всё более горизонтальными, так как и социальные отношения, и производственные, превращаются из вертикали в сеть.

Цифровая грамотность как фактор накопления и раскрытия человеческого потенциала в современном мире

Остаётся сделать выводы о том, как связана цифровая грамотность и человеческий потенциал и связаны ли они вообще. Как было отмечено выше, для накопления и раскрытия человеческого потенциала нужны определённые условия и механизмы, а не только открытое свободное общество, позволяющее индивиду реализовывать свои задатки на основе личных склонностей. Факторы раскрытия потенциала менялись в различные исторические эпохи, и сегодняшняя эпоха характеризуется высокоскоростными темпами развития инфокоммуникационных технологий, цифровизацией большого количества процессов, генерацией масштабных объёмов информации и контента на постоянной основе. Человек, не владеющий навыками работы и, даже шире, жизни в такой реальности, не может в полной мере воспользоваться теми инструментами, которые предоставляет современный мир ему для самореализации. Кроме того, как сказано в предыдущем разделе, именно цифровая грамотность сегодня подразумевает обладание всеми необходимыми для жизни в информационном и цифровом мире навыками, умениями и знаниями. Эти навыки, умения и знания, во-первых, ценны сами по себе. Умение анализировать и самостоятельно

искать информацию, способность генерировать новое знание на основе анализа полученных или найденных фактов, навыки как индивидуальной, так и совместной работы, а также значительный рост самостоятельности в виду индивидуализации информационного пространства, формируемого для самого себя каждым конкретным индивидом – все эти компоненты цифровой грамотности формируют нового человека информационной эпохи, который обладает большим количеством навыков, недоступных для людей предшествующих эпох. В этом аспекте овладение цифровой грамотностью непосредственно способствует накоплению человеческого потенциала, так как таким образом грамотный человек способен достигать целей, используя абсолютно иные навыки, технологии и возможности для реализации и выполнения тех или иных задач.

Кроме того, цифровая грамотность является ещё и посредником для накопления и раскрытия человеческого потенциала. Современный информационный мир предоставляет индивиду широкий спектр возможностей для развития при использовании им инструментов цифровой среды, работе с новыми технологиями. Даже просто онлайн-обучение, в ходе которого накапливается человеческий потенциал, подразумевает наличие элементов цифровой грамотности. В связи с этим, получается, что для того, чтобы накапливать новые навыки и развивать имеющиеся способности, используя возможности, которые предоставляет современный мир, человек также должен обладать цифровой грамотностью.

В заключение необходимо сказать о том, как реализуется повышение цифровой грамотности в России. Как было отмечено выше, в стране большая доля молодого поколения значительную часть времени проводит в цифровой среде. Это неудивительно, ведь уже практически взрослым является поколение, которое ряд исследователей называют «цифровыми аборигенами» – людьми, родившимися в цифровую эпоху. Такие люди, с одной стороны,

постоянно взаимодействуют с цифровыми технологиями, а с другой – могут не обладать навыками анализа информации и данных, то есть, имеют навыки инструментального характера. Поэтому одним из векторов современного российского образования является развитие цифровой грамотности у детей, которое начинается уже с начальной школы. При этом, отмечается необходимость внедрения уроков критического анализа информации уже в детских садах.

Кроме того, исследователи отмечают необходимость осуществления обучения работе в цифровой среде старшего поколения. Следует отметить, что в России уровень грамотности технических специалистов весьма высок, а технологии онлайн-образования и массового переобучения, направленного на обретение навыков работы в цифровой среде, развиты лучше, чем в среднем по миру. Таким образом, Россия встраивается в общемировую тренд развития цифровой грамотности, а построение в стране Индустрии 4.0, предполагающей повышение этой грамотности, приводит не только к накоплению совокупного человеческого капитала, но и накоплению и раскрытию человеческого потенциала каждого конкретно индивида.

Литература

1. Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1 / Под ред. В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1975. – 550 С.
2. Бороненко Т. А., Кайсина А.В., Федотова В.С. // Концептуальная модель понятия цифровой грамотности. – Международный электронный научный журнал, 2020. – ISSN 2307–2334.
3. Прорывные инновации: человек 2.0: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) П816 международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 4–8 апреля 2022 г. / С.А. Гавриш, Л.М. Гохберг, Д.Е. Грибкова и др.; под ред. Л.М. Гохберга, А.Р. Ефимова, Ю.В. Мильшиной; Нац. ис- след. ун-т «Вышая школа экономики», ПАО Сбербанк. – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 56 с. – 100 экз. – ISBN 978–5–7598–2649–1.
4. Козлова Е. Д., Шестаков С.А. / Анализ подготовки кадров для цифровой экономики через развитие цифровой грамотности и цифровых компетенций. // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «Stud-Net». – № 10/2020.
5. Разварина И.Н., Калачикова О.Н. Информационно-коммуникационные технологии. влияние на познавательные процессы школьников. – Социальная безопасность, образование и здоровье, 2020.
6. Ролз, Джон / Теория справедливости // Дж. Ролз. – Издательство Новосибирского Университета, 1995. – 536 с.
7. Новые требования к человеческому потенциалу: развитие самостоятельности [Текст]: докл. к XXI- II Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / П.С. Сорокин, И.Д. Фруммин, Е.А. Терентьев, Ю.Н. Корешникова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 51 с. – ISBN 978–5–7598–2654–5 (в обл.). – ISBN 978–5–7598–2464–0.
8. Толковый словарь русского языка // Ожегов С.И.; Шведова, Н.Ю. – М.: Аз, 1996.
9. Федотов А.А. Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий. – Экономика и бизнес: теория и практика, 2021. – № 7.
10. Хубулова С.А., Хубулова В.В., Заварин И.О., Москалик Софья Александровна. Индустрия 4. 0: развитие человеческого капитала // Социально-гуманитарные знания, 2018. – № 12.
11. Марта С. Нуссбаум // Создание возможностей / Издательство Белкнап Гарвардского университета, Кем-

бридж, Массачусетс, и Лондон, Англия, 2011. – 252 с.

THE PHENOMENON OF HUMAN POTENTIAL IN AN AGE OF INDUSTRY 4.0

Makarenko E.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article redefines modern concepts of human potential and digital literacy, which have been aligned with the changed level of material, technical and spiritual development of humanity. It is concluded that both concepts have a complex character and become more complex in the process of human development, requiring the inclusion of new characteristics and skills, and in addition are transformed by scientific and technological progress, in which the formation of Industry 4.0, which features are also considered in the article. It also proves that increasing digital literacy in today's world leads to the accumulation and unlocking of human potential, as the changed environment in which modern man lives requires a high level of technical skills, understanding of complex digital processes and the ability to process large-scale flows of information continuously circulating in the digital space.

Keywords: human capacity, digital literacy, information society, technological progress, Industry 4.0.

References

1. Aristotle. *Nicomachean ethics*. – M.: Eksmo, 2019. – 320 p.
2. Boronenko T. A., Kaysina A.V., Fedotova V.S. // *Conceptual model of the concept of digital literacy*. – International electronic scientific journal, 2020. – ISSN 2307–2334.
3. Breakthrough innovations: human 2.0: report to the XXIII Yasinskaya (April) P816 international scientific conference on the problems of economic and social development, Moscow, April 4–8, 2022 / S.A. Gavrish, L.M. Gokhberg, D.E. Gribkova and others; ed. L.M. Gokhberg, A.R. Efimova, Yu.V. Milshina; National research University "Higher School of Economics", PJSC Sberbank. – M.: NRU HSE, 2022. – 56 p. – 100 copies. – ISBN 978–5–7598–2649–1
4. Kozlova E. D., Shestakov S.A. Analysis of staff training for the digital economy through the development of digital literacy and digital competences. – Scientific and educational magazine for students and teachers "Stud-Net". – No. 10/2020.
5. Razvarina I.N., Kalachikov O.N. Information and communication technologies. Impact on the cognitive processes of schoolchildren // *Social security, education and health*, 2020.
6. Rawls, John. *The theory of justice*. – Publishing house of Novosibirsk University, 1995. – 536 p.
7. New requirements for human potential: development of independence [Text]: report. to the XXIII Yasinsk (April) int. scientific conf. on the problems of development of the economy and society, Moscow, 2022 / P.S. Sorokin, I.D. Frumin, E.A. Terentiev, Yu.N. Korshnikova; National research University "Higher School of Economics". – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2022. – 51 p. – ISBN 978–5–7598–2654–5 (reg.). – ISBN 978–5–7598–2464–0.
8. Explanatory dictionary of the Russian language // *Ozhegov S.I.; Shvedova, N. Yu.* – M.: Az, 1996.
9. Fedotov A.A. Human potential and human capital: the essence and difference of concepts // *Economics and business: theory and practice*. 2021. No. 7.
10. Khubulova S.A., Khubulova V.V., Zavarin I.O., Moskalik Sofya Alexandrovna *Industry 4. 0: development of human capital // Social and humanitarian knowledge*. – 2018. – No. 12.
11. Martha C. Nussbaum // *Creating Capabilities / The Belknap Press of Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England*, 2011. – 252 p.

Эволюция социальной роли спорта высших достижений в российском обществе

Чернышев Виктор Петрович,

к.п.н., профессор зав. каф. ФКиС ФГБОУ ВО ТОГУ,
заслуженный тренер РФ
E-mail: vchernyshov_vp@mail.ru

Бородин Петр Владимирович,

к.п.н., доцент каф. ФвиС ФГОУ ВПО ДВГМУ
E-mail: Borodinpetr@mail.ru

Клименко Василий Александрович,

к.п.н., доцент. Каф. ФвиС ФГОУ ВПО ДВГУПС
E-mail: vasilii_klimenko@mail.ru

Кондратюк Ирина Валерьевна,

ст. преподаватель каф. ФКиМБДФГБОУ ВО АГПУ
E-mail: kondratuk@yandex.ru

В статье сделана попытка с помощью теоретической интерпретации современного состояния спорта высших достижений в стране определить роль и место данного социального объекта. Подчеркивается особенности взаимоотношений основной массы населения и группы элитных спортсменов. Показано, что спортсмены становятся лидерами общественного мнения не сами по себе, их «назначают» на эту роль зрители. Зрители, являясь пассивными участниками процесса физического развития, не просто определяют свое отношение к элитным спортсменам, они своим вниманием регламентируют способы презентации спорта как такового. Когда элитные спортсмены выпадают из злободневной повестки и дрейфуют в не свойственные им области человеческих практик, происходит размывание смысловой матрицы самого явления. Для спортсменов это часто становится финишем не только в их спортивной карьере, но влечет за собой утрату их имиджа, как лидеров общественного мнения. Снижение значимости элитного спорта в представлении общества негативно сказывается не только на всей физкультурно-спортивной отрасли, но и негативно влияет на собственно физическое развитие большого числа обывателей. Представленные в статье положения призваны осмыслить реальное положение дел в отрасли и заострить вопрос о социальной роли спорта высших достижений для снижения негативных последствий ухода данной социальной группы из приоритетной сферы интересов граждан.

Ключевые слова. Спорт высших достижений. Социальная ткань общества. Референтные группы. Интересы граждан. Участники и зрители процесса.

Социальный статус современных элитных спортсменов необычайно высок в планетарном масштабе. При этом ролевые позиции спортсменов в средствах массовой информации представлены диаметрально противоположными полюсами, от неистового обожания и, даже, обожествления, до полного уничтожения и неприятия. Все события в мире спорта высших достижений моментально преподносятся прессой с позиции этих полюсов и становятся мейнстримом повестки дня для огромного количества людей на всем земном шаре. Такое положение спортсменов делает необходимым анализ степени их влияния на умы людей и скрупулезного осмысления данного социального феномена. Известный мем «короля делает свита» вполне способствует заявленной нами исследовательской позиции, с которой осуществляется попытка понять, что вкладывают люди в ролевой статус своих кумиров, для чего им это нужно, почему именно представители спорта оказались в современном состоянии общественного развития особой группой людей, к которым приковано пристальное внимание масс.

Немецкий философ Х.У. Гумбрехт в работе «Похвала красоте спорта» высказал не тривиальную мысль: «Все, что нужно спорту, – это дистанция между спортсменом и зрителем – дистанция, достаточная для зрителя, чтобы уверовать в то, что его кумиры обитают в каком-то другом мире. Это и есть то условие, при котором спортсмен становится объектом преклонения и восхищения» [3., С. 10]. По мысли этого специалиста «преклонение и восхищение» это не просто реакция человека на гармонию и красоту физических проявлений спортсменов, а базовое, фундаментальное основание личности самого человека, испытывающего потребность в особом конструировании мироздания в котором с необходимостью должны

присутствовать объекты не только не поддающиеся рациональному анализу, но и «особым образом сами конструирующие реальный мир» [4., С. 57]. Гумбрехт неосознанно повторяет идеал развитого физически человека, который был основным мотивом античного мира. В сочинениях Геродота, Фукидита, в поэмах Гомера и других античных авторов мы видим описание героев, которые по всей своей сути стремились к около божественному статусу, общались с олимпийскими богами непосредственно и не только превосходили современников своими физическими возможностями, но и играли роль посредников между отстоящими друг от друга мирами. При этом следует отметить, что люди сами наделяли своих героев свойствами, которые позволяли им играть роль посредников, об их подвигах слагались мифы и легенды, воспевавшие как физические, так и моральные качества, как сказали бы сегодня, лидеров общественного мнения. Принципиально иное отношение к физическому статусу человека и, соответственно, к его роли публичного выразителя мечтаний и устремлений народа мы видим в средние века. Телесность поставлена под вопрос, это не более чем оболочка, темница для бессмертной души, физическое совершенство не просто не приветствуется, но явным образом отчуждается от жизненных проявлений. Оба подхода к физическому статусу человека вовсе не канули в лету в современности, наоборот, между этими крайними полюсами продолжается история тела, дрейфуя от полного признания значимости, до полного ее отрицания [2]. В современной российской традиции мы можем увидеть данную тенденцию во всем ее проявлении. При историческом переходе от одной модели государственного устройства к другой многие легальные институты предшествовавшей эпохи не исчезают полностью, но изменяют свой статус радикально. В советской модели физической культуры и спорта для элитных спортсменов была зарезервирована особая ниша общественного

признания. Спортсмены были определенным каноном для молодежи исключительно в рамках отведенной им роли. Физическое развитие атлетов, их успехи на международной арене служили для государства тем идеологически нагруженным концептом, через структуры которого преференцировался определенный образ личности современного «строителя коммунизма» [8]. Развитое, гармоничное тело человека, по мысли властей, должно было свидетельствовать о непрерывном росте благосостояния советских граждан во всех сферах развития личностного начала. Спортивные подвиги, совершаемые атлетами, преподносились как свидетельство правильности выбранного государством курса строительства современного государства. Несмотря на формально любительский статус спортсменов государство заботилось о том, чтобы создавать для элитных атлетов тренировочные и бытовые условия, способствующие их конкурентоспособности на мировой арене. При этом важно подчеркнуть, что социальная роль спортсменов ограничивалась их профессиональными проявлениями и не выходила за рамки отведенные им государством. Ситуация резко изменилась в 90-е годы XX века при переходе к другой форме общественно-государственного устройства. На стыке эпох возник кризис идентичности общества в целом и отдельных референтных групп этого общества, помимо этого в полной мере проявился неожиданно возникший дефицит общезначимых спикеров общественного мнения, которым люди могли бы доверять в достаточной степени и через которых канализировались чаяния и устремления населения. Социальная группа элитных спортсменов в условиях дефицита легитимных политических и общественных институтов оказалась наиболее устойчивой стратой, общественный статус которой был освящен традицией. Различные политические силы в борьбе за внимание избирателей стали активно рекрутировать спортсменов в свои структуры, используя их популярность, узнаваемость

и любовь общества. Сами спортсмены легко поверили в предлагаемую им роль и с готовностью стали откликаться на поступающие предложения. Результатом описанного процесса стало массовое появления спортсменов в различных политических и общественных структурах государства. И если на начальном этапе строительства нового общества такая позиция приветствовалась большинством населения, то с наступлением более стабильного периода государственного строительства роль публичных спикеров общественного мнения стала оформляться более четко и жестко. Многие спортсмены, волею судьбы оказавшиеся на пике общественного признания, не смогли в достаточной мере реализовать те преимущества своей профессиональной значимости, которые на практике оказались не достаточными для занятия ниши лидеров общественного мнения. Уже в нулевые годы мы стали свидетелями оттока спортсменов из органов политического представительства. Еще одна социальная трансформация произошла в эти же годы с представителями мира спорта, в силу специфики своего рода занятий, спортсмены оказались особенно востребованы резко проявившимся криминалом. Группы «спортсменов» оказались организованными структурами с достаточно четкой иерархией, способностью к подчинению, целеустремленностью и в силу этого востребованность их профессиональных навыков мощно канализировалась в дефицитные в те годы практики общественного устройства. Следует отметить, что группы «спортсменов» не менее активно рекрутировались различными силовыми структурами, опять же в силу их профессиональных качеств. По мере упорядочивания социальной жизни общества и создания особых условий для достижения высоких спортивных результатов, значительная часть спортсменов была вовлечена в легальные учебные и общественные структуры и приобрела характерные именно для этой группы молодежи черты. В общественной жизни социальная

роль спорта вообще и спортсменов в частности стала вполне легитимной и востребованной. Государство, со своей стороны, всячески поощряло вовлеченность молодежи и всех других возрастных групп населения в активные занятия физической культурой. Серьезные финансовые вложения в инфраструктуру отрасли, повышение наградного фонда на всех уровнях от самых маленьких до ветеранов и многое другое, способствовало притоку в разнообразные спортивные практики большого количества людей. Спортивные результаты стали учитываться как преференции при поступлении в высшие учебные заведения, выросли международные региональные контакты. В обществе сложилось устойчивое представление о том, что спортивная карьера в любом масштабе это важный социально-личностный ресурс развития [6.,7.]. Однако на международной арене в отношении спортсменов России стали сгущаться тучи. Громкая череда допинговых скандалов, отстранение целых федераций от участия в крупнейших международных стартах стали сигналами для всех причастных к миру спорта о серьезных имиджевых возможностях спорта в целом, выступать в роли инстанции, позиционирующей себя как референтная группа для подрастающего поколения. Практически полный запрет наложенный международными структурами на представительство элитных спортсменов в мировом масштабе, который мы наблюдаем сегодня заставляет специалистов отрасли пристально вглядываться в социальную роль этого сегмента в новых реалиях. Описанный выше феномен дрейфа спортсменов из привычной ниши в смежные области человеческих практик – политику, шоу бизнес, криминал и другие, заставляет предположить, что с утратой наиболее значимой позиции спортсменов, как представителей своей нации в межкультурном общении с зарубежными коллегами, возможна трансформация их ролевого статуса в общественном устройстве. На практике это означает что срочно необходимо

менять как форму, так и содержание представленности спортсменов в социальном устройстве. Очевидно, что в складывающихся условиях развития спорта акценты должны быть перенесены на массовое вовлечение населения в занятия физической культурой, но в отечественной практике до сих пор не было попыток сделать собственное физическое развитие индивида его личным делом. Спорт в предыдущие времена всегда находился в особом прикладном пространстве о чем свидетельствует название самого массового физкультурно-спортивного движения в стране – комплекса ГТО. В самом названии комплекса достаточно жестко определены области, ограничивающие средства производства человека как личности, прикладными аспектами, востребованными не самим агентом действия, а некоей третьей инстанцией, конкретно – государством. Именно по силовым линиям прикладных аспектов формировались и зрительские предпочтения огромной массы пассивных участников движения. Элитные спортсмены, волею судьбы попавшие в последние годы в фокус внимания публики как образцы экономического и социального успеха не стали полноценными драйверами развития физкультурно-спортивного движения. Спорт высших достижений как человеческая практика, помимо прикладных коннотаций несет в себе, несомненно, огромный эвристический потенциал. Элитные спортсмены, будучи обособленной группой, добившийся в своей деятельности предельных результатов, получают от общества существенные привилегии, которые рассматриваются как заслуженная награда людям, сумевшим раздвинуть представления о возможностях человеческого организма. Однако важно различать привилегии моральные, нравственные и материальные. По легенде олимпийки в античности получали право при вооруженном противостоянии представлять свой полис в первых рядах воинов, что резко повышало риск получения ранения или гибели, но это право рассма-

тривалось как священная привилегия. В современных условиях акценты привилегий оказались резко смещены в сторону материальных поощрений спортсменов. Материальное благополучие совсем молодых людей негативно влияет на их имидж проводников духовных ценностей и, таким образом, потенциал спорта как условия гармоничного развития личности снижается. Профессиональный век элитных спортсменов не долго и это заставляет многих из них сосредотачивать усилия на обеспечении дальнейшей жизненной карьеры в ущерб общечеловеческим ценностям ориентирам. Изменение концентрации внимания основной массы потребителей информационной спортивной повестки может проходить внешне не заметно, особенно для тех акторов, которые вовлечены в процесс плотно. Но с изменением социального статуса отрасли в целом происходит и ее внутренняя трансформация, результаты которой станут наглядными только постфактум. Как считают эксперты [5] статистический прогресс – это вытеснение старой информации, что, однако, не означает превосходства новой. Новые реалии жизни, выносящие на поверхность иные приоритеты не отменяет старые, а лишь подмораживают их активность, буквально загоняя вглубь то, что еще вчера казалось устойчивым и надежным. Похожую картину мы наблюдаем на уровне вузовского образования сегодня. Спортивные достижения молодых людей играют все меньшую роль при позиционировании вузов как площадок организованных не просто для получения профессиональных знаний, но и как площадок для социализации молодых людей в самом широком смысле. Еще совсем недавно спорт входил в число приоритетов которыми стоило гордиться и которые стоило всячески поощрять. В последние годы этот процесс сменился если не на полную остановку, то на снижение темпа развития. Возможно, решающую роль при изменении фокуса внимания как администраций вузов, так и самих участников педагогического процесса сыграла пан-

демия COVID-19, радикальным образом отразившаяся на таком специфически практическом учебном предмете как «Физическая культура и спорт». Просидев более двух лет подряд за мониторами компьютера молодые люди пропустили важнейший этап постпубертатного развития, когда потребности в двигательной активности наиболее высоки и именно в этот период окончательно оформляется предпочтительность траектории развития физического статуса индивида. Как бы там не было следует четко понимать, что всякая физкультурно-спортивная деятельность сегодня перестает быть ключевым параметром, входящим в перечень жизненных приоритетов молодежи. В соответствии с этим пресловутая дистанция между элитными спортсменами и остальным населением истончается, другими словами у элитного спорта сужается ореол сакральности, этот вид человеческой практики становится профанным [1]. Изменение социального статуса элитного спорта, запрет российским спортсменам на участие в крупнейших международных форумах, снижение финансирования отрасли приведет в долгосрочной перспективе к размыванию задачи развития человека в гармонически сбалансированную личность. Естественным образом стоит ожидать снижение притока талантливой молодежи в спорт, что еще больше повлечет за собой угасание интереса населения к данному социальному феномену в целом. Ученые всех направлений давно бьют тревогу по поводу физиологического и ментального здоровья каждого последующего поколения, именно поэтому спортивная деятельность во всех формах должна быть манифестирована как абсолютно приоритетная. Спорт высших достижений это не просто вершина всей системы, это такой специфический ориентир личностного развития, который во все времена был и останется востребованным общественным институтом. Свойство человеческой психики выбирать для себя значимые явления, занимающие в социальной ткани определенное

место не является константой по отношению к конкретным объектам. Ориентация на объекты, динамическая величина, зависящая от множества факторов, спад интереса населения к физическому статусу, переход спорта высших достижений из сакрального в профанный режим существования свидетельство необходимости активизации поиска новых средств и методов, способных вернуть отрасль на передовые позиции. Без качественного развития физических качеств человек не может считаться полноценной, гармоничной личностью, поэтому актуальность поднятого вопроса очевидна.

Литература

1. Агамбен, Джорджо. Профанации. Пер. С итальянского К. Токмачева. М.: Изд. «Гилея». – 2014. 111 с.
2. Вигарелло, Жорж. Самоощущение. История восприятия тела. (XX–XXI вв.) / Пер. С фр. Л.Б. Комиссаровой – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. – 256 с.
3. Гумбрехт Х.У. Похвала красоте спорта / Пер. с англ. В. Фещенко. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 176 с.
4. Мамардашвили, Мераб. Классический и неклассический идеал рациональности. М.: Изд. «Логос», 2004, 240 с.
5. Талейб Насим Николас. Одураченные случайностью: о скрытой роли шанса в бизнесе и жизни / Н.Н. Талейб; – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 400 с.
6. Чернышев В.П., Чернышева Л.Г., Мацко А.И. Варнина А.С. Современное состояние физической культуры как маркера социальных изменений общественного устройства. Социология. 2021. № 6. С. 64–69.
7. Чернышев В.П., Малюгин А.М., Бородин П.В., Клименко В.А. Физическая культура и спорт в современном обществе как компенсаторный аспект социальности. Социология. 2021. № 5. С. 216–220.

8. Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; пер. с англ.; М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

THE EVOLUTION OF THE SOCIAL ROLE OF ELITE SPORT IN RUSSIAN SOCIETY

Chernyshev V.P., Borodin P.V., Klimenko V.A., Kondratyuk I.V.

FviS FGOU VPO FVGUPS, FKIMBD FGBOU VO ASPU

The article attempts to determine the role and place of this social object with the help of a theoretical interpretation of the current state of elite sport in the country. The features of the relationship between the bulk of the population and the group of elite athletes are emphasized. It is shown that athletes do not become leaders of public opinion on their own, they are "appointed" to this role by the audience. Spectators, being passive participants in the process of physical development, do not just determine their attitude towards elite athletes, they regulate with their attention the ways of presenting sports as such. When elite athletes fall out of the topical agenda and drift into areas of human practice that are not characteristic of them, the semantic matrix of the phenomenon itself is blurred. For athletes, this often becomes the finish line not only in their sports career, but entails the loss of their image as leaders of public opinion. The decrease in the importance of elite sports in the society's view negatively affects not only the entire physical culture and sports industry, but also negatively affects the actual physical development of a large number of inhabitants. The provisions presented in the article are intended to comprehend the real state of affairs in the industry and sharpen the issue of the social role of elite sport

in order to reduce the negative consequences of the withdrawal of this social group from the priority sphere of interests of citizens.

Keywords. Sports of the highest achievements. The social fabric of society. reference groups. The interests of citizens. Participants and spectators of the process.

References

1. Agamben, Giorgio. Profanation. Per. From Italian by K. Tokmacheva. M.: Ed. "Gilea". – 2014. 111 p.
2. Vigarello, Georges. Self-awareness. History of body perception. (XX–XXI centuries) / Per. From fr. L.B. Komissarova – M.: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. – 256 p.
3. Humbrecht H.U. Praise to the beauty of sports / Per. from English. V. Feshchenko. – M.: New Literary Review, 2009. – 176 p.
4. Mamardashvili, Merab. Classical and non-classical ideal of rationality. M.: Ed. "Logos", 2004, 240 p.
5. Taleb Naseem Nicholas. Fooled by chance: about the hidden role of chance in business and life / N.N. Taleb; – M.: Hummingbird, Azbuka-Atticus, 2022. – 400 p.
6. Chernyshev V.P., Chernysheva L.G., Matisko A.I. Varnina A.S. The current state of physical culture as a marker of social changes in the social structure. *Sociology*. 2021. No. 6. S. 64–69.
7. Chernyshev V.P., Malyugin A.M., Borodin P.V., Klimenko V.A. Physical culture and sport in modern society as a compensatory aspect of sociality. *Sociology*. 2021. No. 5. S. 216–220.
8. Yurchak, A. It was forever until it ended. The last Soviet generation / Alexey Yurchak; per. from English; M.: New Literary Review, 2016. 664 p.

Роль монарха в эпоху цифровых технологий (на примере Королевства Бельгии)

Ермакова Элла Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра французского языка, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России)

E-mail: ella_ermakov@mail.ru

Стремительное развитие цифровых технологий в XXI веке сталкивает человечество с новыми вызовами: от ломки глобальной системы управления обществом до переосмысления роли национальных государств в современном глобальном мире. Новые скорости развития общества диктуют новые подходы к самой идее власти, ставят под вопрос прежние формы правления, предлагая в качестве альтернативы наднациональные властные структуры. Тем более удивителен в наше время достаточно живой общественный интерес к странам с монархической формой правления, которые в основном сосредоточены в Европе и Азии. Сегодня монархические институты власти не должны восприниматься как нечто архаичное и неподвижное. Современные монархии проделали сложный путь модернизации, в попытке вернуть себе объединительный статус последней инстанции, когда решается судьба страны. В данной статье рассматривается феномен королевства Бельгии, где в последние годы, отмеченные и традиционными межнациональными конфликтами, проблемами борьбы с коронавирусом и последствиями колониального прошлого, последовательно растёт авторитет короля. Автор рассматривает факторы, объясняющие это явление, которое может стать стабилизирующим во время всеобщего социально-политического кризиса.

Ключевые слова: Бельгия, король бельгийцев Леопольд I, король бельгийцев Леопольд II, король бельгийцев Филипп, Ковид-19, Демократическая Республика Конго, Бельгийское Конго, Софи Вильмес, «Открытые фламандские либералы и демократы» (Open VLD), «Франкофонные либералы», «НФА», «Фламандский интерес», Фландрия, Валлония.

Никто в Европе не оспаривает лидерство по популярности английского королевского двора. Сайт королевства обновляется ежечасно, заманивая подписчиков яркими нарядами всех членов королевской семьи, видеорядом официальных визитов, прямыми трансляциями и историческими документами.

Место королевства Бельгии в европейской монаршей семье по сравнению с Великобританией не столь заметно. Однако в последнее десятилетие авторитет короля бельгийцев Филиппа среди собственного населения неуклонно растёт. Этот стабилизирующий феномен заслуживает особого внимания, поскольку речь идёт, во-первых, о самой молодой, искусственно созданной монархии в Европе, и, во-вторых, о стране с очень запутанным клубком межнациональных противоречий, особенно проявляющихся в традиционном противостоянии валлонского и фламандского сообществ.

Своеобразие бельгийской монархии обусловлено рядом факторов, уходящих корнями в сравнительно недавнюю историю, когда в 1830 году Бельгия, выйдя из состава нидерландского королевства, получила независимость. В декабре – январе 1830–1831 г. Лондонская конференция признала суверенитет Бельгии и провозгласила её постоянный нейтралитет, который был гарантирован Великобританией и Францией [Ермакова, 2014, 21–31].

Бельгия была объявлена королевством с конституционной формой правления во главе с королём Леопольдом–Георгом–Христианом–Фредериком Саксен-Кобургским, который происходил из древнего рода герцога Бранденбургского Альберта по прозвищу Медведь, время правления которого относится к X в. [Higounet, 1989, 85].

Первый король бельгийцев Леопольд I принёс присягу 21 июля 1831 г. Этот день стал для Бельгии нацио-

нальным праздником. До своего вступления на престол Леопольд Саксен-Кобургский делал солидную военную карьеру, не представляя себе, что однажды может стать королём. Он даже служил в ранге полковника в русской армии, в Измайловском полку, во время войны с Наполеоном. Однако, поднявшись на престол нового молодого государства, Леопольд I проявил себя незаурядным политическим деятелем. За тридцать лет правления, до своей смерти (1831–1865 гг.) Леопольду I удалось сделать немало для становления и укрепления Бельгии: он урегулировал проблему размежевания границ с Нидерландами, содействовал активному развитию промышленности, торговли, строительству железных дорог, способствовал развитию и расширению системы доступного образования. Именно при Леопольде I появились теперь уже известные во всём мире государственные университеты в Льеже и Генте. Главной политической заслугой Леопольда I было создание в Бельгии такой парламентской системы, при которой две основные политические партии сменяли друг друга, предоставляя возможность королю опираться на большинство. Недаром современники его называли «Европейским оракулом» за влияние на мировую политику [Léopold Ier, www].

Эта система сохраняется и в современной Бельгии уже при правлении потомка Леопольда I, короля Филиппа.

Однако вместе с несомненными достижениями современная бельгийская монархия унаследовала и немало сложных проблем, уходящих корнями в историю страны. Помимо внутривнутриполитических вопросов, связанных с традиционным непримиримым противостоянием Фламандского и Французского сообществ, Бельгия столкнулась с необходимостью решать и внешнеполитические проблемы, в частности те, которые берут начало в колониальной политике сына Леопольда I Леопольда II в Африке, в Бельгийском Конго.

Определить роль королей бельгийцев невозможно без краткого экскурса в Конституцию Бельгии, которая была

принята 7 февраля 1831 года. Полномочия и обязанности монарха прописаны в Главе III, Разделе I и III, которые так и называются «О Короле» и «Компетенция» [Конституции..., 1997, 125–126].

В статьях 105–114 определены все полномочия Короля бельгийцев, причём каждое королевское право тут же сопровождается ограничением. Так по Ст. 106 Конституции Бельгии, «никакой акт Короля не может иметь силы, если он не контрассигнован министром, который тем самым несёт за него ответственность». Или же, например, в Ст. 108 содержится право Короля принимать регламенты и постановления, необходимые для исполнения закона, но при этом он не правомочен как приостанавливать сами законы, так и освобождать от их исполнения [Конституции..., 1997, 125–126].

При этом именно Король утверждает и промульгирует законы (Ст. 109). Он также имеет право приостанавливать или смягчать назначенные судьями наказания, за исключением решений, вынесенных относительно министров и членов правительств сообщества и региона (Ст. 110).

Король также может помиловать министра или члена сообщества или региона, осуждённого Кассационным судом, только по просьбе Палаты представителей или соответствующего Совета (Ст. 111). Король имеет право присваивать дворянские титулы, но, ни в коем случае не связывая с ними какие-либо привилегии (Ст. 113). Король жалует военные ордена, соблюдая при этом предписания закона (Ст. 114). Даже право Короля чеканить монету сопровождается пояснением «во исполнении закона» (Ст. 112) [Конституции..., 1997, 125–126].

Помимо вышеуказанных полномочий Король бельгийцев, согласно Ст. 167 § 1 Конституции, руководит всеми международными отношениями, независимо от компетенций сообществ и регионов в регулировании международного сотрудничества.

По той же Ст. 167 § 1 Король командует вооружёнными силами и вводит военное положение, а также прекраща-

ет военные действия. Он информирует об этом палаты Парламента, как только интересы страны ему это позволяют [Конституции..., 1997, 125–126].

Ст. 167 § 2 Конституции даёт Королю право заключать договоры, за исключением тех, которые заключаются правительствами сообщества и региона в пределах их полномочий. Эти договоры вступают в силу только после получения согласия совета [Ермакова, 2014, 39–41].

Как видно из Основного закона Королевства Бельгии, любое полномочие Короля тут же сопровождается контролирующими оговорками со стороны парламента, которые имеют целью поставить преграду любым возможным проявлениям абсолютизма королевской власти в ущерб существующей конституционной формы монархии. Конституционный монарх, согласно образному определению британского политолога Вернона Богданора, это «суверен, который царствует, но не правит» [Vernon, 1996, 407–422].

За почти два столетия своего существования бельгийская монархия прошла сложный путь, связанный и с потерей своего первоначального влияния, и с постоянными попытками удержать авторитет на достойном уровне, соответствовать задачам и требованиям меняющегося мира.

До 1909 г. короли бельгийцев активно занимались внешней политикой без консультаций со своими министрами. Однако в дальнейшем ни Альберт I (годы правления 1909–1934), ни его старший сын Король Леопольд III (с 1934 по 1951 гг.) уже не могли похвастаться реальным влиянием на принятие решений в королевстве [Wynants, 2002, 9].

Уменьшение роли монарха постоянно наблюдалось и в такой сфере как оборона и безопасность страны, несмотря на то, что Конституция страны, как было отмечено выше, наделяет Короля особыми полномочиями в этой сфере: личное командование армией в предвоенное и военное время и последующие широкие политические полномочия в случае капитуляции. Однако все попытки

бельгийских монархов добиться реального контроля над вооружёнными силами не увенчались успехом, каждый раз встречая твёрдое сопротивление со стороны кабинета министров.

Так зачем же тогда сохранять устаревшую монархию в эпоху, когда происходит слом всех существовавших прежде форм правления в пользу глобального цифрового управления обществом? Почему в эпоху стремительного прорыва новых методов управления в современных монархиях так устойчиво рекламируются королевские семьи, тратятся огромные бюджетные деньги на их содержание, торжественные выходы и мероприятия, ежедневно обновляющаяся информация в СМИ, на сайтах в интернете и прочие, на первый взгляд, ненужные траты?

Однако сегодня, когда кризис глобального проекта управления общества стал очевиден, страны сталкиваются с проблемой поиска собственной аутентичности, суверенитета, национальной идеи, способных объединить нацию для развития в новых условиях. И тут выясняется, что у стран с монархической формой правления гораздо больше шансов объединить нацию, поскольку у них есть проверенный веками механизм для реализации этих целей – монарх.

Король бельгийцев Филипп, находящийся у власти с 2013 года, является гарантом целостности страны, которая находится под угрозой раскола из-за противостояния Фламандского и Французского сообществ. Это основная, цементирующая роль короля бельгийцев, который всегда должен оставаться над внутренними конфликтами, быть объективным и беспристрастным, стараясь прийти к консенсусу в интересах единства страны.

Существует и другое мнение. Противники института монархии считают, что королевские семьи тратят неоправданно огромные суммы на предметы роскоши, одежду, визиты, приемы и прочие затратные мероприятия. Им возражают, что в действительности затраты на монаршие семьи окупаются тем моральным и цементирующим влиянием

на общество, которое они оказывают, особенно в драматичные моменты для общества: войны, стихийные бедствия, теракты, эпидемии. К тому же в реальности все королевские траты жёстко контролируются и регламентируются со стороны правительства и составляют определённую статью бюджета. Так, ежегодная часть государственного бюджета, которая предоставляется в личное распоряжение монарха для потребностей его и его семьи (цивильный лист) составляет 12.525.000 €. Для сравнения можно посмотреть доходы самых богатых людей в мире, чтобы понять, насколько «бедными» могут быть их величества [Le budget, www].

К тому же ежегодно все члены королевской семьи, которые получают государственное финансирование, представляют премьер-министру отчёт об общественно полезной деятельности, которую они вели в течение года, используя бюджетные ассигнования [Dotations, www].

Король бельгийцев до сих пор сохраняет ещё одну привилегию, которая также вызывает общественную полемику – он не платит налоги. Особенно резко против этого «анахронизма» выступают фламандские националисты [Fonteneau, www].

И всё же, когда общество реально сталкивается со сложнейшими социально-политическими и экономическими проблемами, возникает естественная потребность людей найти поддержку и опору в сильном лидере. Будь то король, президент или премьер-министр.

У короля бельгийцев Филиппа за последние годы появился уникальный шанс продемонстрировать своим подданным реальный смысл существования бельгийской монархии в XXI в.

Речь идёт, прежде всего, об эпохальном для всего человечества периоде – конце 2019 – начале 2020 гг. Тогда был дан официальный старт самого важного этапа глобального проекта с целью тотального пересмотра управления обществом – объявление о планетарной пандемии. Идеи всеобщего цифрового

контроля над миллиардами жителями Земли как никогда раньше оказались близки к реализации. Разделённые на различные категории, люди по всему свету за считанные месяцы превратились из мирных потребителей в массовых носителей знаменитых QR-кодов со всеми вытекающими последствиями. Были закрыты границы стран, городов, улиц, домов, введены жёсткие локдауны, уничтожающие целые экономики и лишаящие простых людей средств к существованию, началось проведение поголовного медицинского эксперимента с сомнительной эффективностью. При этом нельзя забывать, что коварный Covid-19 продолжал триумфальное шествие по Планете, порождая теории и вымыслы о своём происхождении, безжалостно сталкивая интересы мировых фармацевтических монстров в погоне за сверхприбылями, разделив теперь уже медицинское сообщество на тех, кто за и кто против.

Бельгия среди других западноевропейских стран пострадала от последствий санитарной катастрофы больше других. Несмотря на тотальную вакцинацию, число заболевших и скончавшихся росло прямо пропорционально числу вакцинированных [Ермакова, 2021, 22–31].

Санитарные ограничения и их последствия вызвали в стране серьёзный социально-политический кризис.

Опросы общественного мнения показали, что больше, чем страх перед новой болезнью, бельгийцев волнует стремительное распространение электронных систем слежения, всеобъемлющая цифровизация общества под видом борьбы с пандемией, что наносит удар по демократическим завоеваниям, в частности, по свободе передвижения. Опасность таится в так называемых «специальных полномочиях», на которые получило право во время пандемии 2020 г. кризисное правительство Софи Вильмес [Arrêté royal, 2020, www].

Социальная напряжённость могла в любое время привести к политическому обострению в форме очередного правительственного кризиса. Ситуация

требовала срочного поиска варианта управления страной, который бы устроил все политические силы, представляющие интересы многонационального государства.

18 августа 2020 г. король бельгийцев Филипп поручил лидерам фламандской либеральной партии Открытые фламандские либералы и демократы (Open VLD) начать переговоры по формированию полноценного коалиционного правительства.

30 сентября 2020 г. после десяти раундов изнурительных переговоров в Бельгии было сформировано, а 1 октября 2020 г. приведено к присяге новое коалиционное правительство во главе с 44-летним лидером партии «Открытые фламандские либералы и демократы» Александром де Кроо. Перед новым премьер-министром была поставлена задача преодолеть противостояние оппозиционных партий в рамках коалиции, чтобы избежать политического, экономического и социального кризиса в стране, ослабленной межнациональными и санитарными испытаниями [Ермакова, 2021, 10].

К этому же к пандемическому периоду относится ещё одно эпохальное для всей Бельгии событие, в котором как никогда прежде проявилась личная инициатива и воля короля бельгийцев. Речь идёт об отголосках далёкого колониального прошлого Бельгии.

Колониальная система Бельгии просуществовала с 1885 по 1962 гг. и, в частности, соединяла в себе несколько территорий Центральной Африки. При этом 98% всех колониальных владений страны приходилось на Бельгийское Конго. Именно с этой страной связаны одни из самых позорных и кровавых страниц бельгийской истории.

Король бельгийцев Леопольд II, сын первого короля страны Леопольда I, вступил на престол в 1865 г. Его самое долгое правление (44 года) было отмечено, прежде всего, жёсткой и целенаправленной внешней политикой по расширению колониальных территорий. Аппетиты короля распространялись практически на все континенты, но именно

с Африкой связан настоящий успех. В 1884 году на Берлинской конференции после многолетних международных демаршей Леопольду II удалось оформить как личное колониальное владение бассейн реки Конго, вытеснив из этого региона португальцев. Территория получила название Свободного Государства Конго, которое в наши дни называется Демократической Республикой Конго. Гигантская территория, которая в 77 раз была больше Бельгии, славилась запасами каучука и слоновой кости [Томилини, 1960, 17–18].

К тому же статус личного колониального владения позволял Леопольду II управлять, по сути, своей собственностью без каких-либо консультаций с парламентом, полностью игнорируя правовые нормы. Беспощадная эксплуатация рабского труда сопровождалась беспрецедентной жестокостью, казнями за любое нарушение. Для осуществления карательных действий Леопольд II создаёт специальную военизированную организацию из наёмников «Форс публик» (Общественная сила). До сих пор нет официальной статистики о жертвах кровавой политики Бельгии в Конго. По некоторым подсчётам за сорок лет к 1920 г. колонизаторы уничтожили от 500 тысяч до 5 миллионов конголезцев. Но некоторые исследователи считают, что количество жертв могло достигать и 10 миллионов человек. 20-миллионное население Конго сократилось вдвое. А король Леопольд II вошёл в историю как «король-делец» и «король-мясник» [Camille, Moens, 2020, www].

С тех пор ни один бельгийский монарх не нашёл повода и мужества официально признать за Бельгией эти преступления и публично раскаяться за позорную политику геноцида в Конго.

Король Филипп стал первым бельгийским монархом, который 30 июня 2020 г. не просто поздравил конголезский народ с шестидесятой годовщиной независимости, а направил письмо президенту Демократической Республики Конго Феликсу Чисекеди. В письме содержатся сожаления и извинения за мрачные страницы истории, а также надежда на то,

что «для дальнейшего укрепления наших связей и развития ещё более плодотворной дружбы мы должны уметь говорить о нашей долгой общей истории правдиво и спокойно» [Муллаходжаева, 2020, www].

«Наша история полна общих достижений, но также хранит память о болезненных эпизодах, – признал в письме президенту Конго бельгийский король. – Во времена Свободного государства Конго в процессе колонизации бельгийцами было совершено много жестоко-сти, которая до сих пор лежит отпечатком на нашей общей памяти» [Лабутина, 2020, www].

Обращение короля бельгийцев к конголезцам широко освещалось в бельгийских СМИ, на сайте королевства. Однако не все в Бельгии с одобрением отнеслись к подобной инициативе короля. Так, представители партии «Франкофонные либералы», к которой принадлежит бывшая премьер-министр Софи Вильмес, открыто высказались против вмешательства монарха в иностранные дела [Gijs, Moens, 2020, www].

Жёсткую позицию по данному вопросу занимают представители и крайне правой партии «Фламандский интерес» (Vlaams Belang), которые считают, что любое обсуждение прошлого, прежде всего, бросает тень на фламандцев. «Переписывать историю нельзя. Нужно широкое обсуждение исторических событий с привлечением представителей различных бельгийских сообществ», – считает Патрик Деваэль, председатель парламента Бельгии [Gijs, Moens, 2020, www].

Ещё одним значительным событием в рамках новой геополитической стратегии Бельгии стал официальный визит короля и королевы Бельгии в Демократическую Республику Конго (ДРК) 7–13 июня 2022 г. Этот символический визит поставил точку отсчёта новой бельгийской дипломатии, став первым событием такого ранга с 2010 г. Тогда отец короля Филиппа Альберт II также совершил визит в ДРК с целью загладить вину своего предка перед этой африканской страной. Нынешний визит королевской четы

имеет особое значение, поскольку даёт понять как внутри страны, так и за ее пределами, что Бельгия готова принять новый расклад сил на мировой арене в качестве полноценного участника современного миропорядка и строить свою внешнюю политику на равноправной основе [Le roi..., 2022, www].

В данном контексте роль монарха очевидна. Будучи фигурой, олицетворяющей единство нации, он также символизирует идеи объединения, единства и доверия на международной арене. Визит в ДРК подтверждает это. Слова раскаяния, сожаления, извинения за деяния из уст монарха не воспринимаются как признак слабости. Наоборот, король Филипп продемонстрировал всем смелость и опыт политика, способного на самостоятельные действия.

В конституционной, парламентской монархии, при которой власть короля ограничена высшими законами государства либо прецедентными решениями, личные инициативы короля Филиппа вызывают много критики. Высказываются опасения об угрозе возвращения абсолютизма. Тем не менее современные тенденции развития общества всё энергичнее подталкивают к переосмыслению роли монархии. Анахроничная форма правления неожиданно приобретает второе дыхание в условиях поиска странами национальной, консолидирующей идеи, способной защитить интересы своих страна перед натиском глобальных вызовов. Именно поэтому личные инициативы короля Филиппа так широко и подробно освещались в бельгийской прессе, на телевидении с акцентом именно на независимые решения монарха. Ролики официального сайта королевства обновлялись мгновенно после каждого мероприятия королевской четы во время официального визита в Демократическую Республику Конго. Но сегодня даже менее значимые мероприятия с участием членов королевской семьи тут же становятся достоянием населения. Количество просмотров растёт ежедневно, что свидетельствует об интересе людей к жизни и деятельности монарших особ. Одни находят в ярких

картинках способ отдохнуть от депрессивной действительности, связанной с пандемическими испытаниями и мировым глобальным кризисом в целом, другие начинают видеть в монархе самостоятельного политика, способного находиться над схваткой и защищать интересы всех без исключения своих подданных. Недаром бельгийский монарх официально называется «Королём бельгийцев». Этим подчёркивается его вовлечённость в защиту каждого жителя его многослойной страны вне зависимости от национальной, социальной или политической принадлежности. Бельгийские политики, понимая важность влияния монархии на социальную и моральную обстановку в стране, вынуждены в последнее время уделять больше внимания созданию нового образа короля и его семьи, несмотря на все опасения возврата абсолютизма и предыдущие завоевания по ограничению влияния монархии. Король – гарант Конституции, хранитель традиций. Король, который продемонстрировал жителям Бельгии, что может быть самостоятельной политической фигурой в кризисных ситуациях, сразу же получил широкое одобрение со стороны простых бельгийцев. Возросшая популярность Филиппа за последние три года ясно демонстрирует запрос общества на сильного лидера, способного защитить интересы национального государства, сохранить его самобытность и независимость.

Литература

1. Ермакова Э.В. Внешние связи регионов Бельгии в системе европейских отношений (1957 г. по н/в): диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва, 2014 г. С. 21–31.
2. Ермакова Э.В. Ковид-19: бельгийский штамм // Социология. № 1. 2021. С. 22–31.
3. Конституции государств Европейского Союза / Под общей ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1997. 804 с.
4. Лабутина Д. «Болезненный эпизод»: король Бельгии извинился за колонизацию // Газета.Ru, 30.06.2020. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/06/a_13136209.shtml (дата обращения: 30.06.2020).
5. Муллаходжаева Т. Король Бельгии выразил сожаление за геноцид в ДР Конго, но не извинился // plus-one.ru, 30.06.2020. URL: <https://plus-one.ru/news/2020/06/30/korol-belgii-vyrazil-sozhalenie-za-genocid-v-dr-kongo-no-ne-izvinilsya> (дата обращения: 30.06.2020).
6. Томилини Ю. Конго // Вокруг света. № 7, июль 1960 г. С. 17–18.
7. Bogdanor Vernon. The Monarchy and the Constitution // Parliamentary Affairs, 1996, vol. 49 (3), pp. 407–422, doi:10.1093/pa/49.3.407 – excerpted from Bogdanor Vernon. The Monarchy and the Constitution, Oxford University Press, 1995. 344 p.
8. Dotations // La Monarchie Belge. URL: <https://www.monarchie.be/fr/informations/contact> (дата обращения: 30.06.2020).
9. Fonteneau Antoine. Roi des Belges: quel est son rôle? Quels sont ses pouvoirs? // tv5monde.com, 19.07.2017. URL: <https://information.tv5monde.com/info/roi-des-belges-quel-est-son-role-quels-sont-ses-pouvoirs-181669> (дата обращения: 30.06.2020).
10. Gijs Camille, Moens Barbara. Belgian king breaks silence on colonial past // POLITICO, 30.06.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/belgian-royals-remain-cautious-about-colonial-apology/> (дата обращения: 30.06.2020).
11. Higounet Charles. Les Allemands en Europe centrale et orientale au Moyen Age. Paris, Aubier, 1989. 454 p.
12. Le budget alloué à la monarchie belge en forte augmentation // Lesoir.be. 23.09.2021. URL: <http://www.lesoir.be/396418/article/2021-09-23/le-budget-alloue-la-monarchie-belge-en-forte-augmentation> (дата обращения: 23.09.2021).
13. Le roi Philippe est arrivé à Kinshasa pour une visite forte en symbole // La Libre.be, 07.06.2022. URL: <https://www.lalibre.be/belgique/societe/2022/06/07/>

le-roi-philippe-attendu-a-kinshasa-pour-une-visite-forte-en-symbole-2NP3GJE E7VFL5DN6ZVWLLZYC7E/ (дата обращения: 07.06.2022).

14. Léopold Ier // La Monarchie belge. URL: <https://web.archive.org/web/20131023120355/http://www.monarchie.be/fr/histoire/leopold-ier> (дата обращения: 30.06.2020).
15. Wynants Paul. Trois paradoxes de la monarchie en Belgique. La revue nouvelle, 2002, no. 03/4, pp.8–23.

THE ROLE OF A MONARCH IN THE AGE OF DIGITAL TECHNOLOGIES (BY THE EXAMPLE OF THE KINGDOM OF BELGIUM)

Ermakova E.V.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The rapid development of digital technologies in the 21st century confronts humanity with new challenges: from breaking the global system of social governance to rethinking the role of nation states in the modern global world. New rates of development of society dictate new approaches to the very idea of power, which put a question about the old forms of government, offering supranational power structures as an alternative. Even more surprising in our time is the rather lively public interest in countries with a monarchical form of government, which are mainly concentrated in Europe and Asia. Today, monarchical institutions of power should not be perceived as something archaic and immovable. Modern monarchies have gone through a difficult path of modernization in an attempt to regain the unifying status of the last resort when the fate of the country is decided. This article examines the phenomenon of the Kingdom of Belgium, where in recent years, marked by traditional interethnic conflicts, the problems of combating the coronavirus and the consequences of the colonial past, the authority of the king has been consistently growing. The author examines the factors that explain this phenomenon, which can become stabilizing during a general socio-political crisis.

Keywords: Belgium, King Leopold I of the Belgians, King Leopold II of the Belgians, King Philippe of the Belgians, Covid-19, Democratic Republic of the Congo, Belgian Congo, Sophie Wilmès, Open Flemish Liberals and Demo-

crats (Open VLD), Francophone Liberals, NFA, “Flemish interest”, Flanders, Wallonia.

References

1. Ermakova E.V. Vneshniye svyazi regionov Bel'gii v sisteme yevropeyskikh otnosheniy (1957 g. po n/v) [External relations of the regions of Belgium in the system of European relations (1957 to present)]: phd. Moscow, 2014, pp. 21–31.
2. Ermakova E.V. Covid-19: bel'giyskiy shtamm [Covid-19: Belgian strain]. *Sociology*, no. 1, 2021, pp. 22–31.
3. Konstitutsii gosudarstv Yevropeyskogo Soyuza [Constitutions of the states of the European Union] / Ed. and with entry. Art. L.A. Okunkova. Moscow, Publishing group INFRA M – NORMA, 1997. 804 p.
4. Labutina D. Boleznenny epizod»: korol' Bel'gii izvinilsya za kolonizatsiyu [“A painful episode”: the king of Belgium apologized for colonization] // *Gazeta.Ru*, 06/30/2020. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/06/a_13136209.shtml (Accessed: 30.06.2020).
5. Mullakhodjaeva T. The King of Belgium expressed regret for the genocide in the DR Congo, but did not apologize // *plus-one.ru*, 30.06.2020. URL: <https://plus-one.ru/news/2020/06/30/korol-belgii-vyrazil-sozhalenie-za-genocid-v-dr-kongo-no-ne-izvinilsya>(Accessed: 30.06.2020).
6. Tomilin Y. Kongo // *Vokrug sveta* [Around the world]. No. 7, July 1960, pp. 17–18.
7. Bogdanor Vernon. The Monarchy and the Constitution // *Parliamentary Affairs*, 1996, Vol. 49 (3), pp. 407–422, doi:10.1093/pa/49.3.407 – excerpted from Bogdanor Vernon. *The Monarchy and the Constitution*, Oxford University Press, 1995. 344 p.
8. Dotations // *La Monarchie Belge*. URL: <https://www.monarchie.be/fr/informations/contact>(Accessed: 30.06.2020).
9. Fonteneau Antoine. Roi des Belges: quel est son rôle? Quels sont ses pouvoirs? // *tv5monde.com*, 19.07.2017. URL: <https://information.tv5monde.com/info/roi-des-belges-quel-est-son-role-quels-sont-ses-pouvoirs-181669>(Accessed: 30.06.2020).
10. Gijs Camille, Moens Barbara. Belgian king breaks silence on colonial past // *POLITICO*, 30.06.2020.
11. Higounet Charles. *Les Allemands en Europe centrale et orientale au Moyen Age*. Paris, Aubier, 1989. 454 p.
12. Le budget alloué à la monarchie belge en forte augmentation // *LeSoir.be*.

- 23.09.2021. URL: <http://www.lesoir.be/396418/article/2021-09-23/le-budget-alloue-la-monarchie-belge-en-forte-augmentation>(Accessed: 23.09.2021).
13. Le roi Philippe est arrivé à Kinshasa pour une visite forte en symbole // La Libre.be, 07.06.2022.URL: <https://www.lalibre.be/belgique/societe/2022/06/07/le-roi-philippe-attendu-a-kinshasa-pour-une-visite-forte-en-symbole-2NP3GJEE7VFL5DN6ZWVLLZYC7E/>(Accessed: 07.06.2022).
14. Léopold Ier // La Monarchie belge. URL: <https://web.archive.org/web/20131023120355/http://www.monarchie.be/fr/histoire/leopold-ier>(Accessed: 30.06.2020).
15. Wynants Paul. Trois paradoxes de la monarchie en Belgique. La revue nouvelle, 2002, no. 03/4, pp.8-23.

Сравнительное исследование критической теории культуры Баумана и Хеллера

Гао Янь,

докторант, философский институт Хэйлуңцзянского университета
E-mail: 772854940@qq.com

Ло Шуан,

магистр, марксистский институт Хэйлуңцзянского восточного университета
E-mail: 772854940@qq.com

Культурно-критические теории восточноевропейских неомарксистов Баумана и Хеллера объединяют понятие культуры с современностью и указывают на парадоксальность существования культуры в современном обществе. Однако Бауман и Хеллер идут в разных направлениях с точки зрения того, каковы на самом деле корни современности, основанные на культурных парадоксах, и как подходить к культурным парадоксам современности. Бауман пытается понять парадоксальную природу культуры через открытое понимание культуры, утверждая, что только из практического измерения можно раскрыть сущность человеческой культуры и ее эволюционную траекторию в ходе современной истории, чтобы обеспечить непрерывное развитие и прогресс общества. Хеллер дает систематический анализ различных аспектов современности и состояния человека с микроскопической точки зрения, определяет три формы культуры в контексте современности и объединяет культуру и современность, чтобы исследовать пути разрешения культурных парадоксов. Именно благодаря такому детальному анализу Бауман и Хеллер способны лучше понять различные социальные проблемы, порожденные современностью, и причины проблем современности, а значит, найти решения культурных парадоксов.

Ключевые слова: современность; парадоксальность; культура; культурные практики

Будучи представительными фигурами восточноевропейского неомарксизма, Бауман и Хеллер оба дают определение культуры в целом, определение, которое происходит в контексте современности. И Бауман, и Хеллер рассматривают концепцию культуры в связи с современностью, и оба рассчитывают на решение культурных проблем современности, но в предлагаемых ими решениях есть различия. Бауман рассматривает человека как культурное существо – существо, которое делает культуру самоочевидной посредством практической деятельности, а культура, в свою очередь, раскрывает парадокс идеализма человеческого мышления и ограниченности реальности. Поэтому Бауман подчеркивает трансцендентность культуры над существующей реальностью и творческую роль личности в преобразовании культурной реальности. Хеллер же, основываясь на собственных размышлениях о современности, предлагает культурный разговор в рамках культурной концепции «культурного дискурса», в котором участники дискуссии ведут культурный разговор в свободной и эгалитарной манере, который также можно определить как вид диалога, характеризующийся кросс-контекстуальностью и саморефлексией. Именно презентация культурного разговора Хеллера становится силой для преодоления культурных парадоксов.

I. Концепция культуры, основанная на современности

Для Баумана и Хеллера культура – это квинтэссенция современного понятия, и культура возникает вместе с современностью.

Бауман отмечает, что культура – это самосознание современного общества, и как механизм воздействия на человеческую мотивацию она почти всегда сопровождается акцентом на роли человеческой воли. Во второй половине

Статья финансировалась аспирантским инновационным научно-исследовательским проектом Хэйлуңцзянского университета, проект № YJSCX2022-014HLJU.

восемнадцатого века в странах, где зарождалась современность, возникла и утвердилась идея культуры, чтобы провести различие между культурным фактом «человеческого достижения» и природным фактом «неизменности». Согласно Бауману, культура отличается от природных явлений тем, что она является уникальной особенностью человеческого существования в мире, более того, воплощает имманентное присутствие, которое побуждает людей постигать и критиковать существующий жизненный мир с подобным внутренним озарением. Таким образом, идея культуры следует по пути философии истории, антропологии и эстетики и становится священным символом «поворотного пункта в истории» XVIII века. Это означает, что появление концепции культуры сопровождалось пробуждением человеческого самосознания, «коллективного продукта новой философии; она рассматривала мир как сугубо человеческое творение и камень преткновения человеческих способностей». С этого момента мир понимался прежде всего как арена человеческих занятий, выбора, успехов и неудач».[3, с. 6] Эволюция культурных представлений изменила восприятие людьми собственного существования, и вместо того, чтобы быть рабами мира, они стали смотреть на свой жизненный мир как на познающий субъект. С тех пор теологическое мировоззрение рухнуло, менеджеры общества заменили божественный или естественный порядок порядком, основанным на законодательстве, а философы заменили Откровение истиной, основанной на разуме, и «избирательное сродство» между ними сосредоточено на прагматическом подходе к производству порядка, включающем обучение человеческим действиям и формирование духовной воли. Избирательное сродство» между ними сосредоточено на прагматическом подходе к созданию порядка, включающем обучение человеческим действиям и формирование духовной воли. По словам Баумана, «действие – скоординированное и целенаправленное действие – это плотина, которая защищает людей

от прилива беспорядка. Только благодаря «цивилизованным действиям» мы можем превратить зверей в людей, сделать людей отличными от их нынешнего низшего состояния и от их будущего состояния, если их природные инстинктивные тенденции не подавлены или все еще оказывают влияние, то есть если их не обучают или не тренируют вести себя радикально иначе, чем в прошлом. « [1, с. 156–157] Как видно, культура дала людям возможность создать островки порядка посреди хаотичного существования.

Вопрос о культуре в условиях современности также постоянно волнует Хеллера. Для Хеллера понятие культуры возникло с рождением современности и является типично современным продуктом. По мнению Хеллера, с развитием современности культура становится все более всеобъемлющей, навязывая современному человеку определенный набор общественных потребностей и стандартов ценности. Всеобъемлющая культура на самом деле подчиняется взаимодействию механизмов технологического воображения и исторического воображения. С одной стороны, самое новое считается лучшим в технологическом воображении; с другой стороны, самое старое считается самым ценным в историческом воображении. Ценны и новизна, и древность, и именно благодаря постоянному движению этих двух механизмов формируется всеобъемлющая культура. Культурный продукт становится гомогенизированным, растворяя качественные различия, и конечным результатом является исчезновение высокой культуры. По мнению Хеллера, это своего рода культурное истощение. В современном обществе культура проникла во все сферы общественной жизни, современность проехала по всем различиям, как паровой каток, а культурные продукты потеряли свою первоначальную ценность и были ассимилированы в коммерческие продукты. По словам Маркузе, «способ устранить двусторонние степени культуры заключается не в отрицании и отвержении различных «культурных ценностей», а в том, чтобы включить их все в установленный порядок,

воспроизводить и демонстрировать их в больших масштабах». [2, с. 47] В современном обществе, опосредованном всепроникающей массовой коммуникацией, критическое и трансцендентальное мышление, существующее в обществе, основательно окостенело, позволяя ложным потребностям реальности довлеть над основными потребностями культуры или даже заменять их. Гомогенизация культурной продукции привела к отказу от этого высокого уровня культуры, которая придерживается критического взгляда на реальность, превращая культуру, которая изначально предназначалась для наслаждения, в придаток культурной индустрии и теряя свою первоначальную ценность. В этом контексте Хеллер подчеркивает, что фундаментальный способ изменить эту ситуацию – восстановить первоначальную ценность культуры, вернуть общение и обмен между культурами и уважать культурные различия. В то же время вездесущность культуры привела к гомогенизации между культурами, что привело к сужению возможностей для культурного обмена. Согласно Хеллеру, истина культуры заключается в том, что она может существовать в культурной сфере как форма отрицания. Когда культура становится все более всеобъемлющей, это также означает, что культурные продукты больше не существуют как формы отрицания, но как аберрантные выражения, лишённые рационального критического мышления. Сфера культурного обмена ограничивается обменом талантами, работающими в смежных областях. В результате культура теряет свою первоначальную ценность и становится фрагментированной, не имея не только стандарта для обсуждения, но и общего культурного опыта для обмена, что затрудняет достижение исторических альтернатив, стимулирующих общественное развитие.

Само собой разумеется, что и эволюция идеи культуры, описанная Бауманом, и всеобъемлющая культура, которой занимается Хеллер, – это исследования современной культуры, и оба они являются размышлениями о современности на культурном уровне.

II. Парадоксальное существование культуры

Поскольку современность сама по себе является парадоксальным существованием, культура в современном обществе, несомненно, существует в форме парадокса. И Бауманн, и Хеллер анализируют парадоксальное существование культуры в современном обществе.

Для Баумана культура – это социальная практика, которая представляет собой то, как люди видят и думают о мире, позволяя им конструировать мир в соответствии с их собственными представлениями о желаемом, тем самым постоянно создавая условия для целенаправленных действий. Действительно, по словам Маркса, «создавая мир предметов практикой и преобразуя неорганический мир, человек проявляет себя как сознательный класс существ». [4, с. 273] В своей неустанной критике современности Бауманн делает теоретическое исследование культурных практик более четким. Для Баумана культура как объективная точка отсчета является ключом к анализу современного состояния человека, позволяя четко понять его свободу и необходимость. В то же время культуру необходимо интерпретировать в рамках социальных отношений, которые делают ее возможной и определяют ее доступность. Человек обретает порядок через культуру, и «логические противоречия идеи создания порядка отражают, в свою очередь, реальные социальные противоречия, конструируемые через практику создания порядка», что составляет особую амбивалентность культуры. [3, с. 12] Амбивалентность присуща культурному порядку, и в каждой социальной сфере существует исключение, которое Бауманн понимает как «другой порядок». Построение культурного порядка – это незавершенный и постоянно меняющийся проект, где каждая социальная сфера, будучи определенной, представляет собой также неопределенный остаток, амбивалентность и беспорядок. Благодаря культуре люди обретают способность конструировать социальный порядок из почти бесконечного пространства

возможностей, в той мере, в какой они сами могут участвовать в работе по созданию этого порядка. Но создавая порядок посредством культуры, человек также ограничивает себя, поскольку то, как он видит и действует в мире, по сути, определяется культурой. Другими словами, человек конструирует свой социальный мир через культуру и в то же время связан социальными структурами, которые он создает.

По словам Хеллера: «Современный человек находится в состоянии парадокса. Такова модель современного мира; он основан на принципе, который в принципе не является основой чего-либо; он основан на универсальной ценности или идее, которая в принципе делает основу недействительной». [5, с. 27] Разумеется, в современном обществе под влиянием модерна культура приобрела парадоксальное выражение. Хеллер не игнорирует размышления о парадоксальной природе культуры, но идет дальше, объединяя понятие культуры с современностью, глубоко указывая на парадокс самой современности, то есть на кризис, с которым она сталкивается. В современном обществе, где модерн распространяется очень быстро, культура подверглась его влиянию глубочайшим образом. В историческом процессе развития современности культура выполняла функцию переноса и передачи и создания норм и ориентиров для человеческой цивилизации. Современность делит культуру на высокую и низкую, и эта культурная дихотомия создала парадокс между ними. Таким образом, после создания концепции высокой культуры, ассимиляция высокой культуры, движимая динамикой современности, стала задачей, которую должны выполнить те, кто находится на более низкой ступени цивилизации. Высокая культура существует в соотношении с низкой культурой: во-первых, высокая культура подразумевает элегантность и утонченность, а низкая – пошлость и варварство; во-вторых, между ними существуют духовные и эстетические различия; и, наконец, в течение длительного времени различие между высокой и низкой

культурой трансформируется в элитарную и народную культуру. На самом деле, критерии для проведения различий между высокой и низкой культурой варьируются от одного периода к другому. В досовременных обществах культура отличалась «наличием или отсутствием интереса»; в современных обществах, однако, это различие изменилось с «наличия или отсутствия интереса» на «благоговительность интереса». По мнению Хеллера, демократия современности привела к парадоксу критерия удовольствия, поскольку демократизация не может отличить хорошее от плохого. Итак, современность приносит демократию, но она также приносит и культурные парадоксы. В демократических условиях современности удовольствие каждого одинаково важно. Таким образом, различие между высоким и низким, существующее между культурами в преобразованном социальном ландшафте, является недемократичным. Но если нет критерия интереса, то невозможно провести различие между высокой и низкой культурой. Таким образом, парадокс культуры неизбежно существует, как следствие современности и как ее предпосылка. Очевидно, что создание современности породило различие между высокой и низкой культурой, и в равной степени именно современность привела это различие к парадоксу.

Несомненно, Бауман настаивает на осмыслении современной культуры в терминах культуры как практики, через «структурированную» культуру как силу сопротивления культурной амбивалентности. Хеллер, с другой стороны, анализирует духовные основы процесса современности, анализируя парадоксы культуры и утопическую силу «культурного дискурса», пытаясь найти решение, частично приостановив практические и теоретические поиски. Подход «культурной беседы», предложенный Хеллером, является эффективным способом преодоления культурного парадокса. Каждый имеет равную возможность вступить в обсуждение культурного разговора в качестве участника, и в этом процессе нет никакой коммодификации.

Обмен мнениями подобен объятиям или пожеланиям, посылаемым друг другу, и относится к категории нерыночных товаров. Это, пожалуй, самое большое различие между культурными явлениями, содержащимися в первой концепции культуры, и культурными явлениями, содержащимися во второй. Ведь концепция культуры как культурного дискурса позволяет избежать поляризации, коммерциализации и коммодификации, которые имеют место в первой и третьей концепциях культуры. Поэтому приостановка собственных интересов является необходимым элементом, а приостановка интересов не требует наличия базы. Культурный дискурс – это избирательное и универсальное понятие, постоянный обмен мнениями в мире свободной беседы. Таким образом, культура оказывается не парадоксальной в свободном и равноправном культурном разговоре.

Литература

1. Зигмунт Бауман, Постмодернизм и его недостатки, перевод Сюнь Цзяньли и Ли Цзинтао, Шанхай: Издательство Сюе Линь, 2002.
2. Герберт Маркузе, «Односторонний человек», перевод Лю Цзи, Шанхай: Шанхайская переводческая пресса, 2008.
3. Зигмунт Бауман, Культура как практика, перевод Чжэн Ли, Пекин: Издательство Пекинского университета, 2009.
4. Полное собрание сочинений Маркса и Энгельса, том III, Народное издательство, 2002.
5. Агнес Хеллер. Теория современности, перевод Ли Жуйхуа, Пекин: Коммерческая пресса, 2005.

A COMPARATIVE STUDY OF BAUMAN AND HELLER'S CULTURAL CRITICAL THEORIES

Gao Yan, Luo Shuang

East University of Heilongjiang

The cultural criticism theories of Eastern European neo-Marxists Baumann and Heller combine the concept of culture with modernity for thinking, and both point out the paradoxical existence of culture in modern society. However, Bowman and Heller have gone in different directions in terms of what is the modern origin based on the cultural paradox and how to deal with the cultural paradox of modernity. Bauman tries to make people recognize the contradictions of culture through an open understanding of culture, and believes that only from the practical dimension can we reveal the essential connotation of human culture and its evolutionary trajectory in the process of modern history, so as to realize the continuous development and progress of society. Heller made a systematic analysis of all aspects of modernity and human existence from a microscopic perspective, defined three forms of culture in the perspective of modernity, combined culture with modernity, and explored solutions to culture. Paradoxical approach. It is precisely because of these detailed analyses that Bowman and Heller can better understand the various social problems brought about by modernity and the causes of modernity problems, so as to find a solution to the cultural paradox.

Keywords: modernity; paradox; culture; cultural practice.

References

1. Zygmunt Bauman, Postmodernism and Its Disadvantages, translated by Xun Jianli and Li Jingtao, Shanghai: Xue Lin Publishing House, 2002.
2. Herbert Marcuse, "One-sided Man", translated by Liu Ji, Shanghai: Shanghai Translation Press, 2008.
3. Zygmunt Bauman, Culture as Practice, translated by Zheng Li, Beijing: Peking University Press, 2009.
4. Complete Works of Marx and Engels, Volume III, People's Publishing House, 2002.
5. Agnes Heller. The Theory of Modernity, translated by Li Ruihua, Beijing: Commercial Press, 2005.

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY OF THE CITY

Kravchenko A.I. Citizen's clothes: the body is dressed and almost naked 4

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Stoyanov A.S. Expectations in the Social-Upbringing Work of The University: Cadets VS Students (On The Example Of The EMERCOM Academy Of Civil Defense) 24

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Zavarzina Yu.V. Sociology of management in the focus of social responsibility of business and human resource development..... 36

Moskvitina N.V. Human resource management strategies and staff training methods..... 50

THEORY AND METHODOLOGY

Bagaeva A.V., Ternovaya L.O. The figure of an official-scientist: personal connections between public administration and science 70

Davydov V.V. Application of metascientific knowledge in cognitive science 79

Kosinov S.S., Planidin E.S., Ovsy V.V. Volunteer activity at the social institute of physical culture and sport..... 89

Besova M.I., Kurilov S.N., Rodin A.B. Methodological problems of the development of the concept of transdisciplinarity 96

EMPIRICAL STUDIES

Arguchintsev A.V., Malykh S.V. Management of student research activities: social case 103

Kalinich V.S., Verpatova O. Yu. Patriotic education in modern Russian society: features and problems of development..... 110

Medvedev A.V., Medvedev R.A. Limitation of the use of personal vehicles in favor of public: the opinion of Russians..... 119

ECONOMIC SOCIOLOGY. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Osmolovskaya S.M. Problems and prospects of digitalization in higher education: a sociological aspect 128

Aliyev Z.H. The evolution of the institution of social choice 134

Cherkasova I.K. The structure and mechanisms of management of the metropolis..... 141

SOCIOLOGY OF CULTURE

Detochenko L.S. Modern trends in ensuring inclusiveness in the paradigm of higher education 145

PHILOSOPHY AND ANTHROPOLOGY OF CULTURE

Kashcheev S.I., Guseva S.V. Application of linguistic methods to determine cultural codes in the semiotics of culture 153

SOCIAL PHILOSOPHY

Dobrenkov V.I. F. Schleiermacher's hermeneutic method as the basis for the development of liberal and radical Protestantism 162

Makarenko E.D. The Phenomenon of Human Potential in an age of Industry 4.0 170

Chernyshev V.P., Borodin P.V., Klimenko V.A., Kondratyuk I.V. The evolution of the social role of elite sport in Russian society..... 178

SCIENTIFIC LIFE

Ermakova E.V. The role of a monarch in the age of digital technologies (by the example of the Kingdom of Belgium) 184

Gao Yan, Luo Shuang. A Comparative Study of Bauman and Heller's Cultural Critical Theories 193

